

Николай
Парфенов

Быль лысьвенских лесов

—
Век 20-й

Лысьва, 2022

Николай Парфенов

Быль лысьвенских лесов (век 20-й)

Лысьва
«Издательский дом»
2022

ББК 63.3(2)

П 18

Парфенов Н. М.

Быль лысьвенских лесов. Век 20-й / Н. М. Парфенов. – Лысьва : Издательский дом, 2022. – 239 с.

Лес – естественная среда обитания жителей Урала. Сотни лет лес кормил, поил, обогревал и давал работу металлургам, рудокопам, крестьянам, лесозаготовителям. Эта книга о том, как складывались отношения человека и леса, как они менялись в зависимости от требований времени и самого человека. Автор пытается показать, что потребительское отношение к такому неиссякаемому природному ресурсу как лес, ведет не только к экономическому обнищанию, но и духовному оскудению тех, кто не умеет рачительно хозяйствовать на своей земле.

Книга предназначена всем любителям и защитникам природы, учителям и учащимся, краеведам.

*Светлой памяти
отца Михаила Трофимовича
и мамы Валентины Ефимовны посвящается*

От автора (из воспоминаний)

7 сентября 2017 года на старинном Кузьинском тракте возле молодых посадок елей и кедров открывали памятник почетному лесоводу А. А. Журавлеву. Из разных уголков Урала на торжество съехались лесозаготовители, ученые-лесоводы, представители общественности, хорошо знавшие Александра Алексеевича. После торжественной части и застолья гости разделились на небольшие группы и, как водится, завели разговоры о лесе и людях, всю жизнь верой и правдой служивших ему.

Я ходил от одной группы к другой, слушал и размышлял о том, что у большинства людей существует устойчивое представление о лесе как месте, где растут грибы, ягоды, цветы, где можно отдохнуть от утомительных городских будней. Мало кому приходит в голову, что лес является рабочим местом для тысяч лесоводов, лесозаготовителей, ученых. Без леса и его богатств невысказана наша цивилизация и сбережение леса не чья-то прихоть, а первостепенная забота о глотке чистой воды и свежего воздуха для каждого из нас. Лес – огромный волшебный мир, без которого невысказана жизнь русского народа.

...Мое детство прошло на окраинных улицах города. Все свободное время мы, пацаны, проводили в пригородных лесах. Грибы и ягоды, игры в «партизан» были обычным летним занятием; осенью по первому снегу жгли костры и варили в котелках картошку в «мундире»; зимой – лыжи – куда же без них тогдашнему пацану. Постепенно шло познание окружающего мира. Удивление вызывали деревянные желоба, уложенные в тенистые русла едва струящихся по дну логов ручейков, хариусы, мечущиеся в мелководье Травянки, Запорной, Вашкора, Сосновки, Татарки, Грязнухи и еще бог весть

каких безымянных речушек; испуганный шепот бабушки при виде измятого малинника: «Пойдем отсюда, ОН тут ходит». По малолетству я не знал, что рядом с покосом незадолго до нас душистыми ягодами малины лакомился медведь.

Моя первая ночевка в лесу без взрослых состоялась, когда мне было лет 13-14. По городу разнесся слух, что на 6-м километре пропасть как много малины. Не долго думая, наша пацанья ватага уселась в поезд и отправилась в Кормовище. По разбитой лесовозной дороге мы пришли в свежую лесосеку, похожую на плохо вспаханное колхозное поле. Малины было немного, но я все же наполнил ягодами синий семилитровый чайник, чем был чрезвычайно горд. Спали прямо на земле под ворчливую скороговорку филина, устроившегося на вершине одинокой липы. Никогда до этого я не слышал звуки и не ощущал запахи летнего ночного леса. Это была волшебная сказка, память о которой я сохранил на всю жизнь.

Для подростков моего времени заготовка дров являлась привычным делом. Если отцу удавалось договориться с лесником, делянку получали недалеко от города. Под рубки ухода обычно шли береза и осина. Еловый сухостой попадался редко. Мы с отцом валили деревья двуручной пилой, а потом хлысты разделявали на «метровики». Когда отец был на работе, я помогал деду раскалывать «метровики» на две половины. Сначала дед вырубал из ильма клинья, потом, начиная с торца, делал вдоль чурки насечки и двумя-тремя ударами обухом топора по клину разваливал чурку пополам. Довольно быстро эту науку освоил и я. Заготовленные дрова выносили на плечах к старому волоку и очень тщательно укладывали в штабеля. Мне запомнилось, как аккуратно работали отец с дедом: не дай Бог, если спиленная лесина падала на молодую елку.

В молодые годы я работал заведующим орготделом горкома комсомола. По роду службы часто приходилось бывать в леспромхозах, благодаря чему из первых рук я познакомился с нелегким трудом лесозаготовителей и жизнью лесных поселков. Меня, городского жителя, удивляло, что леспромхозы, как заводы, работали круглосуточно – днем и ночью. Рано утром, спеша к бакальскому поезду, можно было видеть зарево

электрического света над нижним складом, слышать работу механизмов и громкие голоса рабочих, занимавшихся погрузкой древесины в железнодорожные вагоны.

Конечно, я замечал, как с каждой поездкой в Кын, Кумыш или Кормовище лес отступал от дорог и лесопунктов, как от горизонта до горизонта расползались вырубки. Особенно это было видно зимой: ни березки, ни ёлочки. Безрадостная картина бескрайнего поля не могла породить крамольное предположение, что через несколько десятилетий Лысьвенский городской округ отнесут к лесодефицитным районам Пермского края.

Спустя годы, вдоволь набродившись с ружьем и собакой по лысьвенским лесам, я понял, к чему привела плановая борьба за лесокубометры, насаждаемая партийными и лесными начальниками. Катастрофой для лесопользования Лысьвенского района обернулось наличие сплавных рек и железной дороги. Провалы лесозаготовок в труднодоступных северных районах области пермские начальники компенсировали повышенными заданиями лысьвенским леспромхозам. Систематически в полтора – два раза превышалась расчетная лесосека и, как следствие, быстро оскудевала лесосырьевая база. С годами лесозаготовительные объемы сокращались, технический парк современной заготовительной и перерабатывающей техники становился ненужным, люди оставались без работы.

Почему так случилось? Как люди хозяйничали в лесу? Само собой появилось желание осмыслить вековую историю наших лесов с позиций рядового человека, не специалиста, который не представляет своей жизни без хвойных и березовых рощ, без звонкого посвиста рябчика, доносящегося из молодого ельника.

Пришлось надолго поселиться в муниципальный архив, листать подшивки старых газет, рыться в фондах центральной городской библиотеки, снова и снова просматривать краеведческие альманахи, беседовать с лесными специалистами, искать старые фотографии. Работа не просто увлекла, а раскрыла неведомый мне мир, о котором захотелось рассказать таким же, как я, грибникам и ягодникам, рыбакам и охотникам, туристам и путешественникам.

С чего начиналась быль

История лесопользования на территории Лысьвенского района напрямую связана с металлургическим заводом. Лес нужен был повсюду: на строительстве жилья и заводских фабрик, при выплавке чугуна и прокатке железа, в шахтах и рудниках. В советское время, начиная 1930-х годов, заготовка леса в Лысьвенском районе приобрела промышленные масштабы, но все по порядку...

При разделе отцовского наследства княгиня Варвара Александровна Шаховская получила огромные земельные наделы на Среднем Урале и около 20000 душ крепостных, проживающих в разных концах европейской части России. По данным профессора Ф. С. Горового, внучка княгини Варвара Петровна Бутеро-Родали получила в Пермской губернии 714519 десятин земли и лесов¹. Таким образом, по меркам 18-го века у княгини Варвары Александровны было все для успешной хозяйственной деятельности.

При выборе места под Лысьвенский чугуноплавильный и железоделательный завод княгине Варваре Александровне Шаховской приходилось учитывать множество факторов, так или иначе связанных между собой. Исходя из соображений целесообразности, Лысьвенский завод следовало возводить неподалеку от Кусье-Александровского завода, в котором Варвара Александровна имела домну на паях со своей сестрой княгиней Анной Александровной Голицыной. Расчет делался на подвоз в Лысьву передельного чугуна. Со временем в Кусье построили вторую домну. Кроме того поблизости от Кусьи имелись богатые залежи железной руды, на основе которых долгие годы действовали так называемые Койво-Куртымские рудники. До Лысьвенского завода от этих рудников было не так уж и далеко.

¹ Для сравнения: действительный статский советник В. А. Всеволожский имел 277707 дес., графиня Е. П. Строганова – 249337 дес., Х. Е. Лазарева 609054 дес. (См. Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 29).

Лысьвенский завод и пруд в XIX в. Акварель И. И. Спехова

И все же главной причиной, определившей выбор площадки под новый завод, стала река Лысьва. Известно, что в 18 веке главным энергоносителем для металлургического производства была вода. К середине века неосвоенных рек для организации водохранилищ почти не осталось, а это значило, что на Среднем Урале не осталось свободных мест для строительства новых заводов. Каждое подходящее для новостройки место становилось предметом ожесточенных споров и тяжб. По этой причине княгине Варваре Александровне Шаховской пришлось пережить судебную тяжбу с сенатором Всеволодом Алексеевичем Всеволожским, который также претендовал на лысьвенское урочище.

Средняя по размерам река, какой являлась Лысьва, позволяла не только скапливать достаточное количество воды для железоделательного производства, но и предоставляла возможность выходить на реку Чусовую – главную транспортную артерию горнозаводского Урала в 18-м и первой половины 19-го веков.

Помимо реки будущим хозяевам завода приходилось учитывать количество и качество окрестных лесов, т.к. металлургическое производство немислимо без дровяного топлива и древесного угля. По оценкам специалистов, лесов вокруг будущего завод имелось в достаточном количестве.

Территория Лысьвенской дачи княгини Шаховской, на которой располагался завод, находилась на северо-западе Лысьвенско-Тулумбасовской возвышенности, что в значитель-

ной степени определяло ее рельеф и почвенно-климатические условия¹. Местность имеет тенденцию повышения в направлении с запада на восток. Западная часть представляет собой холмистую равнину, восточная состоит из невысоких хребтов с ровными вершинами, имеющих высоту от 200 до 380 м. Наивысшая точка находится на так называемом Кыновском доре в верховьях реки Бурсяк и имеет высоту 482 м над уровнем моря; наивысшая точка в районе города расположена на горе Каланча и имеет отметку 277 м. Важным для данной работы является то, что все самые масштабные заготовки леса в 20-м веке состоялись именно в восточной части Лысьвенского района.

Территория изрезана долинами рек Барда (209 км), Шаква (167 км), Лысьва (112 км) и их притоков. В общей сложности имеется около 120-130 родников, ручьев и рек длиной от 0 до 10 км и 38 рек длиной от 10 до 80 и более км. Питание рек происходит за счет снега (около 53%), дождя (29%), подземных вод (18%). На юго-восточной окраине территории протекает река Чусовая. Все реки принадлежат бассейнам Чусовой и Сылвы, которые впадают в Каму.

Во времена сплава древесины почти на всех малых реках – Травянка, Сосновка, Татарка, Большая и Малая Запорная, Каменка, Рассоха, Чизма, Терси, Поньш и других – организовывались пруды. Это позволяло в нужный момент с помощью водяного вала увеличить объем паводковых вод и беспрепятственно доставить древесину по назначению.

Что касается климата, то это типично умеренно-континентальный климат с коротким теплым летом и холодной продолжительной зимой. Самым теплым месяцем считается июль, холодным – январь. Крайние температурные отметки летом +37, зимой – -40 градусов. Количество осадков достигает 700 и более мм в год: летом наиболее частые дожди выпа-

¹ Здесь и далее использован: «Отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Обследование особо охраняемых природных территорий (ООПТ) местного значения Лысьвенского городского округа»: реферат. Пермь, 2014.

дают в августе – сентябре, обильные снегопады зимой – в январе – феврале. Хотя, как говаривали старые люди, «и в марте снег наваливает с сидячую собаку». Постоянный снежный покров образуется в ноябре месяце. Глубина снега, который часто не тает до конца апреля, достигает 700 и более мм. Гребень речного паводка соотносится с последней неделей апреля – первой неделей мая.

Благодаря легкорастворимым горным породам территория изобилует оврагами. Процесс оврагообразования идет ускоренными темпами в связи с интенсивной вырубкой лесов. В силу той же легкорастворимости горных пород имеется много карстовых воронок и рек с сухими руслами.

Поскольку содержание упомянутого выше «Отчета...» отвечает теме нашего исследования, приведем из него цитату: *«Большая часть района относится к району средне – и южнотаежных предгорных пихтово-еловых и елово-пихтовых лесов, небольшой участок в северо-западной части, где расположен г. Лысьва, входит в район южнотаежных пихтово-еловых лесов с преобладанием осиновых и березовых лесов на месте южнотаежных темнохвойных лесов. Юго-западная часть Лысьвенского района отнесена к ботанико-географическому району широколиственно-елово-пихтовых лесов. Район средне- и южнотаежных предгорных пихтово-еловых и елово-пихтовых лесов отличается от равнинных большей примесью пихты и сосны сибирской, преобладанием трав над кустарниками и широким распространением травяных, особенно папоротниковых, типов леса. Для южнотаежных предгорных лесов характерно*

А. В. Зануцци

большее, чем на равнине, участие неморальных¹ видов и большее разнообразие травяных типов леса».

Примерно такую же картину лысьвенских лесов рисовал в начале 20-го века известный лесовод А. В. Зануцци. Он, в частности, указывал на значительные запасы малопродуктивных лесных пород, таких как пихта, липа и осина. По данным Александра Владимировича, в 1904 году елово-пихтовые леса Лысьвенского горного округа занимали 69,9% всех лесных территорий².

Хозяйственное освоение территории началось после завершения судебных тяжб и раздела Пермского наследства барона А. Г. Строганова. В. А. Шаховская получила земли, протянувшиеся узкой лентой от Пермского Прикамья до восточных склонов Уральского хребта. В 19-м веке эти земли стали называться Лысьвенским горным округом. От сопредельных территорий, принадлежащих князю Голицину, государственным крестьянам Сосновской волости, шаквинским татарам, графу Строганову и другим округ отделяла граница в виде лесной просеки шириной в две сажени. В местах изменения направления просеки выкапывались межевые ямы и устанавливались межевые столбы, на которых размещались таблички

¹ Неморальные леса – зимнепокоящиеся лиственные леса; бореальные леса – хвойные леса.

² Огромным благом для лысьвенских лесов стал наем графом П. П. Шуваловым 15 ноября 1902 года А. В. Зануцци (1865–1913 гг.) на работу в должности главного лесничего Лысьвенского горного округа. Под его руководством в лысьвенские леса пришли наука и хозяйский подход в использовании природных богатств округа. Варварские рубки заменила система упорядоченных лесозаготовок, составлялись схемы прокладки дорог, не наносящих ущерб лесу, разрабатывались современные проектные документы по рациональному использованию и восстановлению лесных запасов и т.д. За 11 лет службы Зануцци привел лесопользование округа в образцовый порядок. В 1908 году Александр Владимирович инициировал закладку парка в Лысьвенском заводе; активно занимался общественной деятельностью. В память о лесоводе установлена мемориальная доска в парке.

с государственным гербом и фамилией владельца земли. Внутреннее земельное обустройство округа заключалось в виде отдельно выделенных территорий под названием дачи. Они также отделялись одна от другой лесными просеками шириной в одну сажень. На покосах разделительную линию прокладывали с помощью двухрядной межи, пропаханной плугом. На поворотах грани или межи ставились простые деревянные столбы. На расстоянии одной сажени от столбов выкапывались межевые ямы размером две на две сажени. Если расстояние между столбами превышало пятьсот саженей, через каждые двести пятьдесят саженей копались дополнительные межевые ямы. Такое скрупулезное размежевание необходимо было для предотвращения появления лесорубных артелей с сопредельной территории. В истории сохранились примеры, когда лесозаготовки становились предметом споров между Голицыными и Шаховскими.

Для удобства пользования дачи разделялись на кварталы просеками шириной в одну сажень. Форма квартала могла быть прямоугольной, квадратной, трапецевидной или в виде ромба. Для удобства лесопользования протяженность одной стороны каждого квартала Лысьвенской дачи составляла две версты в отличие, например, от Бисерской дачи, где протяженность стороны квартала доходила до шести-восьми верст.

В 1821 году состоялось одно из первых межеваний Лысьвенской дачи, а спустя семь лет появилась первая межевая книга. Площадь дачи составляла 640 кв. верст. На перекрестках просек устанавливались квартальные столбы с указанием номеров сопредельных кварталов. В межевую книгу занесли данные о 223 кварталах

После отмены крепостного права и по мере углубления экономического кризиса уменьшались прибыли заводладельцев, получаемые от Пермских вотчин. В качестве альтернативных источников доходов Шуваловы использовали увеличение добычи золота, платины, алмазов и, конечно, продажу леса. Начиная с 1890-го года, лесостроители проводили ежегодные инструментальные съемки лысьвенских лесов с целью определения их товарной ценности и путей доставки древеси-

ны на рынок. Заодно изучались территории, пострадавшие от пожаров, самовольных рубок, просматривалась перспектива продажи лесных угодий крестьянским обществам и лесопромышленникам, в чем хозяева были крайне заинтересованы.

Лес и завод

Название слова «лысьва» происходит от коми-пермяцкого «лыс», что значит «хвойная веточка» и «ва» – «вода». Таким образом, гидроним подсказывает, что на территории Лысьвенского урочища доминантным видом были хвойные породы деревьев.

С вырубки елового леса вдоль русла реки началось обустройство ложа будущего заводского пруда. Надо полагать, что одновременно шла выкорчевка пней и очистка от порубочных остатков будущего прудового дна, потому что древесный мусор мог забивать водотоки или, как их называли, прорезы. Их устраивали в теле плотины для организации подачи воды на водобойные колеса, приводящие в движения фабричные механизмы.

Отборные бревна подвозили к месту будущей плотины и рубили клетки, которые устанавливали на вбитые в землю сваи из лиственницы. Готовые клетки закладывали бутовым камнем и забивали утрамбованной глиной.

Срубленный лес использовался для строительства эстакады будущей домны, служебных помещений и жилья. Стены фабрик рубили из бревен, крыши собирали из досок. Для огнестойкости стены обмазывали глиной, с намешанной туда шерстью животных. Поскольку был конец лета 1785 года, на зиму заготовливали топливо. Первый дровяной склад разместили между рекой и крутым левобережным склоном ниже плотины. На этом месте дрова хранили более полутора сотен лет. Рядом со складом существовал специальный прорез, по которому пропускали лес, предназначенный для отопления. Другой дровяной склад находился на стрелке впадения речки Травянка в заводской пруд. Это место лысьвенцы называют «мыс». На территории завода находилась лесопилка. Доски и

брус, получаемые после разделки хлыстов, использовали для хозяйственных нужд и строительства шитиков – маломерных речных судов. Ниже плотины, на одном из прорезов, располагалась пристань. Весной в половодье пристань использовалась для загрузки железом шитиков, построенных зимой. Специальные артели сплавливали груз по Лысьве до Усть-Долгинской пристани на реке Чусовой.

Администрация завода придавала первостепенное значение заготовке дров и древесного угля. Для рубки леса и доставки древесины на место требовалось большое количество рабочих рук и лошадей. Нехватка того и другого ощущалась постоянно. Лес рубили топорами. Пилами лесорубы начали пользоваться только с середины 19-го века и то с большой неохотой.

Для заготовки древесины, сплава, выжига угля хозяева привлекали крепостных крестьян. В разное время они назывались приписными, непременно или подзаводскими работниками. Их собирали из разных вотчин, порой расположенных на десятки и сотни верст от Лысьвы. За каждые 25 верст, проделанные к месту назначения, крестьянам платили по 3 копейки.

22 июня 1929 года в одном из первых номеров многотиражной газеты «Искра» безымянный автор писал: *«На месте нынешнего лысьвенского пруда более 150 лет назад на берегу реки Лысьвы стоял лес. Чтобы расчистить пруд, лес был вырублен частью на постройку плотины, частью на дрова. Поперечных пил в то время совсем не было в употреблении. Лес в дрова рубили топорами. Дрова рубили 8 и 12 четвертей для обжига угля. С раннего утра до позднего вечера махали топорами крепостные рабочие князя. Чтобы выполнить заданный приказчиком урок, работать приходилось семьями. Рубят аршинной толщины кряжи на 8–12 четвертей чурки, раскалывают их на поленья и кладут кубами: сажень в длину, ширину и сажень и три вершка высоты.*

Дровяной склад на территории завода

Работы хватит мужикам, бабам и подросткам-девчатам и парням. Не колкую березовую чурку раздирают высушенными березовыми и железными клиньями, колотя по ним сделанными из берез палками. Утомительная долгая работа. За весь день короткий перерыв, чтобы съесть кусок хлеба и выпить кружку-другую воды. За невыполненный урок провинившихся ожидает порка от старшего приказчика и невыдача пайка».

В первые десятилетия существования завода лес рубили неподалеку от селения. Древесину заготавливали, как придется и где придется. Предпочтение отдавалось делянкам, расположенным вдоль рек или поблизости от заводского пруда. Заготовленные хлысты¹ сплавляли по малым рекам или скатывали по крутым берегам прямо в пруд. Эта методика называлась нулевой вывозкой и сохранялась в течение многих лет.

Оказавшись в пруду, древесина попадала под действие ветровой стихии. Ветер гонял бревна по пруду из конца в конец, так что выловить их из воды становилось невозможно.

¹ Хлыст – спиленное (срубленное) дерево с обрубленными сучьями и вершиной. Хлыст раскряжевывается (делится) на кряжи, сортименты (бревна).

Кадровые рабочие передавали воспоминания своих дедов, как управляющий завода часто выходил на плотину и в подзорную трубу высматривал, не показались ли бревна в районе соколь-кольского кордона или в какой части пруда они сплотились.

От сплава пришлось отказаться и приступить к вывозке леса на лошадях. Занятые на посылочных работах в лес крестьяне делились на «пеших» и «конных». «Пешие» должны были отработать 50–60 дней, «конные» – 25–30 дней. Крестьяне, прибывавшие на отработку с собственными лошадьми, имели некоторые преимущества в размерах жалованья перед «безлошадными» лесорубами. Общим для тех и других было то, что работали они плохо и при первой же возможности покидали рабочие места. В этой связи еще до отмены крепостного права Шаховские одними из первых на Урале ввели наем вольных работников для работы в лесу.

Лесозаготовительная кампания состоялась с осени до весны. Делянки выделялись в районе реки Татарки, что было довольно далеко от завода. Дороги для вывозки дров, по всей вероятности, прокладывались по долине реки Лысьвы, минуя крайне неровный рельеф местности.

В книге «Воспоминания горнорабочего» П. Ермаков писал: *«О работе лесорубов можно сказать так: надо бы хуже, да некуда. Особенно донимала нас измерительная система при рубке дров, так называемая «куренная сажень». Кто и когда изобрел ее – неизвестно, но знаю, что она сохранилась еще со времен крепостного права. Она равнялась 20 кубометрам или 1,8 сажени... За рубку дров «куренной сажени» платили 3 рубля, на более худом лесу – 3 руб. 20 коп. Чтобы заработать 60–70 коп. в день, нужно было проработать не менее 16 часов в сутки... древорубы, свалив кучу деревьев, должны были очистить их от сучьев, распилить, расколоть, сложить в поленицы и после этого сжечь на кострах все сучья, которые, кстати, служили освещением в ночное время работы... После 16 часов адской работы дре-*

*Лесничие ЛГО. 1909 г.
И. К. Денисов, М. И. Дайбов
(сидят), А. А. Митрофанов,
И. И. Казаринов*

ворубы принимались варить себе ужин, точить пилы и топоры, чтобы рано утром выйти с острым инструментом».¹

В течение 70–80 лет рубка лесов в лысьвенской даче велась бессистемно и практически бесконтрольно. Управляющие заводом сквозь пальцы смотрели на то, что лес выбирался поблизости от селения и вдоль проезжих дорог, минуя глубокие лога и болота. На свой страх и риск лесными богатствами пользовались жители завода и крестьяне. Для топлива и личных нужд они выбирали отличный прямос-

лойный лес, причем даже у него отрубали только комлевую часть. Сплошь и рядом самовольно выжигались делянки и расчищался лес под пашни, покосы и выгоны. Порубочные остатки оставались неприбранными. Ни о каких рубках ухода речи не шло. Как следствие, время от времени вспыхивали опустошительные лесные пожары. Особенно часто губительные палы вспыхивали вдоль дорог, рядом с которыми путники останавливались на ночлег.

Оценивая результаты лесозаготовок, «План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу... в 1904 году» отмечал: *«Эксплуатация дачи велась хищнически: рубка производилась кругом завода без всяких отводов и преимущественно там, где пожелают сами рабочие; вершинник, сухостой и бурелом оставались без употребления; пни от срубленных*

¹ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 30–31.

деревьев оставались вышиною до одной сажени; срубались лишь те деревья, что отличались легкою расколимостью, а остальные лишь надрубались на высоте груди для ния прямослойности и, или оставлялись сохнуть на корню, или же валялись на землю, сраженные ветром»¹. Подобное бесхозное лесопользование было характерно не только для Лысьвы. Уже во второй половине 19-го века перед некоторыми уральскими заводами замаячил реальный топливный голод.

О рачительном использовании лесных запасов задумались хозяева Лысьвенского горного округа. В конце 1870-х – начале 1880-х годов была учреждена должность главного лесничего округа, в каждую лесную дачу определен лесной смотритель. Для предотвращения самовольных порубок и хищений леса увеличили штат лесной стражи. Лесные специалисты приступили к организованному отпуску леса населению, исходя из хозяйственной и лесоохранной целесообразности.

Долгое время пережитком старого лесопользования оставалось право заводууправления самостоятельно осуществлять вырубку куренных дров и выжиг угля. Наконец, 1 октября 1885 года эту функцию передали под контроль лесной администрации, в лице которой лес приобрел долгожданного единого хозяина.

Для вырубki и сплава древесины в заводской пруд Контора лесной администрации выдавала всем желающим подряды. Таким образом, контролировались места расположения делянок и объемы заготовленной древесины, в том числе, выловленной из пруда и складированной на «мысу». Крестьяне окрестных деревень охотно брали подряды. Долгое время самым известным подрядчиком был П. Пищальников по кличке Саломатка. В 1890-е годы на первое место среди подрядчиков выдвинулся местный купец П. Ярославцев. О его лесозаготовительной деятельности краевед И. И. Спехов писал: «Чтобы

¹ План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П. П. Шувалова Пермской губернии и уезда : составлен в 1904 году. Пермь, 1907. С. 22.

Узкоколейный паровоз («кукушка»), возивший дрова от «мыса» в завод. 1900 г.

подать пример рабочим, он требовал, чтобы его жена тоже заходила в воду и помогала грузить дрова на телегу. И женщина послушно заходила в холодную прудовую воду, затаскивала в телегу тяжелые мокрые бревна».

Снова обратимся к «Плану хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу

Лысьвенского горного округа... на 1904 год»: «...в хвойных, так и в лиственных насаждениях ширина лесосек установлена в 60 саж. при длине до 2 с половиной верст, промежутки же между лесосеками оставались в 1 версту; примыкание в хвойных лесах не ранее 8–10 лет; стремились распределить такие лесосеки равномерно по всей даче, не сосредотачивая вырубку в одном месте. Направление лесосек, главным образом, ставили в зависимости от рельефа местности, преследуя удобство вывозки к рекам и в завод разных лесных материалов, обыкновенно лесосеки тянулись от линии водораздела или хребта к реке или дороге по долине реки».

Для своевременной борьбы с лесными пожарами по всей даче на самых высоких точках возводились смотровые вышки высотой по 15–17 саженой. С каждой из них можно было обозреть территорию в окружности до 10–15 верст. В пожароопасные периоды на вышках несли круглосуточное дежурство сторожа, в распоряжении которых имелись металлические лимбы для определения сторон света¹, бинокли и телефоны. В это время на лесных кордонах Вашкорский, Чунжинский, Ляминский, Серебряный, Новиковский, Выломовский, Затальнинский, Липовский, Соинский, Верх-Лысьвенский,

¹ Лимб представляет собой цилиндрическое или коническое кольцо, разделенное штрихами на равные доли (360 угловых градусов).

Бурсяцкий, Кормовищенский, Усть-Долговский и других в состоянии постоянной готовности находись по 2-3 лесника и стражники с лошадьми и соответствующим инструментом.

На месте бывших противопожарных смотровых вышек можно найти огромные кованые гвозди, которыми при строительстве скреплялись бревна. Места расположения вышек получали названия: «каланча» на выезде из города, «вышка» на рюминской дороге и т.д.

По мере того, как модернизировалось металлургическое производство, на заводе увеличивались потребности, а с ними и объемы заготавливаемого леса.

Далеко не последнее место в деятельности лесничества отводилось производству древесного угля. В незначительных количествах уголь выжигали крестьяне-кустари из заранее заготовленных еловых, березовых и осиновых дров в кострах и ямах. Не исключено, что подряды на производство небольших объемов угля брали лысьвенцы. Их углежогные «тока» располагались на расстоянии 10–15 км от завода. В пригородных лесах до сих пор можно найти следы их деятельности. Об этом свидетельствуют заросшие лесом круги диаметром 8–10 метров, окольцованные неглубокими земляными рвами и валиками. Если поднять слой дерна, под ним можно обнаружить древесный уголь.

Промышленное производство угля называлось «куренными операциями» и производилось в лесных «куренях» специальными артелями «жигарей» в так называемых «кабанах» и «кучах». Эта деятельность требовала большого мастерства и была довольно опасной для жизни и здоровья работников. В зависимости от дров полученный уголь назывался «еловым», «березовым» или «осиновым». В некоторых заводских операциях использовался «липовый» уголь. По данным за 1828 год Лысьвенский завод заготовил только одного елового угля 28432 короба. В Лысьве 1 короб = 8,24 куб. аршина или 10 мерам; 1 мера = 0,824 куб. аршина.

В лысьвенских лесах для получения древесного угля использовали стационарные углежогные печи системы Шварца. Это давало определенные преимущества по сравнению с кус-

тарными способами производства угля и были более экономичными. Такие печи располагались на реке Березовке, в Новиковке, на Мысу, в Невидимке.

Древесный уголь требовался для заводского действия постоянно и в больших количествах от 30 до 40 тыс. и более коробов в год. В завод уголь подвозили зимой в плетеных коробах. Потери при перевозке составляли до 10–15%.

Всеми работами по производству древесного угля руководил куренной мастер. По его указанию выбиралась куренная делянка около водного источника. Для куренщика и членов его семьи (обычно на выжиге угля работали семьями) строилась изба, в стороне возводились сараи для хранения готового угля, у источника воды – баня. Если поблизости не было деревень или кордонов, для подсобных сезонных рабочих строился барак. Сезонников привлекали для подвозки дров, т.к. иногда делянки находились на расстоянии от 5 до 7 верст от куреня.

Заготовка сырья для производства угля обычно осуществлялась в конце весны с апреля по июнь после завершения кампании по заготовке дров. Лес заготавливали валом. Срубленные деревья освобождали от сучьев и делили на чурки длиной 3,5-4 аршина. Один конец чурки поднимали на пень. Это делалось для того, чтобы к осени, когда начинался процесс углежжения, материал для выжига подсыхал.

Перед началом операции, это случалось в конце лета, куренщики подвозили заготовленный материал к месту выжига и по сортименту подбирали однородные деревья. В центре «кученки» («кабана») выкладывалась клетка из поленьев. Вокруг клетки вертикально ставились плотно подогнанные друг к другу бревна. Вся конструкция выглядела как круглая пирамида, слегка загруженная в неглубокую яму. Как правило, одновременно в дело шло 20 куренных сажень дров (1 куренная сажень равнялась 1,58 кубической сажени). В получившиеся щели набивали березовую кору, сухую древесную труху и мусор.

Была другая методика, по которой бревна укладывали горизонтально. Такая конструкция называлась «кабаном». Однако в обоих случаях «кученка» или «кабан» снизу доверху

обкладывались дерном и обсыпались землей толщиной 15–20 см, которую утрамбовывали лопатами или деревянными колотушками. В нижней части конструкции делались небольшие отверстия (продушины) для поступления во внутрь конструкции небольшого количества воздуха. Через продушины осуществлялся поджог «кученки». В зависимости от того, как шел процесс, продушины то увеличивались, то затыкались в разных частях углежогного сооружения. Искусство куренщика заключалось в том, чтобы, регулируя поступление воздуха, не дать содержимому конструкции вспыхнуть костром (в этом случае говорили: «Свинью опалил»), а медленно тлеть в течение определенного срока.

Вернемся к июньской (1929 года) статье безымянного автора в газете «Искра»: *«Прошлогодние высохшие поленья дров отмечались на уголь. Углежогных печей еще не было и в помине. Уголь обжигался кучным способом. Расчищалось место для углежжения (ток) – круг в поперечнике 10–15 сажень. В круг ставили стоймя ряд поленьев, на него – другой, третий. Получался круглый конус. Дрова обкладывали снизу доверху дерном, заваливали подвозимой на лошадях и подтаскиваемой на носилках землей. Внизу оставался узкий проход. В этот проход подкладывали огонь. Проход закрывали дерном и землей, чтобы не дать доступа воздуха огню. Дрова не горели, а тлели постепенно и превращались в уголь. Процесс тления длился две недели. Работа углежжения проходила непрерывно день и ночь. Работа велась целыми семьями, так как кроме дров, расчистки, подтаски и обкладки дерном и землей приходилось неустанно следить, чтобы не вспыхнули дрова, не оползла земля и дерн с дров, не загорелся лес. От тяжелого крепостнического засилья много рабочих сбегало в лес. Бывали и такие случаи, когда побегу не удавались. Тогда пойманных провинившихся крепостных запарывали насмерть плетями».*

При завершении процесса жигарь говорил: «Как будто, тово, куча сухо дышит, пора ее забивать», т.е. разбирать. При разборе конструкции важно было не дать ее содержимому вспыхнуть.

Укладка древесины перед процессом выжига угля. 1910-е г.

О выжиге угля говорили: *«Работа на кучах была не только тяжелой и грязной, но и опасной. На ней можно было не только смертельно угореть, но и совсем сгореть, провалившись в скрытую огненную пустоту, или быть засыпанным горячими углями при взрыве газа. Старики рассказывали немало случаев сгорания людей ...»*

По установленным нормам на всю куренную работу (операцию) полагалось затрачивать не более 90 дней на выжиг елового угля и 100 дней – березового. За одну куренную операцию «кученка» и «кабан» должны выдать не меньше 50 коробов угля. В противном случае за каждый недополученный короб налагался штраф в размере 1 руб. 74 коп. Опытные жигарные мастера затрачивали на производство нормативного количества угля от 45 до 50 дней.

Процесс приготовления древесного угля был длительный и достаточно затратный. По этой причине в начале 1880-х годов жигари постепенно перешли на выжиг угля в специальных печах системы Шварца. Новый способ позволял одновременно работать на 5–7 печах, что в разы повышало производительность труда. Если по-старому способом семья жигаря могла произвести и вывезти на завод до 300 коробов, то по-новому – до 3000.

Вывозку готового угля старились осуществлять по снегу, чтобы на дорогах было меньше ухабов и рытвин. В лесу про-

рубали специальные просеки и тщательно очищая их от веток и корней. Уголь загружали в специальные корзины, сплетенные из черемуховых веток. На сани помещали 3-4 корзины стандартных размеров. При транспортировке на заводской склад происходила утрата угля примерно на 10–15%. Тариф при перевозке угля существовал один для всех: 0,75 коп. за каждую версту с одного короба, 2,25 коп. за погрузку и разгрузку.

Ветеран объединения «Лысьвалес» А. М. Вилисов рассказывал: *«С целью сокращения потерь угля при транспортировке использовали рогожные кули объемом 0,2 куб. м. Из мочала кули изготавливала специальная артель в деревне Красоты. Отец, Вилисов Михаил Егорович, принимал участие в перевозке угля в рогожных углях в Лысьвенский завод на расстоянии до 40 км».*

Транспортировка угля в рогожных кулях со временем вытеснила перевозку в корзинах. Еще в годы Великой Отечественной войны рогожные кули изготавливали жители спецпоселения Рябиново.

В начале 20-го века лес перестали рассматривать только в качестве топливно-энергетического сырья. Экономический кризис, в ходе которого закрывались старые уральские заводы, побудили власть привлекать местное население не только к занятию земледелием, но и к переработке древесины. Это был совершенно новый подход в отношении человека к лесным богатствам. 8 июля 1910 года на совещании в Екатеринбургской земской управе было принято решение: *«Внедрять и развивать кустарные промыслы. С этой целью учредить в Кыновском заводе учебно-показательную мастерскую ремесел по обработке дерева (столярное, бондарное, экипажное, выделка щепных изделий) и металла (кузнечное и сварочное дело). За счет главного управления земледелия и землеустройства, а также уездных и губернских земств ...предполагалось выделить 22 тыс. рублей на приобретение оборудования для мастерской... и 7,5 тыс. руб. на содержание мастерской»¹.* Благом уральских лесов

¹ Уральский техник. 1910. № 6-7. С. 45–46.

стало появление людей, обладающих специальными научными знаниями. Под их руководством рукотворные лесопосадки появились в населенных пунктах, как это случилось в Ильинском и в Лысьве, где под руководством семейства Теплоуховых и Зануцци зазеленели первые уральские парки.

Работа А. В. Зануцци в лысьвенских лесах нашла высокую оценку не только в глазах хозяев и общественности, но и лесных специалистов, считавших организацию лесного дела в Лысьвенском горном округе одной из лучших на Урале. «Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1914 года» отмечал, что А. В. Зануцци *«привел лесное хозяйство округа в образцовый порядок»*.

В годы Первой мировой войны лысьвенские заводы в разы увеличили выпуск оборонной продукции, что повлекло за собой резкое увеличение потребности в топливе. Уже не только лесничество, но и специально созданный лесной отдел металлургического и механического заводов с трудом справлялись с выполнением заказов на поставку дров и угля. Катастрофически не хватало рабочих рук для заготовки и вывозки древесины. К работе в лесу привлекались военнопленные немцы и австрийцы. Штат лесничества и лесного отдела пополнялся за счет специалистов, эвакуированных из западных губерний империи. Заключалось много договоров с подрядчиками из числа купцов и крестьян на сплав и вылов леса из прудов.

В результате национализации земли в 1918 году и административно-территориальной реформы 1920-х годов Лысьвенский горный округ перестал существовать. Бывшая Лысьвенская дача изменила конфигурацию, превратившись в Лысьвенский район. Границы района раздвинулись в юго-восточном направлении за счет присоединения к нему земель Кыновской волости Кунгурского уезда и, частично, крестьян Сосновской волости.

Первая советская лесосека

Ожесточенные бои на всем пространстве Лысьвенской и сопредельной с ней Кыновской дачей летом – зимой 1918 года прервали все работы, связанные с заготовкой древесины. До декабря месяца, т.е. до эвакуации из Лысьвы, цехи, работавшие над ремонтом паровозов, железнодорожной техники, оружия для красной армии, использовали остатки ранее заготовленных дров.

В середине декабря 1918 года в Лысьву вошли колчаковцы. Об организации поставок топлива в город никто не думал. Каждый доставал дрова, как мог. Холодную зиму 1918-1919 года лысьвенцы пережили трудно, хотя с едой проблем не было – продовольствие регулярно поступало из Сибири.

В июле 1919 года в Лысьву прибыла правительственная комиссия во главе с членом президиума ВСНХ В. Я. Чубарем. От ЦК ВСРМ в состав комиссии входил член президиума А. И. Гуревич. Почти одновременно с комиссией по командировке ВСНХ в город приехали А. М. Кулешов и И. Ф. Гребенкин. Перед комиссией стояла задача изучить состояние промышленных предприятий горного округа, а Кулешову и Гребенкину предписывалось немедленно приступить к восстановлению лысьвенских заводов.

Для начала восстановительных работ требовалось обеспечить заводы топливом. Первые попытки совдепа организовать артели лесорубов и направить их в лес заканчивались безрезультатно даже при условии, что всем работникам обещали выдавать повышенные продовольственные пайки. Получив деньги и пайки, люди под разными предлогами отказывались идти в лес.

В конце июля – начале августа месяца 1919 года заводские рабочие организовали Деловой совет в составе 11 человек. Три члена совета занялись решением вопросов по восстановлению металлургического завода, пятеро отправились на механический завод, трое приступили к восстановлению лесничества. Проблема обеспечения завода и города топли-

вом по важности стояла в одном ряду со снабжением населения продовольствием.

Предложений по восстановлению заводов поступало много, но все они сталкивались с одной неразрешимой трудностью – цеха не могли начать работу из-за отсутствия дров. Осенью 1924 года директор Горнозаводского треста Е. И. Маврин говорил на совещании заведующих заводов: *«Беречь, экономить каждую копейку. Самое важное: мы до сих пор еще на некоторых заводах пережигаем топлива больше на 40% довоенного времени. Больше экономить топливо».*

Горячо обсуждался вопрос: на какое топливо ориентироваться – на каменный уголь или на дрова. Вопрос об угле отпал сам по себе из-за разрухи на железнодорожном транспорте. Остановились на дровах, которые предстояло подвозить по зимникам на лошадях.

В октябре или ноябре завкому и лесничеству удалось скомплектовать артель для заготовки дров и отправить в пригородные леса специальный поезд. Это была одноразовая акция, которая в принципе не могла решить проблему топливного голода, да и паровоз, едва доставив груз в город, встал на капитальный ремонт.

Наступили холода. Райисполком принял решение наложить трудовую повинность на крестьян по заготовке и вывозке дров в город. Для обеспечения явки работников в лесосеку райком РКП(б) направил в деревни своих представителей, которые уговорами и угрозами формировали артели лесорубов и препровождали их в лес. В качестве компенсации за проделанную работу крестьянам выдавали небольшое количество фуража.

Положение с топливом складывалось отчаянное. Для доставки дров в город не хватало ни людей, ни лошадей. От безысходности райисполком принял решение корчевать пни на старых вырубках вдоль Кусьинского тракта до Паньши. За эту работу взялись комсомольцы.

Ценной огромных усилий райком РКП(б) организовал несколько цеховых артелей для заготовки дров в пригородных лесах. Одновременно в лес пошли частники заготавливать то-

пливо для личного пользования. Нарубив отведенное количество дров, они не могли перевезти их с делянки в город – не было транспорта. Обычной для Лысьвы 1920-х годов была картина, когда на больших санях один – два человека тащили из леса дрова. В редких случаях по накладным райисполкома топливо подвозили в дома вдов погибших красноармейцев и в семьи лысьвенцев, находящихся на службе в красной армии.

Горожане, кто не мог самостоятельно заготавливать дрова, покупали березовые и осиновые поленья по цене от 40 до 45 руб. за кубометр. Себестоимость топлива была невероятно высокой. Эту проблему много раз обсуждали в райисполкоме и райкоме партии, но после прений и дискуссий цена на дрова только возрастала.

В 1923 году правительство приняло первый советский лесной Кодекс, определявший компетенцию лесного хозяйства страны. Отныне все леса объявлялись собственностью государства. Раздел 2 «О лесах местного значения» очертил права и обязанности местных советов в вопросах лесопользования, воспроизведения и охраны лесов, находящихся в границах, которые обозначали губернские власти.

Само по себе принятие этого документа никак не решило топливную проблему. Дрова требовались немедленно и в больших количествах. Иначе не могло быть и речи о восстановлении заводских цехов из разрухи и начале работы обоих заводов.

В связи с полной транспортной разрухой и невозможностью подвозить в город дрова и уголь городские власти пошли на осознанное нарушение некоторых положений лесного Кодекса, запрещающих проведение лесозаготовок в непосредственной близости от железных дорог и заводов. В соответствии с постановлением райисполкома о так называемой «революционной лесосеке» заводское лесничество нарезало лесорубные делянки вдоль железной дороги от Лысьвы до Калино, за Мысом в сторону Поляковской дачи, вдоль речки Большая Травянка.

Древесину, нарубленную на склонах Большой Травянки, зимой трелевали вручную по желобам, вырытым в земле и

*Здание конторы и ОРСа
Лысьвенского ЛПХ
на ул. 10 лет Октября.
1929 г.*

облитым водой. По крутому склону бревна спускали к реке, а весной по большой воде сплавляли в Травянский пруд. До сих пор на левом склоне Большой Травянки можно встретить на поверхности земли желоба, идущие от Рюминской дороги к реке. Некоторые лысьвенцы ошибочно принимают их за остатки окопов времен

гражданской войны. Одновременно подобные рубки осуществлялись на берегах других рек, впадающих в лысьвенские пруды.

На территории завода разбирались узкоколейки и в срочном порядке прокладывались новые узкоколейные железные дороги к пригородным делянкам. Одна из узкоколеек проходила от Поляковской дачи по будущей улице Ленина через Мыс в завод.

Руководство заводов договорилось с правлением железной дороги о ремонте паровозов и вагонов, чтобы в счет платы за проделанную работу использовать часть из них для подвоза дров от Макарихи, Лязгино, Калино.

Для работы в лесу привлекались горожане и крестьяне. Всевозможные уполномоченные райисполкома и горкома партии неделями жили в деревнях и уговаривали крестьян вывозить дрова на берега рек. Сельские жители крайне неохотно воспринимали подобные призывы по причине очень низких расценок за лесную работу. В городе зимой можно было найти более прибыльное занятие. Иногда удавалось организовать временные артели с помощью крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВов), но и они быстро прекращали работу все по той же причине: тяжелой работы много, а плата за нее выдавалась мизерная.

Некоторое время на лесозаготовках работал батальон трудармейцев, присланный в Лысьвенский завод губернской

администрацией. Однако его присутствие в городе вызвало резкий протест жителей, так как трудармецев надо было кормить за счет продовольственных фондов голодающей Лысьвы, а дополнительные продфонды на этих работников губернская власть не выделяла.

Неограниченный источник работников на лесозаготовки администрация заводов видела в безработных, стоящих в очереди на бирже труда в ожидании постоянной работы в заводских цехах. Всем, кто изъявлял желание отбыть в лес и заготовить 15 кубометров древесины, гарантировался прием на работу. Согласившимся принять эти условия выдавался небольшой денежный аванс, немного продуктов питания, запасная пара лаптей и инструмент. Желающие отправиться в лес, конечно, находились. Они исправно получали аванс, на один-два дня появлялись в лесосеке, а затем возвращались в город и шли на биржу труда. Работа и пребывание в зимнем лесу были невыносимо трудными.

По всему стало ясно, что штурмовщиной топливную проблему решить не удастся. Появились первые мероприятия, направленные на разумную экономию топлива и целенаправленную заготовку древесины с созданием специализированных лесозаготовительных и транспортных подразделений.

Первая попытка упорядочить хаотичное лесопользование состоялась в 1926 году. По инициативе райкома партии и райисполкома в Лысьве появился леспромхоз с целевой задачей обеспечить бесперебойное снабжение заводов и населения города топливом и лесоматериалами. Контора ЛПХ размещалась в здании железнодорожного вокзала. Появился первый лесозаготовительный план на 1927-1928 год, в соответствии с которым предполагалось заготовить 20000 кубометров древесины. Определялись места дислокации лесосек и средства доставки топлива: *«Исходной лесосырьевой базой определялись Лысьвенское лесничество с годичной лесосекой 12000 куб. саженей; железнодорожный район Кыновского приписного лесничества – 35000 куб. саженей; Южно-Кыновская дача в размере лесосек 3500 куб. саженей. В качестве основного вида доставки древесины в город из Лысь-*

венского лесничества предлагался молевой сплав. За зиму на берега реки Лысьвы и ее притоков складировали до 12817 куб. саженей дров, что превышало плановый расчет. Гужом подвозили до 9734 куб. саженей и 6209 куб. саженей леса было доставлено железнодорожным транспортом».

2 марта 1927 года ВСНХ СССР издал инструктивный приказ и ввел систему премирования за экономию всех видов топлива. Третий пункт приказа гласил: «Во изменение предела выдачи премии для отдельных техников и служащих в размере 60 проц. основной ставки каждого считать таковой в размере 60 проц. полного ежемесячного оклада каждого». К приказу прилагалась инструкция «О введении премирования».

Опираясь на инструктивный приказ ВСНХ СССР, лесозаготовительный план на 1927-1928 год упорядочил местное лесопользование и несколько опередил постановление ВЦИК РСФСР от 26 ноября 1929 года «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства и лесной промышленности», который определил базовыми структурами лесного хозяйства леспромхозы и лесхозы. Казалось, что сложились все предпосылки для перехода на рельсы индустриального лесопользования.

Лесной отдел завода

В соответствии с лесным Кодексом, определившим статус государственных и местных лесов, в 1927 и 1928 годах «в лесах Гослесфонда провели лесоустроительные работы по третьему разряду с разбивкой квартальной сети 2 x 2 км, а в 1929–1933 годах прошло лесоустройство в лесах местного значения. Работы велись с использованием материалов аэрофотосъемки. Ревизионный период хозяйствования в лесах составил 10 лет с последующим проведением лесоустройства»¹. По прошествии нескольких лет стало ясно, что Лысьвенский леспромхоз, вошедший в подчинение треста «Уралсредлес», не оправдал возложенных на него надежд.

¹ Суслов Г. П. Редкют лысьвенские леса // Экология Лысьвы: прошлое и настоящее : сборник статей. Лысьва, 2009. Вып. 2. С. 56.

В городской и заводской администрациях рассчитывали, что государственное предприятие будет должным образом обеспечено финансированием, техникой, кадрами и, в конце концов, ликвидирует анархию, царящую в лесном хозяйстве. Иными словами, проблема бесперебойного снабжения города и завода топливом будет решена.

Как оказалось, трест «Уралсредлес» сам рассчитывал на активную помощь города и завода в работе леспромхоза. Мало того, руководство треста превратилось в посредника между заводом и леспромхозом и само решало, когда и какую древесину поставлять на предприятие. Дело доходило до того, что из-за отсутствия топлива заводские цеха прекращали работу.

Руководству завода пришлось отказаться от услуг леспромхоза, и он свернул свою деятельность. Администрация треста «Уралсредлес» легко согласилась на закрытие леспромхоза по той простой причине, что для заготовки и транспортировки леса катастрофически не хватало рабочих и тягла. Освободившееся место занял объединенный лесной отдел металлургического и механического заводов. Официально новое образование называлось лесным отделом Лысьвенского завода имени «Газеты «За индустриализацию» треста «Востоко-сталь». Произошло это в 1932 году. Заводской администрации снова пришлось впрягаться в решение топливных проблем.

Лесозаготовительным центром лесного отдела в верховьях р. Лысьвы стал Верх-Лысьвенский кордон. Отсюда можно было сплавлять лес, в населенных пунктах, расположенных неподалеку, расселялись временные и сезонные рабочие. По данным за 1926 год в Верх-Лысьве имелось 8 домовладений и 16 жителей, в Невидимке (железнодорожный разъезд, Русская и Татарская Невидимка) – 23/69, в Куропашке – 18/55, в Нижнем Бурсяке – 25/59, в Татарке – 14/34, в бараке по р. Черной – 8/16, в бараке лесничества – 5/?, в бараке в Верхнем Бурсяке – 1/40.

Структура лесного отдела складывалась на основе старых, еще дореволюционных времен кордонах, получивших название лесных пунктов: Любимовский, Сокольский, Верх-Лысьвенский, Кормовищенский, Серебряный и Пристанский

(Мыс). Основными поставщиками древесины в завод являлись Любимовский, Сокольский и Верх-Лысьвенский лесопункты, несколько позднее к ним присоединился Кормовищенский лесопункт. От лесопунктов в делянки прокладывались дороги длиной в 10–15 километров. Делянки, их называли участками, имели свои названия: Таборский участок, Карповский участок, Запорненский участок и т. д.

Самым экономичным видом транспортировки древесины в город считался молевой сплав. С этой целью широко использовались речки Большая и Малая Травянка, Большая и Малая Запорная, Сосновка, Татарка, Грязнуха, Бурсяк и другие притоки реки Лысьвы. Из-за маловодья на речушках строили запруды (запоры), следить за которым обязывались лесники, проживающие на Сосновском, Колупаихинском, Бурсяковском и других кордонах. Здесь же, при кордонах, располагались бараки для сезонных рабочих. Как долго жили в кордонах сезонники, сказать сложно. Во всяком случае, в переписи 1926 г. в Сосновском кордоне значились 34 домохозяйства, в которых проживали 31 мужчина и 3 женщины. Вероятно, мужчины жили в одном общем бараке, а «домохозяевами» они значились в качестве налогоплательщиков. В подомовых книгах Поселкового сельского Совета за 1950 год в Сосновском кордоне значилось 1 домовладение. Со временем некоторые кордоны, расположенные на берегах рек, превращались в лесоучастки, застраивались и обрастали постоянными жителями. Появление новых поселений совсем не значило, что за их счет полностью решалась кадровая проблема – рабочих в лесосеках по-прежнему не хватало.

В связи с ликвидацией леспромхоза все снабжение лесного отдела инструментом, продовольствием, горючим от лесного ОРСа перешло к ОРСу завода. Качественного улучшения в снабжении лесозаготовителей продовольствием и инструментами от такой перестановки не произошло. Например, в 1934 г. «Союзметизтехснаб» выдал лесному отделу горючее только на мотопилы «МП-220», тогда как трактора вынуждены были простаивать. В 1935 г. лесной отдел ЛМЗ вывели из системы треста «Востокосталь» и передали в подчинение

*Молевой сплав по реке Лысьва в районе Каменный Лог-Сокол.
1959 г.*

«Главметизу». Но и эта перестановка не улучшила положение дел со снабжением.

Не удалось решить вопрос с обеспечением лесных деленок кадрами. Штатное расписание рабочих, состоявшее из сезонников и постоянных рабочих в количестве 1300 человек, никогда не соответствовало действительному положению дел. Если постоянных рабочих в количестве 300 человек удавалось набрать, то 1000 сезонников привлечь к работам в лесу не получалось. Кадровые рабочие не могли покрыть дефицит работников. Временных рабочих по обыкновению заманивали в лес денежными пособиями и продовольственными пайками, спецодеждой и обещанием гарантированного приема на работу в завод. Среди сезонников частыми были прогулы и побеги. Людей не удерживали зарплаты от 168 до 218 рублей в месяц. Самые добросовестные работники получали не больше 250 руб. Прожить на эти деньги после голодных 1931–1933 годов было невероятно трудно.

Нехватку рабочих рук власть компенсировала за счет колхозников, которые в осенне-зимний период направлялись на лесозаготовки по разнарядкам райисполкома. В довоенный

период среди колхозных посланцев на лесоразработки преобладали в основном неженатые мужчины и незамужние женщины. Проживали лесные рабочие в холодных и сырых бараках без каких-либо удобств. Верхняя одежда, лапти, онучи (портянки), варежки практически никогда не просыхали. Людей кормили ржаным хлебом и квашеной капустой.

Труд в лесосеке был невероятно тяжел. Отсутствовали даже намеки на какую-либо механизацию. Основными инструментами были лесорубный и сучкорубный топоры и лучковая пила. Для работы лучковой пилой или «лучком» требовался определенный навык, поэтому многие работники предпочитали пользоваться поперечной пилой. К местам складирования лес трелевали по «ледянкам»¹ вручную или на лошадей. Трактора хотя и были, но большую часть рабочего времени техника простаивала из-за поломок и отсутствия горючего.

В 1930-х годах самым обустроенным считался Любимовский лесопункт. Этот лесопункт называли базой, потому что лесной отдел развернул в нем тракторный отряд. В 1933 году за базой числилось 4, а в 1935 году 6 тракторов «Сталинец» Челябинского тракторного завода.

Первоначально в штате отряда насчитывались 12 трактористов и 5 помощников. Семеро трактористов имели всего по два-три месяца опыта работы. К 1935 году штат увеличился до 30 трактористов и 18 помощников. Расширение штатного состава и переход на круглосуточную работу тракторного отряда незначительно сказалось на увеличении вывозки древесины. Новые трактора нуждались в доводке, прежде чем их можно было выпускать в рейс. Сказывались заводской брак, порожденный гонкой челябинских рабочих за выпуск сверхплановой продукции, и технологические недоработки. Очень низкой оставалась профессиональная подготовка трактористов. Из-за неумелого обращения с техникой часто плавилась подшипники, пробивались прокладки, не заливалось масло и

¹ «Ледянка» – очищенная от пней и сучьев дорога в виде желоба, покрытого льдом после полива водой. Прокладкой «ледянок» и поливкой водой занимались специальные артели.

т.п. Пустяковые поломки становились причиной простоев в течение дней и недель. Плохо работала диспетчерская служба.

Для передвижения тракторов от Любимовского лесозаготовительного участка до города проложили дорогу – «ледянку» со специально нарезанными колеями для санных полозьев. Тракторные сани для вывозки леса изготавливали на заводской лесопилке и в Любимово. На один сезон требовалось до 70 комплектов тракторных саней. За зиму 1935-1936 года планировалось вывезти по «ледянке» 59000 фестметров древесины¹. «Ледянка» далеко не всегда оправдывала свое предназначение. В сущности, она пребывала в статусе дороги общего пользования, по которой ездил автотранспорт, вывозили лес коновозчики, она не имела разъездов, плохо оборудованные мосты в логах и речках часто проваливались, ее засыпало снегом.

Горком партии пытался создать на базе любимовского отряда ударную группу в борьбе за сверхплановый лес и сделать ее примером для всех лесозаготовителей района. Однако эта попытка ни к чему не привела.

29 декабря 1933 года партком лесного отдела провел с трактористами собрание по итогам областного и городского пленумов ВКП(б), рассматривавшими вопрос об осенне-зимних лесозаготовках 1933-1934 года. Как отмечалось в протоколе собрания, на призывы коммунистов досрочно выполнить планы по вывозке древесины «ни один из трактористов ничего не сказал».

Надежда наладить бесперебойный подвоз древесины силами тракторного отряда не оправдалась. Суточный наряд на вывозку древесины одним трактором «Сталинец» составлял 480 ф/м, тогда как реально трактор вывозил 200–250 ф/м. Даже при таком раскладе нарушались правила эксплуатации

¹ Фестметр – кубометр плотной древесины. В дальнейшем фестметр – ф/м. 1 ф/м дров учитывается с корой, 1 ф/м деловой древесины – без коры. Вероятно, по этой причине данные о количестве вывезенной древесины за один и тот же период времени в источниках часто разнятся. Например, в одних источниках за 1935/1936 год указано 59 тыс. ф/м, в других – 66 тыс. ф/м.

техники. По приказу Наркомлеса норма вывозки на один трактор «ЧТЗ-60» составляла 90 кубометров, а лысьвенские трактористы вывозили до 135 кубометров.

Положение с заготовкой и вывозкой древесины оставалось крайне напряженным. Заводские цеха требовали все больше и больше дров и древесного угля. В 1932-1933 году удалось заготовить 113200 ф/м и вывезти 140900 ф/м древесины. В следующем 1933-1934 году объем заготовок решили довести до 310000 ф/м и вывезти 337000 ф/м¹. В 1935-1936 году лесной отдел запланировал более реальные цифры: заготовить 175 000 ф/м дров и 90000 ф/м деловой древесины. По расчетам предполагалось, что это позволит создать двухмесячный запас дров и угля. Однако, как это бывало, резервный запас топлива заложить не удалось.

Для мобилизации работников на лесозаготовки лесному отделу требовалось привлечь огромные организационные, материальные и финансовые ресурсы. На начало лесозаготовительного сезона 1 октября 1933 года предполагалось направить в лес 1800 рабочих за счет завербованных жителей Лысьвенского, Серьго-Пермского и Ялutorовского районов. Горком партии и горисполком повели разъяснительную работу с правлениями колхозов о выполнении возложенных на них обязательствах по заготовке древесины. Обговаривались вопросы, связанные с определением размеров трудодней колхозников за время пребывания на лесозаготовках. Партийные руководители настаивали на заключении хозяйственно-подрядных договоров колхозов с лесным отделом, ссылаясь при этом на статью в газете «Правда» от 2 декабря 1933 года. В те дни газета писала: *«...заключение договора между леспромпхозами и хозяйствами отныне не является только актом доброй воли... Эти договора являются твердыми двухсторонними хозяйственными договорами и имеют обязательную юридическую силу... договор имеет решающее значение для успеха лесозаготовок»*. О том, что навязанный

¹ Откуда взялись эти тройные цифры в документах лесного отдела, не известно.

колхозам хозяйственно-подрядный договор – не просто декларация, говорилось, что его невыполнение чревато наложением неустойки на артели в виде денежных штрафов.

Перед открытием каждого лесозаготовительного сезона предусматривалось проведение целого комплекса подготовительных работ, которые, как правило, не выполнялись или выполнялись в неполном объеме. Прежде всего, требовалось привести в порядок лесные бараки. В 1933-1934 году жилье для приема лесорубов было готово только на 80%. Все помещения нуждались в утеплении стен и потолков, побелке, ремонте деревянных топчанов и печей, дезинфекции. Важная роль отводилась приведению в порядок вошебок, сушилок, столовых. Куренные мастера отвечали за обеспечение барачников питьевой водой, керосином, осветительными приборами. Для лошадей нужно было приготовить 3000 стойл, тогда как во всех лесопунктах было готово всего 760.

Некоторые изменения в улучшении быта лесорубов начали появляться во второй половине 1930-х годов. ОРС лесного отдела приобрел 817 и предполагал закупить еще 500 железных кроватей, 777 матрацев, 970 одеял, 260 простыней. В обязательном порядке в бараках обустраивались кирпичные печи. Для работы в лесу прорубались и обустраивались конные дороги.

Хронически не хватало инструментов: более 300 топоров для обрубки сучьев, 100 поперечных пил, более 6 тыс. напильников для заточки пил.

Тяжелый изнурительный труд в лесосеке не вдохновлял на высокие результаты работы. Средняя норма выработки не выполнялась. При плане работы 3,9 кубометра в смену, дроворубы давали 2,8 кубометра. Трудились парами. Работники плохо представляли себе, как будет оценен их труд. Рано утром, еще в темноте, по пояс в снегу они приходили в делянку, расчищали от снега место вокруг дерева, спиливали его, раскряжевывали, раскалывали, складывали в поленницу. В конце рабочего дня требовалось очистить делянку от порубочных

Трелевка леса на лошади¹

остатков. За 1 кубометр собранных сучьев платили всего 12 копеек.

Производительность труда была очень низкой. Например, 18 декабря 1934 года возчики из колхозов «12 лет Октября» и «Новая деревня» из Шайдуровского участка, находящегося в 6 км от города, сделали всего одну езду, а колхозники из «Колоса» и «Пути Ленина» на Сокольском участке проработали всего 4-5 часов. 17 колхозников из «1-го Мая» Крутоложского сельсовета 18 января 1935 года самостоятельно разъехались по домам, где пребывали до 22 января. Их примеру последовали колхозники из «Новины» и «Нового пути».

Равнодушное отношение колхозников и завербованных рабочих к лесозаготовкам носило массовый характер. По этой причине власти вынуждены были принимать самые жесткие меры. За срыв лесозаготовок председатель колхоза «Новая деревня» Полетаев получил наказание в виде одного года принудительных работ; новорожденный единоличник Останин за невыполнение плана по вывозке древесины заключен в закрытую колонию сроком на один год; кунгурские

¹ Фото с сайта: *Выксунский рабочий*. Выкса, 2022. URL: <https://vr-vyksa.ru/obshestvo/vyksunskaya-uzkokolejka-zabytaya-istoriya-chast-1/> (дата обращения: 09.03.2022).

Сосновский лесной кордон. 1950-е г.

колхозники Полежаев и Крапивин за отъезд из Татарского участка получили один год принудительных работ.

Прошли проверки в ОРСе лесного отдела и в бухгалтериях лесоучастков. Начальника пристанского лесоучастка Толмачева за обсчет рабочих приговорили к трем годам тюремного заключения. В Любимовском лесоучастке обнаружили перерасход хлеба за полтора месяца в размере 1 т, а также перерасход сена и овса. В ОРСе лесного отдела за растрату уволили продавца Палкина, который выдал мошеннику Лаптеву, представившемуся агентом ОГПУ, кредит в размере 109 руб. Проверяющие выяснили, что все лязгинские колхозники вместо лесосек, работают в заводских цехах; из 560 колхозников Кунгурского района только половина работает в лесу, остальные или остались дома, или работали в заводе.

Партийные и хозяйственные руководители прилагали невероятные усилия для организации ударной работы в лесосеках, на сплавах и транспортировке леса. Условия для материального поощрения работников имелись минимальные, поэтому в ходу были награждения почетными грамотами, слав-

словия на собраниях, заметки в многотиражке, объявления о трудовых достижениях в рукописных стенгазетах.

17 марта 1935 года облисполком объявил об учреждении Областной красной книги знатных людей леса и сплава. Подобные «книги» рекомендовалось размещать на страницах районных многотиражек. В числе первых лысьвенских претендентов, чья фамилия могла оказаться в областной книге, был С. Сидоров из колхоза им. «17-го партсъезда» Матвеевского сельсовета. Его бригада выполнила план по заготовке древесины на 112%, а по вывозке – на 170%».

Бригада Запорненского лесопункта из колхоза «Уралец» восстановила специальные грузовые сани с прицепными оглоблями и вместо 6 стала делать 12 оборотов при одновременной вывозке 18-19 кубометров древесины от делянки до реки. Примеру «уральцев» последовали возчики из колхоза «Путь Ленина». Сокольский лесопункт, выполнивший план второго квартала 1935 года, направил в адрес секретаря ГК ВКП(б) В. Н. Козлова, председателя горисполкома М. П. Шейна, главного редактора газеты «Искра» В. С. Степанова и начальника лесного отдела металлургического завода Пономарева приветственную телеграмму, начавшуюся со слов: *«Под вашим большевистским руководством государственный план выполнен на 100,1% к 28 марта...»*. Удачно закончили квартал лесозаготовители Серебрянского лесопункта, Верх-Лысьвенского и Кормовищенского лесопунктов. Заслужили поощрение бригады колхоза «Победа» Власовского и им. «1-го Мая» Крутоложского сельсоветов.

25 октября 1936 года в Лысьве состоялся слет стахановцев леса. Руководители завода доложили делегатам, что в текущем году затрачено 152,2 тыс. руб. на улучшение жилищно-бытовых условий лесорубов, десятки тысяч рублей направлены на улучшение условий труда. Участники мероприятия обратились к работникам леса с призывом включиться в движение «тысячников», т.е. заготавливать за сезон силами одного лесоруба не менее 1 тыс. кубометров древесины. По прикидкам работников лесного отдела «тысячниками» могли стать примерно 56–60 работников. От их имени полтора де-

сятка выступавших на заседании лесозаготовителей обещали дополнительно к плану выдать 20 тыс. ф/м древесины. Члены бригады П. Бакина из Любимовского лесопункта при двухсменной работе обязались вывозить за один рейс на расстоянии 14 км до 20 кубометров древесины, а за сезон – не меньше 20 тыс. кубометров.

Свой вклад в увеличение объемов лесозаготовок обязались внести избачи, заявив об этом на районном семинаре 30 октября 1936 года. В итоговом документе было отмечено, что избачи будут бороться за максимальное улучшение быта и культурного обслуживания лесозаготовителей в местах пребывания. Сделать это было чрезвычайно трудно. Нередко лесорубы после работы не имели керосин для освещения, не могли нормально поужинать и по причине не подвезенных продуктов, и из-за отсутствия чашек, кружек и ложек.

Среди десятков лесопунктов относительно благополучно выглядела изба-читальня в Обманке. В ней имелась гармошка-двухрядка, патефон, шахматы, шашки, заводские комсомольцы собрали небольшую библиотеку. На стенах висели наглядные пособия по устройству винтовки, гранаты, артиллерийского снаряда и винтовочного патрона. Впрочем, благополучие избчитален часто зависело не столько от реального обеспечения культ-инвентарем, сколько от отчетов проверяющих.

С целью культурного обслуживания летом со всех концов района собрали 170 лесорубов и сплавщиков во Дворце культуры металлургов. Свердловские артисты дали для них оперу «Князь Игорь». Потрясение от увиденного представления для многих было настолько велико, что это культурное событие они помнили всю жизнь.

В круговороте трудовых будней

Зимой 1935-1936 годов среди лесозаготовителей Любимово, Кормовища, Сокола развернулось социалистическое соревнование штатных работников. Почти одновременно в него включились колхозники новорождественского «Колоса» и кыновского колхоза им. Сталина, находящиеся на лесозаго-

товках. Руководство лесного отдела обязало всех начальников лесопунктов привлечь к соревнованию как можно больше участников, так как планы по заготовкам на 1936-1937 год предстояли очень напряженные. Необходимо было заготовить 265 тыс. ф/м и вывезти 245 ф/м древесины. По требованию Главметиза лесной отдел мог заготовить 140 тыс. ф/м древесины за счет сырораствующего леса и 85 тыс. ф/м за счет горельников. Остальные объемы в количестве 40 тыс. ф/м завод мог добрать за счет решения вопроса с Пермским управлением лесоохраны из переходящих остатков предыдущего года и местных ресурсов.

Уже первые месяцы работы показали, что высоких показателей по итогам соревнования ждать не приходится. Результаты работы оказались достаточно скромными: по Серебрянскому участку всего 37,5% от плана, по Любимовскому – 50,5%, по Верх-Лысьвенскому – 31,5%. Начались перебои с поставками дровяного топлива в завод.

Камнем преткновения между лесным отделом и КЦ ГУМП явились разногласия по поводу размеров среднестатистической заработной платы рабочих. Если в 1937 году средняя зарплата лесоруба составляла 645 руб., то ГУМП предлагал в 1938-1939 году снизить ее до 600 руб. Собственные расчеты лесного отдела показывали, что для сохранения имеющегося контингента рабочих жалование должно быть в пределах 800–840 руб. Экономисты отдела предложили сохранить размер зарплаты хотя бы на достигнутом уровне, а разницу в 40–50 руб. покрыть за счет премий из общезаводского фонда оплаты труда. Предложение не получило поддержки заводского руководства. Администрация завода также находилась в режиме жесточайшей финансовой экономии. Чтобы удержать зарплату на достигнутом уровне и тем самым сохранить контингент работников, лесному отделу пришлось пойти на осознанный перерасход фонда оплаты труда. Для руководителей отдела это решение могло иметь самые печальные последствия, но, чтобы выполнить план, другого выхода не было. 31 марта 1940 года трест «Чусовлесдревпром» издал приказ, в котором потребовал от всех лесозаготовительных организа-

ций сокращать расходы на премирование рабочих, содержание административно-хозяйственного аппарата, закуп спецодежды и инструмента.

Серьезные опасения оставить завод без топлива вынудили администрацию принять нестандартное решение – начинать лесозаготовительный сезон не осенью, а летом 1938 года. Руководители отдела считали, что за счет переноса сроков начала работ на лето удастся приблизиться к стопроцентному выполнению плана. Однако главная причина неудач, заключавшаяся в нехватке рабочих рук, так и осталась неустранимой. Постоянные работники и колхозники не желали трудиться за ту зарплату, какую предлагали работодатели. В лесном отделе на постоянной основе трудилось 350 человек, а требовалось около 900 пеших и 700 конных работников. К началу сезона, т.е. к 1 октября, в лес должны были прибыть 125 колхозников, а прибыл 31 человек. Не послали работников в указанный срок колхозы «Новый путь», «Новая жизнь», «Большой Кумыш», им Сталина (Кын), им. 17-го партсъезда, им. Кабакова. Хозяйственно-подрядные договоры, заключаемые между колхозами и руководителями лесоучастков, не исполнялись, несмотря на неустойки и наказание виновных в их срыве.

Итоги работы с августа по октябрь показали, что кое-какие сдвиги в увеличении производительности труда имели место. В Любимовском лесопункте колхозники С. Исаев и С. Гусев вместо 7,2 кубометров по плану (100%) заготавливали по 15 кубометров (215%) и зарабатывали по 22 руб. в день. В Колупаихинском лесопункте С. Асанов дал выработку на 206% и заработал 32 руб., С. Крапивин – 150% (20 руб.), С. Польшгалов – 160% (22 руб. 32 коп.) Но таких примеров было немного. Они носили кратковременный характер и никак не могли восполнить недостаток 400 работников в Любимово, 200 в Обманке и других местах.

Очень низкую производительность труда демонстрировали штатные работники. В колупаихинском лесопункте на раскряжевке дров мотопилами полагалось перерабатывать 55 кубометров древесины, а фактически раскряжевывали от 5 до 10 кубометров. Заработок, таким образом, составлял всего

100 руб. в месяц. Содержать семьи на такие деньги не представлялось возможным, поэтому еще в 1935 году 60 рабочих Верх-Лысьвенского лесоучастка (к ним относились Колупаихинские лесорубы) изъявили желание получить землю под огороды. Это пожелание было удовлетворено.

Для привлечения колхозников на лесозаготовки 26 мая 1938 года Экономический Совет при СНК СССР принял решение установить колхозникам, работающим на лесозаготовках, такие же льготы, какие имели колхозники, работающие в угольной и торфодобывающей промышленности. Все колхозники, заключившие договор с подрядчиками сроком на один год, освобождались от сельхозналога и обязательной поставки молока государству.

Напряженная обстановка с заготовкой дров складывалась в самом городе. По плану городской лесозаготовительной конторы для школ, больниц, учреждений культуры требовалось заготавливать более 30 тыс. кубометров топлива. Для восьмерых штатных лесорубов такой план был явно не по силам. Новые работники отказывались поступать на работу в контору из-за низкого заработка. По государственным расценкам за кубометр заготовленных дров для социальной сферы лесоруб заготконторы получал 2 руб.08 коп., тогда как заказчики из торга платили по 4 руб., артели «Ломовик» – 3 руб. Школам, больницам, клубам грозила очередная холодная зима.

Настоящим бичом 1930-х годов для лысьвенских лесов являлись пожары. Даже самое небольшое огненное бедствие отвлекало от работы много народа. С завидной регулярностью пожары вспыхивали повсюду, где в лесу работали люди. В большинстве случаев причинами загораний было небрежное обращение с огнем, но не исключались и специальные поджоги, участившиеся после того, как лесозаготовками стали заниматься репрессированные крестьяне. Только в 1931 году лесники зарегистрировали 15 крупных пожаров. В результате разбирательства в двух случаях установлено неосторожное обращение с огнем, в трех случаях лес загорелся от паровозных искр, а вот причины десяти пожаров определить не удалось. У горожан на это счет было свое мнение – поджоги. Час-

тые лесные пожары продолжались на протяжении всего предвоенного десятилетия. Для предотвращения этих нередко рукотворных бедствий администрация содержала военизированную и пожарную охрану, а также выездных сторожей, которые патрулировали окрестные леса. Для личной безопасности 16 лесникам и сторожам выдали винтовки – «берданки».

В 1934 году Свердловский облисполком обязал городские и районные Советы усилить агитационно-просветительскую работу с сельским населением по вопросам противопожарной безопасности. В августе – сентябре 1935 года Лысьвенская ВПК совершила агитационный автопробег в составе двух бригад по Лысьвенскому, Кунгурскому, Березовскому и Пермь-Сергинскому районам. За два месяца бригады проехали 370 км, обследовали пожарные депо в 30 населенных пунктах, осмотрели 17 пожарных машин, помогли отремонтировать противопожарный инвентарь, выступали с лекциями на противопожарные темы. В состав бригады входили медики, оказывающие медицинскую помощь крестьянам, а представитель госбанка продавал облигации 3-го выпуска 2-й пятилетки.

Лето 1936 года выдалось на редкость сухим и жарким. 2 августа президиум Свердловского облисполкома опубликовал постановление, запрещающее всякие огневые работы в лесу. Вопреки запрету в районе Сокола велись работы по расчистке покосов с применением огня. В результате выгорело 900 га леса. С 10 августа пожары полыхали в районе Кына, Сои, Обманки, Сосновки, Бурсяка. На Среднем Бурсяке сгорело 2 тыс. кубометров заготовленных дров. Для борьбы с огненной стихией после основной смены формировались бригады заводских рабочих и направлялись в лес.

Еще более серьезные пожары вспыхнули летом 1938 года в районе станции Кормовище, Паленого Лога, Татарки. Сгорело 2800 га леса. На тушение пожаров мобилизовали около 2 тысяч человек. Довольно скоро удалось локализовать пожары в районе Большой Лысьвы, Кузьинского тракта, Запросека, Соинского тракта и Паинцев. Ликвидировались возгорания на Травянке, хуторе Мальцева, в Заболотной, Камен-

ном Логу, в Обманке, на Лязгинском тракте. Всего в течение пожароопасного периода в лесу трудилось свыше 4 тысяч человек. В качестве основного средства пожаротушения использовалась лопата, с помощью которой рабочие убирали лесную подстилку и прокапывали противопожарные рвы. От огня в город слетались стаи лесных птиц, которых расстреливали нетерпеливые охотники. По этому поводу жители говорили: «Живем как на японской границе, того и гляди подстрелят».

По данным Лысьвенского районного лесхоза, за период с 1936 по 1938 год пожары уничтожили леса на площади 6190 га, сгорело 108 тыс. кубометров заготовленной лесопродукции, 162 т сена, 34 крестьянских двора в деревне Соя. Убытки оценивались в размере 624,8 тыс. руб.

21 марта 1939 года Организационный комитет Президиума ВС РСФСР по Пермской области наложил категорический запрет на разведение костров в лесах с 15 апреля до 15 октября. 30 мая 1939 года Лысьвенский горсовет принял решение «О введении трудовой и транспортной повинности для тушения лесных пожаров». Мобилизации на тушение пожаров подлежали все граждане кроме не достигших 18-летнего возраста, мужчин старше 45 лет и женщин старше 40 лет. Индивидуальным лесозаготовителям запрещалось появляться в лесу до особого распоряжения.

Пожары мешали осуществлять лесозаготовки: сгорала заготовленная древесина, отвлекались заводские рабочие, затягивались сроки проведения сплавных работ. Как говорили современники, *«во всех случаях слабой работы на лесозаготовках цехи завода имели громадные простои из-за перебоев в снабжении топливом»*. Работники отдела снабжения металлургического завода, больше других знавших истинную цену снабжения предприятия топливом, сокрушались: *«Почему-то считается за правило, что проходные завода, цеховые конторы и другие непроизводственные объекты должны пользоваться обязательно качественными метровыми дровами... тогда как кругом имеется много древесины от ремонта плотины, старые шпалы, т.е. такое топливо, которое с успехом может быть использовано в отопительных приборах»*.

Свой вклад в обеспечение завода топливом пытался внести краевед И. Спехов, неустанно хлопотавший о начале промышленной разработки открытых им Обманковских месторождений каменного угля. Но и в угледобыче ярко высвечивались родимые пятна лесозаготовительных проблем: партия и правительство требовали от завода и города самостоятельно обеспечивать себя минеральным топливом. При этом не хватало денежных средств, рабочих кадров и специалистов, новая техника имела много недоработок, которые приходилось исправлять в процессе эксплуатации. На недопустимо низком уровне находились жилищные условия и питание шахтеров и строителей.

К концу 1930-х годов лесосырьевая база в окрестностях города истощилась. Особенно заметно оскудевали ресурсы Любимовского, Сокольского, Запорненского, Колупаихинского, Карповского лесопунктов. Требовалось пересмотреть существующую схему лесозаготовительных центров, на современных началах выстраивать инфраструктуру и, самое главное, освободить металлургический завод от самостоятельной заготовки древесины. Решить вопрос об удовлетворительном снабжении завода топливом и древесным сырьем можно было только за счет специализированных лесозаготовительных предприятий, расположенных в глубине территории Лысьвенского района.

Невольники леса

Гигантские масштабы социалистической индустриализации требовали от лесозаготовителей все больше древесины для удовлетворения потребностей заводов и фабрик; древесного угля для металлургической и химической промышленности; строительных материалов для новостроек; изделий из дерева для оборонной промышленности страны. При этом лесная отрасль находилась как бы на втором плане приоритетных направлений промышленного строительства. На ее развитие скупой отпускались финансовые средства, мало техники, а та, что имелась, нуждалась в серьезной доработке.

В лесу преобладал ручной труд. Система продовольственного снабжения лесными ОРСами была не отлажена. Состояние социально-бытовой сферы лесных поселений не выдерживало никакой критики. Заработная плата, ради чего люди шли работать в лес, не обеспечивала минимальных жизненных потребностей. По этой причине заготовители и лесопереработчики испытывали кадровый голод в течение десятилетий. Власть нашла способ заткнуть кадровую брешь за счет направления на лесозаготовки десятки тысяч заключенных и спецпоселенцев из числа репрессированных крестьян и жителей городов. Этот «кадр», выведенный за «скобки» социально-политической жизни страны, не имел права требовать от работодателей достойную заработную плату, хорошие жилищные условия, удовлетворительную социальную сферу.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов началось активное освоение лесных богатств Среднего Урала. Пермскому округу (будущей Молотовской области с 08.03.1940 до 02.10.1957 гг.) в этих планах отводилась особая роль в силу относительной близости от промышленных предприятий центра страны и новостроек Урала. Лысьвенский район рассматривался как значительная лесозаготовительная территория, имеющая лесосырьевой запас до 1960-х годов.

Развертывание лысьвенского лесопромышленного комплекса продолжалось на протяжении всех 1930–1950-х годов и охватило всю территорию района. Вопрос о дислокации новых лесозаготовительных центров решался достаточно просто, поскольку неосвоенных лесных территорий имелось предостаточно. На освоение лесных богатств власть направляла «раскулаченных» крестьян. Их участие в становлении леспромхозов и колхозов на территории района до сих пор является «белым пятном» в лысьвенском краеведении.

Именно спецпоселенцы основали первые крупные лесозаготовительные поселки Октябрьский и Старая Мишариха.

Октябрьский – лесозаготовительный поселок, скомплектованный за счет репрессированных крестьян, вероятно, в 1929 году. На лысьвенских картах и схемах, относящихся к 1930–1940-м годам поселка Октябрьского нет. Только на карте

Чусовского района, датированной 9 июня 1976 года, обозначен поселок Октябрьск. На более поздних картах имеется указание «урочище Октябрьское».

К моменту основания Октябрьского вопрос об организации и руководстве подобными поселениями еще не относился к компетенции ОГПУ/НКВД. За размещение и организацию поселков репрессированных крестьян отвечала местная администрация. Высшие государственные инстанции ограничились только одними указаниями расселять прибывающие контингенты в местах, подлежащих хозяйственному освоению. Лысьвенское руководство выполняло свою роль, ткнув пальцем в уголок глухой тайги, где стояли два, еще строгановских времен, полуразвалившихся барака. Помимо определения места жительства спецпоселенцев горисполкому вменялось в обязанность организовать лесозаготовки, наладить питание, обслуживание и предоставить жилье. У местных органов власти не было ни малейшего представления о том, как организовать жизнь и работу людей на новом месте. Пока работники горисполкома осмысливали свалившуюся на них проблему, сотни людей ехали в товарных вагонах к железнодорожной станции Кумыш, шли по лесной дороге через деревню Большой Кумыш и Заболотненский кордон к среднему течению речушки Чизма. На месте назначения – ни жилья, ни питания, ни начальства – кругом одни высоченные ели. Начались болезни и смерти. Умирили по несколько человек в день. Первыми уходили старики и малолетние дети. Так на лысьвенской земле появился первый спецпоселок.

Бедственное положение переселенцев вынудило верховную власть в июле 1930 года передать организацию и управление спецпоселками в ведение ОГПУ/НКВД, а 10 декабря 1930 года СНК РСФСР принял постановление «О трудовом устройстве кулацких семей, высланных в отдаленные места, и о порядке организации и управления специальными поселками».

Несколькими месяцами раньше, 7 марта 1930 года, Пермский окружком ВКП(б) разослал секретарям городских и районных партийных организаций указание о проведении по-

литики раскулачивания и ликвидации кулачества как класса. Окружной документ требовал конфисковать у кулаков все имущество (деньги, облигации, сберкнижки, инвентарь, дома, скот, сельскохозяйственную продукцию) помимо носильных вещей, постельных принадлежностей и посуды, но *«обязательно оставить топоры, лопаты (без черенков) и пилы, которые будут необходимы для работ на месте высылки»*.

Перед первыми насельниками Октябрьского ставилась задача заготавливать лес для молевого сплава и строить бараки для вновь прибывающих контингентов. За год были построены дом для коменданта, контора, конюшня и 8–10 жилых барачков примерно на 50 человек каждый. Зимой 1931–1932 года в Октябрьский прибыла вторая партия поселенцев, сразу же приступивших к лесозаготовкам. Тем, кто выполнял нормы, выдавали паек по 200 граммов муки. Из нее приготавливали так называемую «затируху». Это была самая малость, но и ее получали с перерывами. Отлаженная система продовольственного обеспечения спецпоселенцев отсутствовала и существовала только на бумагах начальников НКВД¹.

Дороги оставались непроезжими в течение всего года даже для гужевого транспорта. Ослабленное от недоедания и тяжелой работы, население голодало и болело. В поселке свирепствовал тиф. В течение суток умирали до десятка человек. Кыновской библиотечкарь А. Захарова записала воспоминания Н. Д. Хорошильцевой: *«Осенью 1930 года мы вместе с другими переселенцами прибыли в товарных вагонах на ст. Чусовская. Отсюда нас отправили на лесоразработки в поселок Октябрьский, расположенный на берегу реки Чизма. Прожитые годы запомнились не столько непосильным трудом, сколько холодом и голодом. Глава семьи Сергей Спиридонович скончался через несколько месяцев по приезде*

¹ По официальным данным осенью 1930 года спецпоселенцы обеспечивались мукой на 60%, крупой – 53%, овсом – 49%, рыбой – 62%, маслом – 71%, сахаром – 107%, мылом – 28%, табаком – 10% и т.д.

на новое место жительства. В этом поселке мы похоронили своих трех новорожденных младенцев».

Место, определенное для жизни и работы жителей Октябрьского, было совершенно не изучено с точки зрения его хозяйственного и бытового использования. Единственную дорогу так и не удалось обустроить. До Большого Кумыша можно было добраться только пешком. Маловодная извилистая река Чизма при сплаве не могла обеспечить пропуск больших объемов заготовленной древесины. На бесчисленных поворота образовывались заторы из бревен, на разбор которых уходило много сил и времени. В результате вода спадала, и лес оставался на берегах реки. Из-за невозможности использовать Чизму в качестве сплавной реки, а также из-за болезней и голода, выкосивших большую часть населения, в июле 1934 года поселок Октябрьский закрыли.

Память об Октябрьском увековечил кыновской краевед С. А. Гринкевич. О том, что осталось от первого поселка спецпоселенцев, он рассказал со слов Е. И. Лунеговой: *«Поселок этот был основан раскулаченными в начале тридцатых... Места бездорожные, гиблые. ...Осталось в поселке Октябрьском десятка два пустых бараков, крытых сосновой дранкой, сруб недостроенной школы и приготовленные для нее ящики со стеклом. Осталось и кладбище. Недавние могилы провалились, крестов на них не было. Вокруг брошенного поселка простирались обширные вырубки».*

Несмотря на кратковременность существования поселка, четыре его жителя были арестованы сотрудниками НКВД по обвинению в антисоветской агитации. Тех, кому удалось выжить, разослали в спецпоселки Мишариха, Вынырок и Рябиново.

Второе поселение репрессированных крестьян вошло в историю под названием Старая Мишариха. По данным сотрудника Пермского краевого отделения общества «Мемориал» А. А. Чернышова, о Старой Мишарихе нет информации с момента основания поселка до 1939 года и с 1943 года до его закрытия. На 1 июля 1939 года в Старой Мишарихе проживало 108 семей, в т.ч. – 84 мужчины, 118 женщин и 117 детей; на 1 января 1941 года – 295 человек, на 1 июля 1943 года – 250

человек. Трудоустройство поселенцев последовательно закреплялось за трестом «Пермлес» и главтрестом «Чусовлесдревмет» Наркоматов цветной, а затем черной металлургии. Первонасельниками Старой Мишарихи являлись кубанские казаки. Их единственным и главным занятием являлась заготовка древесины. От голода и переутомления на работе по дороге на лесосеку и обратно в поселок люди умирали. Бесценный материал о «мишарихинских казаках», хранящийся в центральной Лысьвенской библиотеке, собрали учительница Кыновской школы № 65 С. М. Загвозкина и ученица Н. Елохова.

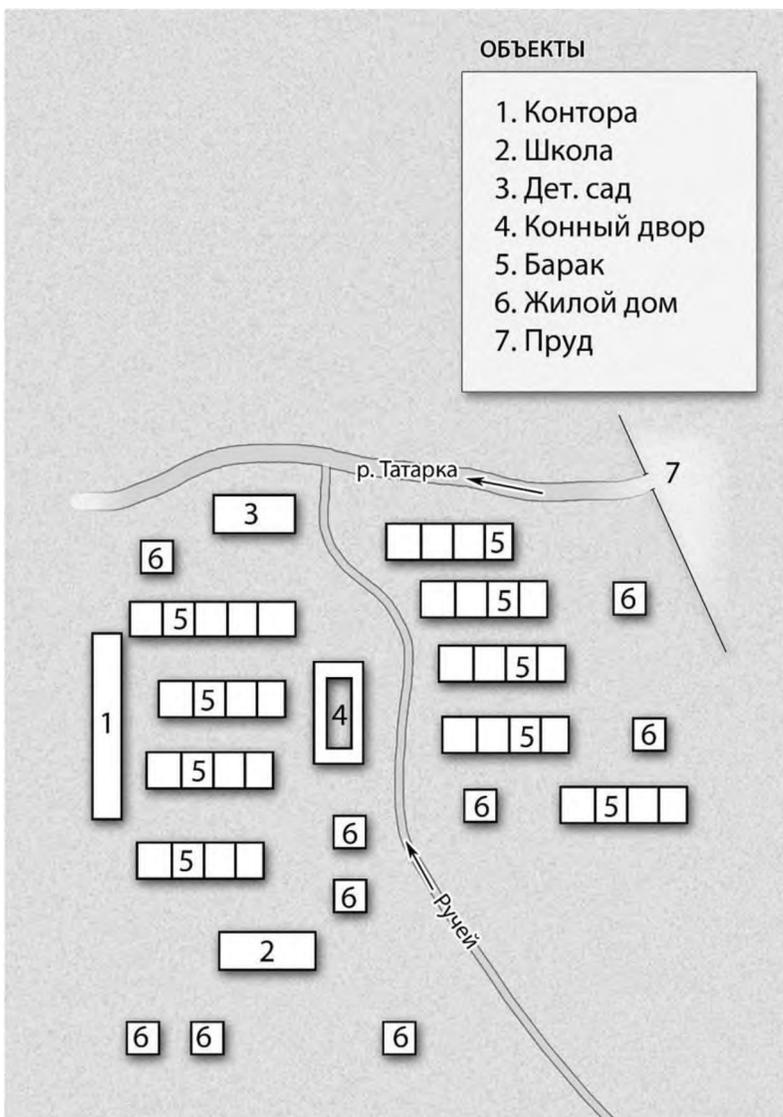
Заселение лысьвенских лесов спецпоселенцами осуществлялось через Чусовскую районную специальную комендатуру НКВД. Она распределяла прибывших «кулаков» по городам и районам севера и востока Пермского округа. У спецкомендатуры имелись филиалы в Чусовском, Кизеловском и Лысьвенском районах. По не уточненным данным в Лысьвенском районе имелось пять комендатур. Неизвестно, в какой части города или пригорода располагались спецкомендатуры № 38 и 69. Кроме них комендатуры имелись в поселках Рябиново, Вынырок и Поныш. Что касается комендатуры в Поныше, то территориально она относилась к Чусовскому району, тогда как административно значилась в Лысьвенском районе.

Точная дата основания Рябиново неизвестна. По данным А. А. Чернышова, поселок подчинялся чусовской райкомендатуре Лысьвенского района. Спецпоселенцы трудоустроивались в трест «Пермлес» и главтрест «Чусовлесдревмет» наркоматов цветной и черной металлургии. На 1 июля 1939 года в поселке числилось 377 человек (116 семей); на 1 января 1941 года – 378 (112 семей), в т.ч. 80 мужчин, 124 женщины, 174 ребенка в возрасте до 16 лет; на 1 июля 1943 года – 292 человека (103 семьи). В своей относительно недолгой истории Рябиново пережило все тяготы подневольной жизни. В первые годы спецпоселенцы жили в тесных бараках. Построенные наспех из сырого леса, бараки не имели перегородок, вторых рам в окнах, стены изобиловали дырами. Нередко на площади в 40 квадратных метров заселялось по 25–30 человек, так что на одного жителя приходилось по 0,5–1,5 квад-

ратных метра. Голодали все без исключения: взрослые и дети. Недельный паек в Рябиново состоял из полутора килограммов муки на человека. Люди ходили в рваной одежде. Сменной одежды не имел никто. Спали в том, в чем работали в лесу. Велика была смертность среди стариков и детей. От голода и непосильного труда люди сознательно совершали преступления, чтобы попасть в исправительный лагерь, где хотя бы немного, но кормили. Сотрудники НКВД оценивали положение спецпоселенцев в Октябрьском, Рябиново и Вынырке как катастрофическое.

В начале 1930-х годов Чусовская спецкомендатура основала поселок спецпоселенцев под названием Вынырок. Краткая история Вынырка началась осенью 1929 года, когда в поселок Кусья пригнали более 100 семей спецпоселенцев из Луганской и Тюменской областей, Пермского округа и Татарстана. Жители Прикамья были представлены крестьянами Осинского и Чернушинского районов. Строительство поселка началось в марте 1930 года. Количество переселенцев колебалось от 200 до 400 человек. В первое десятилетие численность детей была почти равной суммарному количеству мужчин и женщин. По данным за 1939 год в 105 семьях было 95 мужчин, 130 женщин и 171 ребенок в возрасте до 16 лет.

А. А. Чернышов указывал, что в 1939 году в поселке числилось 487 человек (126 семей), в 1941 году – 505 человек (125 семей), в 1943 году – 445 чел (120 семей). Почти половину переселенцев составляли дети в возрасте до 16 лет. Например, в 1939 году из 487 человек насчитывалось 111 мужчин, 164 женщины и 212 детей. В 1939 году жители Вынырка числились за трестом «Пермлес», в 1941 году за главтрестом «Чусовлесдревмет» Наркомата цветной металлургии, а в 1943 году за Наркоматом черной металлургии. На основании похозяйственной книги основных производственных хозяйств показателей колхозников за 1946–1948 годы, хранящейся в лысьвенском муниципальном архиве, в 1948 году в Вынырке (в документе он назывался Вынырский барак) проживало 72 человека. К этому времени масштабные лесозаготовки были свернуты. Вынырок прекратил свое существование в 1956 году.

Схематический план Татарки. Автор Н. Н. Летов. 2003 г.

До середины или до окончания войны Поныш относился к чувовской спецкомендатуре, но затем его передали под контроль лысьвенской комендатуры № 69, а затем – комендатуры № 38. Официальные данные о поселке имеются за 1939, 1941, 1943, 1945, 1950, 1951 и 1952 годы.

Поныш стал образцовым лесным поселением, воздвигнутым руками репрессированных крестьян, людей трудолюбивых, мастеровитых, умеющих выживать в любых жизненных ситуациях. По крестьянской привычке все делалось основательно. Жители Поныша и к подневольной работе относились очень добросовестно. По воспоминаниям П. И. Занина, буквально за несколько лет в глухой тайге появился *«поселок городского типа с четко спланированными улицами и кварталами... клуб, начальная школа, детский сад, детские ясли... конный двор, скотный двор, пруд, мельница и малая электростанция»* и, конечно, комендатура в самом центре. Главная цель, стоявшая перед понышанами, заключалась в заготовке леса, однако из-за плохого продовольственного снабжения жители поселка вынуждены были организовать сельскохозяйственную артель, которая со временем превратилась в крепкий колхоз.

Поселенцы, прибывавшие в Лысьвенский район, направлялись не только на лесозаготовки. Комендатура № 38 трудоустроивала их в стройуправление треста «Губахтяжстрой», на Лысьвенский металлургический завод, на подсобные работы в лысьвенские отделы просвещения, здравоохранения и местной промышленности и, конечно, в Лысьвенский леспромхоз. Спецконтингент этой комендатуры трудился в лесопунктах лесного отдела металлургического завода Верх-Лысьва, Обманка, Любимово и других. При распределении по месту жительства людей «тусовали», как карточные колоды. Муж и жена с детьми могли оказаться в Мишарихе, а их престарелые родители – в Кыну, один брат или одна сестра направлялись в Усть-Койву, другие – в Рябиново.

Спецкомендатуры № 69 и № 38 занимались приемом и расселением не только русских, белорусских и украинских «кулаков и подкулачников», но и советских граждан немецкой

национальности. Эта категория спецпоселенцев также работала в пригородных лесосеках, занималась сплавом древесины по рекам и выжигом алебаstra в первой Обманке и Любимово, вылавливала дрова из прудов, заготавливала топливо для школ и больниц.

Начальниками комендатур назначались сотрудники НКВД – коменданты. В сущности, они являлись полновластными хозяевами спецпоселений и их жителей. В обязанности комендантов входили учет и надзор, организация розыска бежавших переселенцев, контроль за выполнением производственных планов, а значит и определение норм выработки, выдача разрешительных документов на выезд за пределы поселения с целью посещения больниц, родных, проживающих в соседних поселках, получение различных справок. В подавляющем большинстве коменданты были людьми малообразованными, кичившимися своими властными полномочиями, а потому крайне жестокими и безжалостными в обращении со спецпоселенцами.

Библиотекарь и краевед А. Захарова записала воспоминания С. Н. Брюховой-Тарасовой: *«Вся власть принадлежала коменданту. Без его разрешения не выехать, не сходить в лес... Когда я подросла, меня направили на лесозаготовки в Кыновской леспромхоз. Очень хотелось учиться дальше, но заключенных никуда не принимали»; В. И. Ярыгина (Клюсова) вспоминала: «Без ведома коменданта Зайнуллина, человека весьма злого и агрессивного, жители поселка (Рябиново –Н.П.) не могли отлучиться даже за грибами. Суровое наказание могло последовать за малейшую провинность».*

Кыновской комендант Зайнуллин, отличавшийся крайней жестокостью, использовал для расправы над спецпоселенцами постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах». Так, пятидесятилетней работнице Вере Васильевне Тютюковой он присвоил ярлык «социально опасный элемент» (СОЭ). Женщина отправилась на пятилетнее поселение на север Казахской ССР. Понышский комендант отправил в лагерь на пять лет малограмотную жен-

щину-сучкоруба Эльвиру Степановну Ганш только за то, что она дочь «кулака» и трудопоселенка. Отца сучкоруба, бывшего «кулака», приговорили «по первой категории», т.е. к высшей мере наказания и расстреляли. Не существовало пределов разнузданному самовластью лесных «начальников».

По мере вырубки лесов в окрестностях спецпоселений обустроивались новые лесоучастки. Иногда они располагались на расстоянии 10–15 и более километров от центральной базы. Это заметно прибавляло работы комендантам и их помощникам. За поддержанием порядка в поселках и на лесоучастках следили милиционеры, находившиеся в подчинении комендантов. Они пресекали возможные беспорядки, организовывали похороны и регистрацию умерших, следили за своевременным выходом поселенцев на работу, регистрировали вновь прибывших поселенцев, этапировали провинившихся жителей в лысьвенский суд. На пятьдесят семей, проживавших в поселении, полагался один милиционер.

В период с 1937 по 1947 год спецпоселенцы являлись основной «штатной» рабочей силой на лесозаготовках, подвозу и сплаву древесины во всех лысьвенских леспромхозах. Хотя, это следует отметить, нигде в документах спецпоселенцы не выделялись в особую группу работников лесной промышленности. Только анализ подомовых книг, сравнение с фамилиями коренных жителей по зарплатным ведомостям и другим документам позволяет делать некоторые выводы. Например, в 1935 году в лесоучастке Верх-Лысьва проживали 19 домохозяев. Из них 18 домохозяев не имели ни личных домов, ни хозпостроек, ни скота. В Каменном Логу числилось 29 домохозяев, из них только 9 имели членов семей от двух до четырех человек. Остальные 20 числились домохозяевами. В Обманке из 25 домохозяев 16 человек не имели ни хозсобственности, ни скота. В графе «Социальный статус» у всех было записано: «Рабочий». Таким образом, с большой долей вероятности можно полагать, что эти рабочие, приписанные к заводу и занимавшиеся лесозаготовками и сплавом, являлись спецпоселенцами.

Нет ясности о количестве спецпоселенцев, приписанных сначала к лесному отделу завода, затем переданных в распоряжение Лысьвенского ЛПХ, а также в определении мест их проживания и работы. Соотношение постоянных и сезонно-временных рабочих лесного отдела в 1931 году выглядело как 194 человека к 935. Эти данные относятся ко времени, когда трест «Уралсредлес» пытался развернуть на базе лесного отдела металлургического завода крупное лесозаготовительное предприятие, нацеленное на полное удовлетворение лысьвенских металлургов дровами и деловой древесиной.

Значительные трудности для определения количества спецпоселенцев и мест работы создавали их перемещения из одного населенного пункта в другой. Этот процесс провоцировался высокой текучестью рабочих из числа вольнонаемных работников. Причин тому имелось много: низкая трудовая дисциплина, плохая организация труда, невероятно тяжелый труд лесорубов и возчиков, отвратительные жилищные условия и скудное питание. По этому поводу городская газета «Искра» писала: *«Текучесть рабочей силы, проявляющаяся почти повсеместно в Советском Союзе, особенно остра в уральских условиях... Начатая борьба с текучестью, быстро обнаружила, что классовый враг уже орудует на этом фронте. Под «беспартийным» лозунгом «зима - ваша, лето - наше» наш классовый враг пытается пролезть во все щели и вредить строительству...»*. Таким образом, дефицит рабочих кадров решался за счет перемещения с места на место спецпоселенцев. Особенно это касалось тех лесопунктов, где складывалась критическая ситуация с выполнением планов лесозаготовок. Хаотичное движение кадровых рабочих и спецпоселенцев привело к тому, что по итогам основной деятельности только в 1931 году лесной отдел понес убытки на сумму 142 177 рублей.

Нет сомнений в том, что спецпоселенцы трудились всюду, где заготавливался и вывозился лес. А. А. Чернышов указывал, в частности, на пристанский лесоучасток (на Мысу), где неподалеку от «кордона» стоял дом конвоиров. Рядом с ним

располагались конюшня, кладовая и барак¹. Проживавшие здесь спецпоселенцы занимались сплавом леса по рекам Большая Запорная, Грязнуха, Лысьва и выгрузкой древесины из заводского пруда с последующим её складированием на берегу. Вероятно, в качестве платы за надзор над спецпоселенцами в течение всех 1930-х годов лесной отдел завода и леспромхоз снабжали дровами городской отдел НКВД и вооруженную охрану.

Несколько больше, чем другие лесные поселки, с городом были связаны спецпоселенцы Первой и Второй Обманки. С городом поселения соединял старинный Кусьинский тракт. По прямым заявкам завода и гортопа спецпоселенцы занимались заготовкой дров, строили шахты и, вероятно, участвовали в добыче каменного угля, выжигали известь для городских и заводских новостроек.

До 1951 года Первая Обманка относилась к Лысьвенской спецкомендатуре № 69 Чусовского района, а с 1952 года к Лысьвенской спецкомендатуре № 38. Данные о спецпоселенцах имеются на 1 января 1950 года: 22 человека (13 семей), в т.ч. 11 мужчин, женщин – 9, детей до 16 лет – 2. По данным на 1 января 1951 года – 22 человека (15 семей), в т.ч. 14 мужчин, 4 женщины, 4 детей до 16 лет. Это были репрессированные советские немцы.

На картографических планах Лысьвенского лесничества начала 20-го века Обманковское урочище обозначено как «Отвод залежей каменного угля владения князя С. М. Голицына». По данным Пермского краевого отделения общества «Мемориал» на 1 июля 1939 года в Обманке Второй числилось 396 человек (105 семей) спецпоселенцев, в том числе, 95 мужчин, 130 женщин и 171 ребенок в возрасте до 16 лет. Люди были приписаны к главтресту «Чусовлесдревмет» Наркомата черной металлургии. Спецпоселенцы занимались добычей угля, заготовкой леса и строительством жилья для шахтеров. В 1941 году в поселке насчитывалось 391 человек (89 мужчин,

¹ Этот барак до революции назывался «лесным», а после войны – «немецким», т.к. в нем жили пленные немцы.

125 женщин и 177 детей в возрасте до 16 лет, в 1943 году осталось 316 человек. К концу войны во Второй Обманке проживали (данные за 1950 г.) 6 советских немцев (3 семьи) и 96 оуновцев (35 семей). В 1951 году соотношение немцев и оуновцев изменилось. Немцев осталось 59 человек (19 семей), оуновцев – 8 человек (4 семьи). Не известно время, когда поселок покинул последний спецпоселенец, но некоторые из них жили в Обманке до 1980-х годов.

Поскольку некоторые лесоучастки базировались непосредственно около города и спецпоселенцы как бы растворились среди жителей, внимание к этому контингенту со стороны НКВД и милиции было несколько ослаблено. Этим воспользовались беглые спецпоселенцы из отдаленных районов Молотовской области. Не имея документов, они устраивались на работу, например, в Любимовский лесопункт, обживались здесь, со временем получали паспорта и даже привозили свои семьи. Прием на работу без трудовых книжек был так велик, что 7 мая 1945 года председатель горисполкома И. Ф. Некрасов направил руководству лесопункта специальное уведомление, в котором под угрозой сурового наказания запрещал принимать на работу беспаспортных граждан.

На присутствие спецпоселенцев в Лысьве и пригороде указывали многочисленные косвенные свидетельства. Например, в Еверзикинском кордоне открылся детский дом. О нем ничего не известно, но имеются все основания полагать, что в глухой угол власти прятали детей, чьи родители погибли в лагерях или оказались в местах заключения в результате коллективизации сельского хозяйства. Налицо жесткое исполнение оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 года, который требовал неукоснительно наблюдать за политическими настроениями детей осужденных родителей, за их учебной и общественной жизнью.

Отсутствие списков и данных о количестве спецпоселенцев не исключает, что они составляли кадровую основу лысьвенских леспромхозов. Во всяком случае до конца 1940-х го-

дов, когда несколько ослаб надзорный режим, и на лесозаготовки стали приезжать жители западных областей СССР на постоянное место жительства и на сезонные работы. Немногие местные жители охотно шли на лесозаготовки. Спесоселенцам выбирать было не из чего: куда привезли – там и живи, какую работу заставили – ту и делай.

Отвратительными были жилищные условия спецпоселенцев. Бараки, наскоро построенные в начале 1920-х годов, ветшали и нуждались в капитальном ремонте, на который не находилось ни денег, ни времени. Часто в бараки переселенцев подсаляли сезонных рабочих. Скученность была невероятной, а с ней и повсеместная антисанитария, педикулез, болезни. По данным бухгалтерских отчетов в 1936 году на ремонт моторных лодок, используемых на пруду, затрачено 15500 руб., а на капитальный ремонт всего барачного жилого фонда только 6000 руб. В объяснительной записке к отчету за 1942 год администрация леспромхоза вынуждена была констатировать: *«Текущий капитальный ремонт производится без планов, несвоевременно и некачественно».*

Не избежали подселения владельцы частных домов. Краевед Л. Старкова записала воспоминания А. М. Шестаковой: *«В годы работы лесного участка много людей увидели Парканы. Построенных барачков для сезонных рабочих не хватало. Людей распределяли по квартирам местных жителей. Это не очень радовало хозяев. Но за то, что пускали квартирантов, платили живыми деньгами, в колхозе же денег не давали. Поэтому волей-неволей приходилось потесниться. Места в избе было мало самим, а тут еще постояльцы каждый со своим характером».*

В декабре 1935 года снабжение лесозаготовителей продовольствием и промтоварами перешло к ОПСу металлургического завода. Качественного улучшения в снабжении не произошло, кроме того что появились разъездные ларьки. Они обслуживали жителей лесопунктов в Карповке, Куликовке, Каменке, Старом Кормовище, Нижнем Бурьяке.

Что касалось спецодежды, то ее у поселенцев не имелось в принципе. Люди годами донашивали то, в чем их при-

везли на Урал. Небольшую часть спецодежды получали за счет поставок по линии Союзметизтехснаба. Телогрейки, брюки, рукавицы были некачественными, но и их не хватало. В первую очередь спецовку выдавали вольнонаемным рабочим. В воспоминаниях очевидцев упоминаются факты, когда стегаемые на вате брюки и куртки снимали с умерших лесорубов и благодаря этому выживали в суровые уральские зимы. Вместо валенок в ходу были лапти. Отчасти их выдавали по линии ОРСа, отчасти лесорубам приходилось покупать такую «обувь» на собственные деньги. За зиму лесозаготовители изнашивали 3-4 пары лаптей¹. Несмотря на тяжелейшие условия труда и быта, оплата труда лесозаготовителей оставалась крайне низкой. Например, в 1935 году средняя заработная плата вольнонаемных рабочих составляла 125 руб., спецпоселенцев со всеми вычетами – 40–50 руб. в месяц.

Чтобы повысить производительность труда, а с этим и объемы заготавливаемой древесины, в ноябре 1937 года парторг ЦК ВКП(б) на металлургическом заводе и комсорг лесного отдела попытались организовать среди лесорубов и возчиков социалистическое соревнование. Надежда партийных работников на массовое участие рабочих в соревновании и резкий рост производительности труда не оправдалась. Только десять лесорубов показали выработку на уровне от 110 до 130%. Как образец для подражания информация об их успехах сообщалась во все лесоучастки и лесопункты. В результате ударной работы зарплата победителей соцсоревнования поднялась до 168–218 руб.

Во второй половине 1930-х годов увеличилось количество заказов непосредственно для нужд оборонной промышленности. В связи с этим несколько повысились размеры заработной платы части заводских рабочих, занятых непосредственно выпуском оборонной продукции. Жалование лесозаготовителей и рабочих, связанных с лесопереработкой, оста-

¹ За счет централизованного снабжения в лесные поселки привозили 8% хлопчатобумажных тканей и 20% обуви от реальной потребности жителей.

лось на прежнем уровне или даже уменьшилось. Например, из НКТП СССР в Лысьву сыпались телеграммы об увеличении сырья для изготовления тарной дощечки, из которой рабочие заводской лесопилки сколачивали ящики для упаковки военной продукции. Производство ящиков для снарядов и солдатских касок увеличилось, а зарплата осталась на прежнем уровне. Одновременно увеличились нормы выработки по заготовке и вывозке древесины для ремонта старых, а затем строительства новых укрепрайонов вдоль западных границ СССР.

Огромное количество древесины, заготавливаемой спецпоселенцами в лысьвенских лесах, шло не только на удовлетворение потребностей обороны, но поступало в разные уголки страны на нужды социалистического строительства. При этом в самом городе не хватало дров – все силы уходило на выполнение государственных лесозаготовительных планов. Председатель горисполкома М. П. Шеин вынужден был заявить, что к концу мая 1937 года плохо обстояли дела с выгрузкой леса из пруда. Говорить, собственно, было не о чем, потому что Михаил Петрович сам признавал: *«ни одного полена дров в пруд еще не спущено»*. Да и прудовые гавани не успели подготовить к приему древесины для города. Эти и другие признания о проблемах лесозаготовок, сельского хозяйства, социальной сферы города дорого обошлись председателю горисполкома. Июньский (1937 г.) пленум ГК ВКП(б) постановил *«снять Шеина М. П. с работы председателя Лысьвенского городского совета, исключить из членов президиума горсовета и поставить решение пленума об отводе Шеина из депутатов на избирательном участке»*. Михаил Петрович Шеин не имел никакой собственности – ни земли, ни скота. Он не пополнил ряды «лесных невольников» – его просто расстреляли¹.

¹ После гибели М. П. Шеина председатели горисполкома менялись с последовательностью в несколько месяцев: И. А. Касьянов (июнь 1937 г. – июль 1937 г.), Ф. Ф. Мальцев (июль 1937 г. – январь 1938 г.), Г. Ф. Бражников (январь 1938 г. – октябрь 1939 г.), А. С. Макшаков (октябрь 1939 г. – январь 1941 г.).

Вторая волна сталинских репрессий 1937-1938 годов сметала не только руководителей. С новой силой она обрушилась на лесных поселенцев, обживавших лысьвенские леса с начала 1930-х годов. Возродились подзабытые ярлыки советского агитпропа «кулак», «сын кулака», «дочь кулака». Команданты лесных поселков получили разнарядку выискивать и передавать карательным органам тайных и явных врагов советской власти. По словам потомков спецпоселенцев, существовали даже некие «планы», на основании которых жители поселков обязывались выдавать «органам» заданное количество несчастных односельчан. А. М. Моздор писал: *«В 1937 году в Мишариху пришла разнарядка о «выделении» двух «врагов народа». Члены правления заседали всю ночь, решая, когда сдать, чтобы выполнить план. В итоге решили сдать двух одиноких женщин с детьми. Одной из арестованных была моя бабушка. Её взяли под стражу 24 декабря 1937 года, а дочь отправили в детский дом в одну из республик Средней Азии»*¹.

Установить точное количество «врагов народа» среди лесорубов, возчиков, лесных рабочих нам не удалось. Списки огромны. С каждым годом они пополняются все новыми и новыми фамилиями. Виновных перед советской властью чекисты находили даже в самых маленьких лесных поселениях: Татарка, Кульбики, Тайга, Потоскуй, Дылга, Новиковка. Для сбора информации об арестованных лесорубах приходилось пользоваться только открытыми источниками. По этой причине можно назвать весьма приблизительную цифру – более 200 человек расстрелянных, замученных, превращенных в «лагерную пыль». Вот фрагмент из наших изысканий:

¹ Моздор, А. Ностальгия по диктатору? // Искра. 2021.25 нояб. С. 6.

Название поселения	Формулировки наказания						
	Диверсии, шпионаж	АСА, АСД	КРД	Повстан. деятельность	Недоказ. преступл.	умерли при следствии	все-го
	Расстрел	Заключение сроком от 5 до 10 лет					
Асов.ЛПХ (Сергино, Тара, Уткино, Канабеки)	7	6	3	-	-	-	16
Вынырок	8	5	1	3	35	1	53
Кын	12	11	3	3	23	-	52
Мишариха	8	14	-	2	5	-	16
Октябрьский	-	4	-	-	-	2	6
Поныш	4	4	1	-	14	3	26
Рябиново	4	2	1	1	-	-	8

На основании приведенных данных можно сделать некий вывод по двум столбцам: расстрелянным и освобожденным в связи с недоказанностью состава преступления. 24% репрессированных поселенцев подверглись высшей мере наказания, 44% – освобождены за недоказанностью состава преступления. Комментировать абсурдность обвинений за шпионаж в глухих таежных поселках не будем. Зададимся вопросом: «Почему 44% арестованных были освобождены иногда через месяц – другой, иногда через год – два?» В таком подходе имела своя злонамеренная цель. Побывавшие в застенках НКВД люди рассказывали односельчанам об ужасах допросов, истязаниях, пребывании в переполненных заключенными камерах, гнетущем ожидании неизбежного наказания и, самое главное, в непонимании, за какие провинности они оказались под арестом. Эти рассказы порождали страх, боязнь обвинения в несовершенных преступлениях, поэтому люди безропотно выполняли любые распоряжения начальства, терпели непосильный труд и голод.

Так формировалась основа «постоянного кадра» лысьвенской лесозаготовительной промышленности.

Новые лесные промышленные хозяйства

Для интенсивного строительства новых заводов, фабрик и городов в годы социалистической индустриализации требовалось огромное количество древесины. Для удовлетворения постоянно растущего спроса пришлось срочно реорганизовать управление лесной промышленностью и лесным хозяйством. Соответствующее постановление СНК РСФСР принял в июне 1929 года, а в конце этого года вышло Положение о советских лесных хозяйствах (лесхозах) и советских лесопромышленных хозяйствах (леспромхозах).

На Западном Урале один за другим стали появляться крупные лесозаготовительные предприятия. Среди первых был Асовский ЛПХ. Его история началась в октябре 1929 года, когда на базе управления лесного отдела Кунгурского окрземуправления был создан Кунгурский леспромхоз объединения «Волго-Каспийлес». 1 сентября 1931 года Кунгурский ЛПХ вышел из объединения «Волго-Каспийлес» и вошел в состав пермского треста «Уралзападлес». В результате последующей реорганизации из Кунгурского ЛПХ выделились Шамарский и Асовский лесоучастки, вскоре ставшие самостоятельными лесопромышленными хозяйствами. Базой Асовского ЛПХ стало село Асово Кишертского, затем Березовского района. В качестве основной транспортной артерии использовалась река Барда и ее притоки. Молевой сплав продолжался с весны до осени. Значительная часть древесины отправлялась по железной дороге со станции «Кордон».

В состав хозяйства входили мехлеспункт Кордон, лесоучастки Курыль, Молебка, 59-й разъезд (Лек), 26-й квартал и Глухарь. По мере развития производства в конце 1930-х годов лесосырьевая база леспромхоза постепенно смещалась в северном и северо-западном направлениях в сторону Лысьвенского района. Некоторые лесозаготовительные пункты, например, Старое Кормовище и Вальюшино, находились в десятках километров от центральной усадьбы. На первом этапе своего существования Асовский ЛПХ имел на вооружении один шпалорезный станок и станок по ошкуровке баланса, в

остальном – лучковые пилы, топоры и несколько десятков лошадей собственного обоза.

После выхода 24 июля 1931 года постановления ВСНХ СССР о реорганизации лесной промышленности и лесного хозяйства в целях сближения административного аппарата непосредственно с производством произошло разукрупнение лесоучастков на производственные участки. Из Асовского лесоучастка выделился производственный участок в Парканах, из Матвеевского – в Старом Кормовище, из Красотинского – в Сае, из Терсинского – в Кордон Терси (Н.-Терси), из Канабековского – в Валюшино. Рядом с производственными участками появлялись мастерские участки¹, например, Сова, Вакса, лесная избушка, Арзя, Ханские бараки на реке Шаква; на реке Барда – Средний, Ялунинский, Сергинский, Чунтоновка, Токовая, Табаевский бараки; на реке Каменка – Рассоха, Шмаковка, Срубовка, Долгая, Ольховка, Серебряная, Каменка и т.д. На перспективных для последующей разработки лесных площадях со временем появлялись новые лесоучастки, а мастерские участки превращались в лесопункты. К 1937 году основными центрами лесозаготовки Асовского ЛПХ стали Западнинский, Канабековский, Кордонский, Матвеевский и Молебский лесоучастки.

Рубка леса велась вручную. На мастерском участке Шумковская пристань норма заготовки ликвидного баланса на бригаду за смену составляла от 46 до 60 куб. м., а на одного человека – 5 куб. м в день. Всю заготовленную древесину полагалось вывозить к железной дороге и грузить в вагоны.

Лесные рабочие набирались из жителей окрестных деревень и завербованных жителей Пермской и соседних областей. Укомплектовать штатное расписание постоянным кадром полностью никогда не удавалось. Основную массу работников составляли колхозники, прибывавшие на лесозаготовки по разнарядкам сельсоветов. Как правило, разнарядки не выпол-

¹ *Мастерские участки – первичные производственные единицы, которые объединяются в лесозаготовительные лесопункты / производственные участки.*

нялись. Мобилизованные крестьяне опаздывали с явкой на рабочие места, прогуливали, самовольно покидали лесные делянки. Администрация леспромхоза старалась применять к таким работникам букву приказа НК лесной промышленности СССР от 23 июня 1940 года № 158 о привлечении к суду лиц, самовольно ушедших с работы, но результат от этих действий был не велик.

Десятники и бригадиры пытались своими методами задерживать колхозников на рабочих местах и активизировать их работу. При проведении сплава по реке Шаква по предварительной договоренности с председателем колхоза имени Кирова десятник Степанов передал артели 7,9 ф/м древесины, и колхозники сработали хорошо. В пятидневный срок, отпущенный на сплав, бригада Степанова уложилась, но за проявленную инициативу на десятника наложили штраф в размере 347 руб. 60 коп.

Рука об руку с колхозниками на лесозаготовках трудились спецпоселенцы из числа раскулаченных крестьян. К сожалению, в архивах нет никакой информации об этой категории лесных тружеников. По воспоминаниям ветерана Асовского ЛПХ И. М. Вилисова, в леспромхозе трудились более 500 человек репрессированных. Об их жизни и труде можно судить только на основании воспоминаний очевидцев и скудных данных музея и архива. Во многих мастерских и лесных участках в 1941–1953 годах жили и работали депортированные семьи немцев – трудармейцев. Наравне со всеми они занимались лесозаготовками и сплавом древесины по рекам.

В протоколе совещания руководящего состава Асовского ЛПХ от 29 января 1947 года в перечне неплановых расходов указаны затраты на содержание офицерского состава министерства внутренних дел в сумме 22100 рублей. Офицеры МВД контролировали спецпоселенцев, проживающих в отдаленных лесопунктах и производственных участках. Для проведения инспекционных проверок милиционерам приходилось преодолевать большие расстояния, например, Каменский лесопункт располагался в 50 км от Асово, Кордон Терси – в 35 км, Красоты – в 35 км, Шаква – в 60 км. Основная масса асов-

ских спецпоселенцев проживала в наскоро построенных бараках. За бытом и работой поселенцев осуществлялся гласный и негласный контроль. В штатном расписании леспромхозовских администраций значились должности начальников секретных отделов. Об их деятельности в документах отсутствует какая-либо информация кроме той, что они время от времени выезжали в служебные командировки в Молотов и Лысьву.

Сравнение фамилий по бухгалтерским ведомостям рабочих-асовцев и спецпоселенцев из Кыновского ЛПХ по спискам Р. А. Красовитовой, показывает их полную идентичность. Это фамилии выходцев из Украины, Белоруссии, Средней Азии.

Кое-кто из спецпоселенцев пытался обжиться на новых местах и начинал строить собственные дома. Поскольку заработная плата была мала, в леспромхозе они брали ссуды в размере от 180 до 700–800 рублей. Некоторые из заемщиков вовремя расплатиться не могли, тогда для взимания долгов администрация передавала иски в Лысьвенский суд. Анализ административных документов показал, что количество исков, поданных на рабочих из числа индивидуальных застройщиков, в разы меньше, чем на растратчиков и обвиненных в хищениях начальников лесоучастков, завхозов, мастеров, кассиров, продавцов и других лиц, имевших доступ к материальным и денежным средствам.

Во второй половине 1930-х годов Асовский ЛПХ превратился в крупное лесозаготовительное предприятие. Богатая лесосырьевая база позволяла рассчитывать на дальнейшее расширение объемов производства, но процесс сдерживался общей для лесной промышленности бедой – арестами руководителей старшего и среднего звена. Только за 1937 год должности директора ЛПХ лишились Пуртов, Семеновых, Устинов, Семейных. Добрую память оставил после себя директор Галягин, много сделавший для развития инфраструктуры леспромхоза, развертывания перспективных лесоучастков,

строительства жилья для рабочих¹. Таким со временем стала Рассоха. Активное освоение юго-восточных и юго-западных лесных территорий Лысьвенского района побудило областное руководство пересмотреть административно-территориальное деление Кыновского, Березовского и Шамаринского районов. В январе 1932 года несколько сельсоветов этих районов отошли к Лысьвенскому горисполкому, а Кыновской район был ликвидирован и разделен на две части: одна отошла в Молотовскую (с 3 октября 1938 г. в Пермскую), другая – в Свердловскую область. Очередное районирование болезненно восприняли работники сельсоветов и учреждений, находящихся в их подчинении. Чиновники и хозяйственные руководители спешно покидали свои рабочие места, чем внесли хаос в управление территориями, разбазаривали и необоснованно списывали имущество, вплоть до того, что снимали телефоны, за бесценку продавали казенных лошадей, что немедленно сказалось на темпах вывозки древесины и заработках лесных рабочих.

В 1932 году в составе Чусовского леспромхоза треста «Чусовлесдревмет» (в документах встречается «Чусовлестяж», «Чусовлесдревпром» – Н.П.) появился Кыновской механизированный лесопункт (МЛП). База предприятия располагалась на железнодорожной станции Кын Западно-Уральской железной дороги. Производственные участки мехлеспункта Усть-Серебряный, Кирпичный (Кирпичная), Нижняя Ослянка, Кумыш раскинулись вдоль реки Чусовой и ее притоков. Органы НКВД разместили на активно осваиваемых лесных территориях спецпоселения Октябрьский, Вынырок, Мишариха и Рябиново.

По бухгалтерским отчетам 1937 года в Кыновском МЛП трудилось 537 рабочих, в том числе на постоянной основе – 486 человек и 54 служащих. В связи с постоянно увеличиваю-

¹ Павел Иванович Галягин работал директором Асовского ЛПХ с 1938 по 1941 гг. Без вести пропал на войне. Сначала в Рассохе, а после ее закрытия в Кормовище именем П. И. Галягина названы поселковые улицы.

щимися объемами лесозаготовок рабочих рук не хватало, поэтому до 50 и более процентов от всех занятых на лесозаготовках и сплавах составляли сезонные рабочие. Неизвестно, какую долю от числа работников составляли спецпоселенцы. Никаких цифр на это счет найти не удалось. Поименные списки жителей Вынырка, Мишарихи и Рябиново, работавших в многочисленных лесоучастках Кыновского МЛП в довоенный период и в годы войны, существуют, вероятно, только в архивах НКВД¹. По штатному расписанию леспромхозов все работники делилось на две категории: основных² и подсобных рабочих. К подсобным относились мобилизованные по договорам жители районов Молотовской (Пермской) и других областей. В калькуляции лесозаготовок фонд оплаты труда по «основным» и «подсобным» рабочим разносился по двум разным статьям.

Если учитывать, что в спецпоселках «кыновского куста» проживало до 500 человек, то получается, что спецпоселенцы

¹ В начале 2000-х годов с помощью воспоминаний детей спецпоселенцев удалось составить перечень фамилий жителей, работающих в Кыновском МЛП. Их сотни, но, понятно, списки далеко неполные. Эта информация не дает ответа на вопрос о количестве спецпоселенцев, занятых в лесопромышленном производстве Лысьвенского района и какую часть они составляли от общего числа работников лесозаготовительных организаций. Не прояснили ситуацию данные от запросов из Лысьвенского горисполкома во все сельсоветы района о проживании и «социальном происхождении», например, Брагина Николая Алексеевича, Соболева Павла Яковлевича, Фоминых Павла Георгиевича и других. С июля по декабрь 1947 года от председателей сельсоветов поступали извещения, что в Соинском, Бизевском, 1-м Ломовском, Кыновском, Залеснинском сельсоветах проживали 17 (?) «бывших кулаков-крестьян». Такие извещения с персонифицированными данными приходили в Лысьву на протяжении 1948-1949 годов. После выхода в свет Указа 1947 года о предоставлении спецпоселенцам некоторых свобод «бывшие кулаки» еще продолжительное время оставались под надзором властей.

² Основные рабочие значились в документах как «постоянный кадр».

составляли основную часть рабочих кадров мехлеспункта. Это умозаключение можно сделать на основании воспоминаний Р. А. Красовитовой, которая приводит список 67 мужчин жителей Вынырка, работавших в лесоучастке. К этому следует добавить их жен и детей, которые тоже трудились в лесу. По данным за 1942 год в Кыновском МЛП фактически работало 345 основных рабочих (по плану должно быть 400), в 1943 году – 269 человек.

Вербовка рабочих в районах области была мало результативной. Вскоре по приезду завербованные работники под разными предлогами стремились покинуть свою временную работу. По данным за 1944 год, не выдержав тяжелых условий труда, 97 сезонников совершили побеги, а 37 человек – прогулы. Таким образом, вся тяжесть по выполнению производственных заданий ложилась на плечи спецпоселенцев. По сравнению с вольными и наемными работниками начальство нередко ставило их в более невыгодные условия работы. Например, в Вынырке лесосеку отвели на горельнике, что заведомо делало невыполнимым план заготовок, который в итоге удалось выполнить всего на 50%. Подобные примеры имели место и в Лысьвенском ЛПХ, благо и здесь горельников имелось предостаточно.

В 1937 году Кыновской МЛП выделился в самостоятельное предприятие треста «Чусовлесдревмет» НК черной металлургии. Все шло к увеличению объемов лесозаготовок: уже в 1938 году удалось заготовить 73824,7 ф/м древесины, а в 1940 году – 86505 ф/м.

Кыновской лесопункт назывался «механизированным». Гараж предприятия располагал тремя тракторами марки «ЧТЗ», двумя – «СТЗ» и одним «фордзоном». По годовому плану они должны были совершать до 160 рейсов расстоянием 8,1 км от лесосек до нижних складов¹, но фактически в связи с поломками совершили только 56 рейсов. По причине ма-

¹ *Нижний склад – место обработки и подготовки древесины к отправке потребителю; верхний склад – место предварительной подвозки древесины перед доставкой на нижний склад.*

лой надежности при вывозке хлыстов трактора в основном использовали на трелевке. Большой объем работы по вывозке древесины ложился на гужевой транспорт. В довоенные годы обоз мехлеспункта состоял из 50–70 лошадей, на которых работали 122 коновозчика.

Лес пилили и разделявали двуручными поперечными и лучковыми пилами, причем двуручных пил было в два раза меньше. Поперечными пилами пользовались, когда в паре пильщиков были один взрослый рабочий и 14-15-летний мальчик или девочка. По воспоминаниям бывших спецпоселенцев, часто подросток не пилил, а просто болтался на другом конце пилы. Как при этом удавалось выполнять план, знал только взрослый напарник.

По воспоминаниям ветеранов кыновского ЛПХ, первая электропила «К-5» появилась в 1948 году. С ее помощью за неделю напилили 104 кубометра леса, а затем забросили из-за непомерно большого веса «около двух пудов». Вслед за первой в леспромхоз поступили еще две электропилы. По той же причине большого веса и частых поломок их отправили на склад.

Администрация, партийная и профсоюзная организации МЛП обязали мастеров лесоучастков Кирпичная, Вынырок, Осиновка, Северный Ус и Березовая заключить между собой договоры о социалистическом соревновании. В документах записали, что стороны обязуются выполнить план по заготовке древесины на 120%, а по вывозке – на 150%, не иметь случаев травматизма, беречь конское поголовье, соблюдать трудовую дисциплину. Из-за отсутствия соответствующих документов не удалось установить, как реализовалось это соглашение. Однако в приказе треста «Пермстройлес» отмечено, что программу 1939 года Кыновской МЛП выполнил досрочно и ему вручено переходящее Красное знамя. Этот факт отметил в своей брошюре журналист А. Кондаков: «Кыновской ЛПХ треста Пермстройлес» выполнил годовой план за 3 месяца»¹. Ускоренное увеличение объемов заготовки древесины

¹ Кондаков, А. *Промышленность и транспорт Пермской области. Пермь, 1939. С. 37.*

отодвинуло на второй план строительство жилья. Только незначительная часть кадровых рабочих МЛП и членов их семей проживала в благоустроенных личных и казенных квартирах. Площадь жилья, находящегося на балансе хозяйства, составляла 2869 кв. м. Более двух третей работников ютились в бараках. В совокупности с частным жильем общая жилплощадь составляла 4470 кв. метров. В 1937 году на весь лесопункт построили один барак на 60 человек. Жилище не имело межкомнатных перегородок, зато было уставлено двухэтажными деревянными топчанами, между которым ставились столы, а у стен – шкафы. Вся эту «мебель» – топчаны, столы, шкафы, скамейки – кыновляне мастерили своими руками. Опыт получил поддержку облисполкома. Пермское руководство поручило областному «Лесдревпромсоюзу» организовать на базе Кыновского МПЛ артель по производству столярно-мебельных изделий.

В производстве товаров широкого потребления не отставали от кыновлян и лысьвенские лесозаготовители. На базе пристанского лесоучастка они изготавливали не только оборудование для бараков, но и дуги, оглобли для телег и саней, черенки для лопат, метлы, рамы для лучковых пил, топорища и другие изделия. Среди спецпоселенцев были мастера на все руки.

На ст. Кын действовал один детский сад с наполняемостью 50 детей. Ежемесячная и средняя годовая посещаемость учреждения составляла всего 41 ребенок. Воспитанники часто болели. Для детей постоянных рабочих, показывающих высокие трудовые результаты, были установлены льготы в виде пониженной родительской платы. Всем остальным плата за содержание ребенка была настолько высокой, что родители отказывались устраивать детей в детский сад и предпочитали содержать их дома. Спустя 10 лет наполняемость кыновского детсада увеличили до 75 детей, но посещаемость продолжала оставаться низкой. Еще одно дошкольное учреждение на 25 мест имелось в Серебрянке (Калино). Нет никакой официальной информации о детских садах в других поселках спецпоселенцев. На то, что дошкольные учреждения в них были, ука-

зывают в воспоминаниях бывшие жители Вынырка, Мишарихи и Рябиново. Детское население в этих поселках было очень многочисленным. Например, у жительницы Вынырка Марии Галлактионовны Шерстобитовой было 9 детей. После войны она была награждена орденом Материнской Славы 2-й степени.

Режим строгой изоляции спецпоселков в 1937-1938 годах стал нарушаться, несмотря на катившуюся по стране вторую волну Большого террора. Все чаще спецпоселенцев откомандировывали на работу в дальние лесоучастки, где трудились вольнонаемные и сезонные рабочие. Пользуясь относительной свободой, некоторые из спецпоселенцев совершали побеги. На их место в 1937-1938 годах в лесные поселки поступало пополнение за счет «кулаков», прибывавших с завершившихсястроек, таких, например, как Краснокамский бумкомбинат.

В 1938 году из огромной Свердловской области выделилась Молотовская область с центром в городе Молотове¹. Лысьвенский район вошел в состав Молотовской области. Создание нового административно-территориального образования сопровождалось оценкой ее социально-экономического потенциала и природных ресурсов. Председатель Молотовского облплана В. Тиунов в докладе «О перспективах развития промышленности Молотовской области» указывал, что в 1940 году лесозаготовительные предприятия должны дать 25 миллионов ф/м² древесины и увеличить лесопиление и деревообработку в ближайшие годы в 2-3 раза. Область, таким образом, должна была стать одним из основных поставщиков деловой и топливной древесины в стране. Значительное место в реализации этих планов отводилось Лысьвенскому району.

В 1939 году Лысьвенский металлургический завод освободился от обузы в виде лесного отдела, который реорганизовали в Лысьвенский леспромхоз с подчинением тресту «Чусовлесдровпром» («Чусовлесдревмет», «Чусовлестяж», «Чу-

¹ С 03.10.1938 г. Пермская область, с 08.03.1940 г. Молотовская область (город Молотов).

² Фактически в 1940 г. удалось вывезти 11 млн 426 куб.м, в т.ч. 5 млн 305 тыс. куб. м деловой древесины.

совлес»)¹. Ставка делалась на то, что финансовые и материальные ресурсы завода сосредотачивались на разработке и добыче каменного угля в Обманковском месторождении и последующем переходе на использование твердого топлива и мазута. Что касалось снабжения завода дровами и деловой древесиной, то помимо Лысьвенского ЛПХ к поставкам подключились и другие лесозаготовительные организации. О темпах и результатах работы леспромхоза можно судить по данным за 1937–1946 годы:

Годы	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Дрова в ф/м.	160 тыс.	Нет данных	176 тыс.	150 тыс.	136 тыс.	107 тыс.	95 тыс.	106,4 тыс.	69,3 тыс.	62 тыс.
Деловая в ф/м	65 тыс.	Нет данных	52 тыс.	60 тыс.	52 тыс.	50 тыс.	45 тыс.	43,6 тыс.	17 тыс.	18 тыс.
Всего в ф/мет.	225 тыс.	Нет данных	228 тыс.	210 тыс.	188 тыс.	157 тыс.	140 тыс.	150 тыс.	86,3 тыс.	80 тыс.

По мере увеличения или сокращения объемов заготавливаемой древесины увеличивалось или сокращалось количество постоянных рабочих:

Годы	1942	1943	1944	1945	1946
Кол-во рабочих	333	506	Нет данных	414	325

Лысьвенский леспромхоз являлся своеобразной калькой с лесного отдела завода. Контора ЛПХ располагалась в городе сначала на железнодорожной станции «Лысьва», позднее на улице 10-летия Октября/Сталина. Структурное построение хозяйства оставалось таким же, каким было в лесном отделе завода. Основными лесоучастками остались Серебряный площадью 165 га, Любимовский (178 га) и Верх-Лысьвенский (216,43 га).

¹ Одновременно с лысьвенским прекратил существование лесной отдел Чусовского металлургического завода, просуществовавший всего два года.

Сплавная пристань на Лысьвенском пруду

Заготовка древесины велась на 8 делянках. На основании правительственного распоряжения они в первую очередь обеспечивались достаточным лесосечным фондом, будучи наиболее механизированными и приближенными к железной дороге. Из Калино лес доставляли в Лысьву по железной дороге, из Любимовского и Верх-Запорненского кордона (Карповка) – зимой лес таскали по «ледянке» на тракторах, вывозили на автомашинах и лошадях. Верх-Лысьвенский участок рассматривался как один из самых перспективных в силу находившихся рядом железной дороги и реки Лысьвы. В 1936 году в 94 и 159 кварталах построили 6 жилых домов, столовую, столярную мастерскую, но все постройки сгорели 8 августа во время сильнейшего лесного пожара. Из Кормовища и Верх-Лысьвы – лес сплавливали по реке Лысьве в заводской пруд. В городе работала сплавная пристань, раскинувшаяся по правому берегу заводского пруда от дворца культуры до Соснового болота.

В период расширения лесопромышленного комплекса Лысьвенского района в 1938 году на отдаленной железнодорожной станции Кумыш, где раньше стояло всего два дома, в течение нескольких месяцев появился большой лесной поселок с жилыми домами, общежитиями, гаражами, конным двором, железнодорожным тупиком на 20 вагонов. Новая лесозаготовительная контора «Армянснаб» приступила к заготовке и отгрузке древесины. В течение 1939 года два лесоучастка конторы заготовили более 22 тыс. ф/м древесины, а за первое полугодие 1940-го года более 18 тыс. ф/м., из которых 8605 ф/м отправили в Армению, а остальное в города и районы Молотовской области.

Таким образом, в ходе государственной кампании за увеличение производства древесины в Лысьвенском районе действовали 7 заготовительных организаций: Лысьвенский ЛПХ, Кыновской ЛПХ, Асовский ЛПХ, «Армянснаб», городская лесозаготовительная контора, мехлеспромхоз, гортоп.

Работать по методу товарища Гузиенко!

Появление новых лесозаготовительных хозяйств сопровождалось увеличением валового производства древесины. Не всегда и не всем удавалось выполнять крайне напряженные государственные планы. Одной из причин невыполнения программы 1939-1940 года являлась необычно суровая зима. Механизаторы не могли заводить промерзшие за ночь двигатели тракторов и автомашин. Трактористы повсеместно пережигали бензин, который выдавали вместо лигроина. Бензина не хватало. На одну заправку тракторов Лысьвенского ЛПХ на сутки требовалось 1,8 т бензина, а выдавалась 1 т.

Много проблем создавала низкая трудовая дисциплина. В массовом порядке совершали прогулы колхозники. Например, за 4-й квартал колхозники артели им. Ворошилова, занимавшиеся подвозом древесины на 103-й км, совершили 68 прогулов. Ссылаясь на холодную погоду, в Серебрянском лесопункте колхозники затянули прорубку усов к ледовой дороге и не проложили матки. Директор Асовского ЛПХ Ф. Г. Семейных вынужден был издать приказ, в котором говорилось: *«В отношении лиц, допускающих систематическое и злостное лесонарушение, не ограничиваться штрафами, возбуждать немедленно уголовное преследование, направлять соответствующие материалы прокурору».*

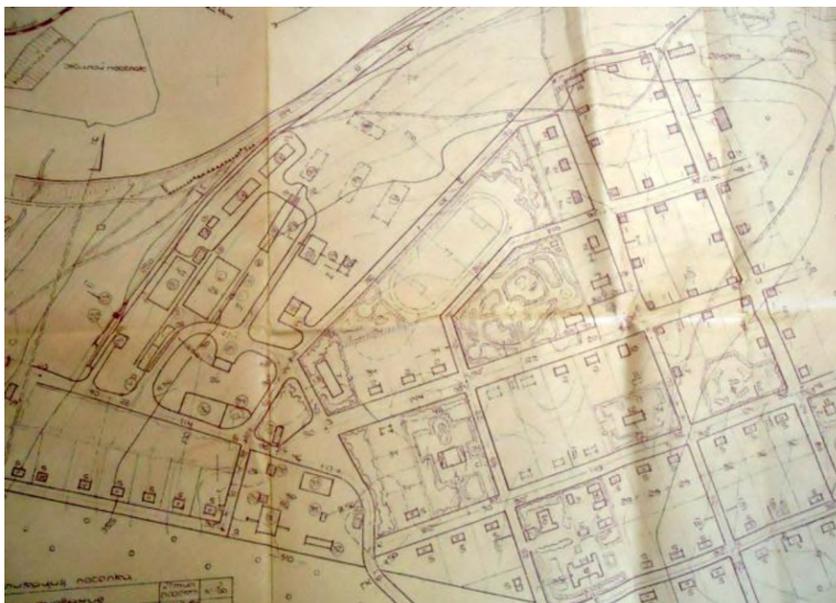
Реальные результаты работы оказались удручающими. По итогам 1939 года выполнение плана выглядело следующим образом:

Лесозаготовительное предприятие	Выполнение плана по заготовке	Выполнение плана по вывозке	Наличие тракторов или автомашин
Лысьвенский ЛПХ	74,55 %	73,1%	4 трактора
Кыновской МЛП	109,5%	91%	4 трактора
Лесозаг	12,15%	47,5%	5 автомашин
Армянснаб	94%	62,3%	3 трактора + 2 автомашины
Мехлеспромхоз	32,7%	29%	5 автомашин

Прогулы и неявка крестьян в леспромхозы носили настолько массовый характер, что в феврале месяце Пермский облисполком, а вслед за ним и Лысьвенский райисполком вынуждены были объявить о дополнительном наборе колхозников на лесозаготовки. Однако существенных изменений в работе лесозаготовительных предприятий не произошло. Так, Кыновской МЛП за 1-й квартал 1940 года план по вырубке выполнил на 50%, а по вывозке – на 25%.

Требовалось принимать срочные меры для безусловного выполнения государственных планов. С целью усиления партийного руководства в административные штаты леспромхозов включили должности парторгов ЦК ВКП(б). С 1 января 1939 года для всех рабочих и служащих леспромхозов вводились трудовые книжки, а с 1 февраля организован табельный учет. Местные партийные и хозяйственные руководители решили положить в основу организационно-массовой работы с лесозаготовителями Указ ВС СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и запрещение самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Содержание Указа обсуждалось во всех трудовых коллективах. 13 ноября в лысьвенском Доме политпросвещения состоялось совещание руководителей лесозаготовительных организаций района.

О том, насколько важным являлось это мероприятие, свидетельствует то, что его проводил секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Русанов в присутствии секретаря Лысьвенского ГК ВКП(б) Чернышова. Комментируя Указ Верховного Совета,

Фрагмент экспликации застройки поселка Кумыш

секретарь обкома особо подчеркнул, что ситуацию с невыполнением плана можно переломить только при условии внедрения бригадных методов труда в лесосеках и устранения обезличивания заработной платы работников.

Дела с заготовкой и вывозкой древесины складывались крайне плохо. Ко дню проведения совещания партийных и хозяйственных руководителей, т.е. к 13 ноября, Лысьвенский ЛПХ выполнил годовой план всего на четверть. Никакого влияния на ускорение темпов работы не оказало то, что Лысьвенский ЛПХ вызвал на социалистическое соревнование работников Теплогорского ЛПХ. В договоре было записано, что план 4-го квартала будет выполнен к 20 декабря 1940 года, а план 1-го квартала 1941 года – к 20 марта. За сезон 1940-1941 года леспромхоз должен заготовить 170 тыс. ф/м и столько же вывезти. По плану горисполкома в леспромхозе должно работать 950 рабочих (из числа завербованных 408 пеших и 287 конных), но к началу декабря в штатном расписании леспром-

хоза насчитывалось 832 человека, из которых 59 человек считались стахановцами и 125 ударниками.

Председатели колхозов «Ударник» – С. Чудинов и им. Сталина (Кын) – А. Нечаев, не согласные с размерами оплаты труда колхозников, отказались подписывать с Кыновским леспрохозом договоры и, соответственно, посылать членов артелей в лес. Чтобы не отрывать квалифицированных лесорубов от основной работы, в лесосеки на подбор и сжигание порубочных остатков вышли женщины-домохозяйки.

Сократились леспрохозовские поставки дровяного топлива в город. В трудном положении оказался гортоп. Для нужд городских организаций гортоп обязался вывезти к 1 января 1941 года 24814 куб/м дров, а вывез 5296 куб/м. Руководство предприятия объясняло причины невыполнения плана занятостью рабочих на строительстве теплого гаража для автотранспорта на ул. Смышляева¹. На вывозке дров в город хорошо поработали жители Оленей и Куропашки, заключившие с гортопом подрядные договоры.

После выделения Молотовской области из состава Свердловской области произошел раздел Лысьвенского горкома ВКП(б) на городскую и районный комитеты партии. 25 января 1941 года состоялось собрание сельского партийного актива, который избрал районный комитет ВКП(б). На городскую и сельскую разделились исполнительная власть и комсомольская организация. К территории сельского Совета отошли 15 сельских Советов, 34 колхоза, 2 совхоза, 1 МТС и 7 лесозаготовительных организаций.

Деление района на две зоны – городскую и сельскую – рисовало в умах руководящих работников головокругительные перспективы, как то: строительство Понышской ГЭС на реке Чусовой, добычу каменного угля в районе Кына, кратное увеличение лесозаготовок, резкий подъем сельскохозяйственного производства и т.д.

¹ Гараж находился рядом с современным пляжем на берегу городского пруда.

Аппарат вновь созданного райкома партии горячо взялся за исправление недоработок в лесопромышленном производстве. Активно к работе подключился Лысьвенский лесхоз, созданный в августе 1940 года. Еще 2 июля 1936 года ЦИК и СНК СССР постановили образовать главное управление лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР. На основании этого постановления все территории Лысьвенской дачи, ранее находящиеся в ведении лесного отдела ЛМЗ, передали Лысьвенскому лесничеству. О его создании и истории рассказывала главный лесничий лесхоза Н. Л. Волкова: *«В соответствии с приказом Главлесоохраны от 12 августа 1940 года, Пермскому управлению лесоохраны были переданы леса Чусовского леспромхоза, а также леса местного значения, находящиеся на территории Лысьвенского и Чусовского районов. На базе этих лесов был организован Лысьвенский лесхоз в составе Лысьвенского, Соинского, Кумышанского, Матвеевского лесничеств. В таком состоянии лесхоз сохранялся до 1959 года, когда на основании Постановления Совета Министров РСФСР от 14 ноября 1959 года № 1840 на территории лесхоза было организовано три леспромхоза: Лысьвенский, Кыновской, Асовский¹. В 1965 году после Указа президиума Верховного Совета РСФСР от 15 октября 1965 года на базе этих трех леспромхозов вновь организовался Лысьвенский лесхоз Пермского управления лесного хозяйства в составе Лысьвенского, Соинского, Кумышанского, Матвеевского лесничеств. К ним добавились Кормовищенское и Шаквинское. На севере Лысьвенский лесхоз граничил с Чусовским, на западе – с Комарихинским, на юге – с Кишертским лесхозами. Восточная и юго-восточная граница лесхоза проходила по смежеству со Свердловской областью. Первые лесоустроительные работы лесов Гослесфонда прошли в 1927-1928 гг. по 3 разряду, а устройство лесов местного*

¹ Причина закрытия лесхоза заключалась в слабой материально-технической базе, которая не могла обеспечить облеснение вырубленных площадей и проводить необходимые лесовосстановительные работы.

значения в 1929–1933 гг. Лесоустройство в 1954–1955 гг. было проведено также по 3 разряду и с применением аэрофотосъемки. Общая площадь лесов Лысьвенского лесхоза по материалам лесоустройства 1954–1955 гг. составила 318 494 га. А площадь Лысьвенского лесхоза по материалам лесоустройства 1965 г. составила 332191 га и увеличилась за счет присоединения в 1965 году к Шаквинскому лесничеству кварталов Пермь-Серьгинского лесничества. Лесоустройство 1965 года было проведено по 1 разряду на площади 24 тыс. га в зеленой зоне и по 3 разряду на всей остальной площади. На основании приказа Пермского управления лесного хозяйства № 51 от 13 января 1972 года был организован Лысьвенский механизированный лесхоз. В ноябре 1993 года он был переименован в Лысьвенский государственный лесхоз Пермского управления лесами, а с 3 августа 2000 года стал Лысьвенским государственным лесхозом Комитета природных ресурсов по Пермской области и Коми-Пермяцкому автономному округу».

Организация лесхоза внесла существенное упорядочение дел в лесном хозяйстве района и прилегающих территорий. Однако структурные и организационные мероприятия, состоявшиеся на областном и районном уровне, не привели к значительным изменениям и перестановкам управленческих кадров на местах, хотя потребность в этом была немалая. Необходимость в замене некоторых управленцев имелась, но дипломированных специалистов и подготовленных руководителей всех уровней попросту негде было взять. Анализ работы руководителей низшего и среднего звена показал значительные упущения в борьбе за качество и себестоимость продукции. Выходы представителей районного руководства и специалистов лесхоза в лесосеки показали, что технические приемщики леса подстраховывали себя, занижая сортность древесины. Сплошь и рядом строевой и пиловочный лес оценивался вторым сортом, что, в конечном счете, приводило к значительным убыткам леспромхозов. Попутно проводился контроль за работой раскряжевщиков. Проверяющие выясняли, насколько строевой и пиловочный лес соответствует за-

данным параметрам, как пилится тарный и березовый фанерный кряж и т.д. Все указывало на то, что качество выпускаемой продукции должно быть выше, а значит, выше должны стать заработки рабочих. Эту мысль неоднократно повторял в своем докладе секретарь обкома партии Русанов на ноябрьском совещании лесозаготовителей в Лысьве.

Наконец пришла очередь заниматься вопросами организации бригад, о которых много говорили, но мало что делали. Попытки бригадной организации труда предпринимались в Любимовском, Кирпичном, Вынырковском, Осиновском лесопунктах, но, как правило, они заканчивались ничем. К январю 1941 года только в Верх-Лысьвенском участке работали две бригады, которыми руководили Беляев, его бригада состояла из 4-х человек, и Волков, под его началом трудилось 5 человек. В обеих бригадах велась ленточная валка деревьев, имелись по одному раскряжевщику и по два сучкоруба. У Волкова одна женщина занималась подборкой и сжиганием сучьев.

В первых числах января 1941 года на базе Верх-Лысьвенского участка состоялось совещание-семинар с потенциальными руководителями бригад Лысьвенского ЛПХ по теме: «Изучение передового опыта вишерского вальщика тов. Гузиенко».

Работа передовой бригады В. Гузиенко заключалась в продуманной до мелочей организации трудового процесса. Накануне очередного рабочего дня вечером бригадный пилоправ приводил в порядок лучковые пилы, имевшие фигурный зуб в режущей части. Заточка и разводка пил ориентировалась отдельно на сухостойный и сырой лес. Точились топоры с длинными ручками. В делянку, разделенную на несколько полос в виде квадратов 20 м x 30 м, бригада выходила затемно в 5-6 часов утра и приступала к раскряжевке¹ 15–20 деревьев, сваленных накануне. С рассветом вальщик Гузиенко последовательно валил лес, переходя с одной полосы на другую. Работа продолжалась до тех пор, пока по его прикидкам

¹ *Раскряжевка – поперечное деление хлыстов, на долготье, сортаменты, бревна.*

не было свалено 200–250 кубометров древесины. Перед началом спиливания дерева Гузиенко тщательно готовил место: отаптывал снег, обрубал кусты и кору с тем, чтобы не заедало пилу во время работы, а в коре не оказалось грязи и песка. Так он сохранял рабочее состояние пилы, которую во время спиливания твердо держал обеими руками за стрелы лучка. На безопасном расстоянии от вальщика два подручных рабочих обрубали сучья и раскряжевывали хлысты, а один собирал и сжигал сучья. Когда нужное количество деревьев было спилено, вальщик присоединялся к раскряжевщику. Особое внимание обращалось на одежду вальщика – она должна быть легкой, не сковывающей движения. Раскряжеванный лес складывали по 2,3–3 ф/м в два так называемых «окучника» таким образом, чтобы коновозчикам было удобно грузить и вывозить заготовленную древесину. Перекуры были сведены до минимума¹.

По опыту работы В. Гузиенко организовывались бригады в лесопунктах Северный Ус, Черный Ус, Ольховка Кыновского МЛП и лесопунктах Старое Кормовище, Нижний Бурсык, Серебрянский Лысьвенского ЛПХ. Поскольку сортимент лысьвенского леса был выше вишерского, за смену вальщик должен был спилить не менее 40 деревьев. Выходя в делянку, он имел в правой руке лучок, топор за поясом и мерку в левой руке. Возчики должны были вывозить по 4-5 ф/м раскряжеванного леса.

Неизвестно, насколько полно инициатива В. Гузиенко находила применение в лысьвенских лесосеках, но руководство леспромхозов активно стремилось переформатировать работу своих бригад по методу вишерского лесоруба. Краевед Л. Старкова нашла в документах треста «Уралзападлес» при-

¹ *Красная Вишера : орган парткома, фабкомов бумажников и деревообделочников, линейного комитета речников, месткома пожаротников и управления Вишбумкомбината : понедельник, 30 января 1939 года : № 12 (816) / отв. ред. : А. Ф. Южанинов. Красновишерск, 1939. 2 с. URL: <https://e.qorkilib.ru/node/109831> (дата обращения 04.03.2021). Текст: электронный.*

каз, в котором говорилось: *«В предприятиях Асовского ЛПХ ...не позднее 15.11.с.г. организовать кустовые постоянно действующие стахановские школы по изучению непосредственно на производстве стахановских методов работы т.т. Гузиенко, Наговицина и др.»*

Нет информации о том, как асовчане обставляли подготовку к практическому внедрению опыта В. Гузиенко, но первые лесорубы, подхватившие инициативу вишерского лесозаготовителя, показали выдающиеся результаты. Вальщик Н. А. Макаренко в октябре месяце ежедневно выполнял от 4 до 6 норм и за месяц заработал 1947 руб., Н. С. Поварнюк заработал 1248 руб., Н. И. Солодников – 1600 руб. Успехи Асовского ЛПХ, руководимого П. И. Галягиным, широко тиражировались в областной прессе. В 1939 году леспромхоз признали лучшим в тресте «Уралзападлес».

Вероятно, не без воздействия «метода Гузиенко» производительность труда в бригадах всех леспромхозов увеличилась, и положение с выполнением плана в 1-м квартале 1941 года стало несколько выправляться.

Наладив бригадную форму работы, руководство лесозаготовительных организаций приступило к подготовке весеннего сплава, тем более что объемы сплавных работ предстояли немалые. Лысьвенский ЛПХ готовился сплавить 90 тыс. ф/м древесины, в том числе 22 тыс. ф/м деловой, Кыновской МЛП – 80 тыс. ф/м, Кыновской стройлесопункт – 24 тыс. ф/м. Кроме того, кыновляне должны были принять и пропустить через свою зону ответственности на реке Чусовой от соседних леспромхозов около 300 тыс. ф/м древесины.

В марте 1941 года начались работы по ремонту водосборных плотин на реках Лысьва, Бурсяк, Татарка, очищались от кустов берега рек Долгая, Кулебяка (Кулебаш?), Зенковка, Березовая. На реке Лысьве ниже Каменного Лога устанавливались 500 м отбойников, тщательно ремонтировались запаны на заводском пруду. На реке Чусовой строилась Елунинская гавань, готовились 2300 бонов.

Весной 1941 года Лысьвенский ЛПХ провел на редкость организованный молевой сплав в бассейне реки Лысьвы. Ак-

тивно использовались маловодные притоки. Кормовищенский лесоучасток за 9 дней вместо 19 по плану последовательно сплавил сначала деловую и строевую древесину, а затем дрова. Выгрузка древесины в воду осуществлялась вручную.

Притоки р. Лысьвы	Протяж. сплав. участка в км.	Объем сплав. леса в ф/м
Большая Запорная	16,5	13 000
Зенковка (пр.Б.Запорн.)	2	
Кулебяка	2	
Потоскуй	9	
Бурсяк	15	7 000
Березовая	7	4 000
Кривая	3	
Рыбная	2	
Долгая	3	5 000
Средняя	3	5 000
Большая Грязнуха	3	1 000
Лысьва	42	60 000

Всего за навигацию 1941 года в заводской пруд удалось сплавить 95 тыс. ф/м древесины. Помимо сплава 10 тыс. ф/м древесины доставили в город тракторами, 6 тыс. ф/м – автомашинами и 20 тыс. ф/м – собственным обозом.

Впервые в итоговых сводках работы среди лесорубных и сплавных бригад появились женские фамилии. Около 16 тыс. ф/м древесины сплывили 15–20 девушек и женщин из колхоза «Красный Октябрь». Все работы ударницы закончили к 23 мая 1941 года. Особенно отличились сестры Синцевы, Е. Злобина и Е. Сунцева.

Никто не мог предположить, что с этого момента на лесозаготовках, вывозке и сплавах старики, женщины и подростки станут основной рабочей силой.

Древесина для победы

Деловой ритм лесных поселений нарушило известие о начале Великой Отечественной войны. К напряженным планам по заготовке древесины для промышленных предприятий добавились фронтовые заказы. Резко изменился ассортимент выпускаемой продукции. Для нужд армии и оборонных предприятий требовались узко и ширококолейные шпалы, спецсырье для газогенераторных двигателей автомобилей, спецдревесина для прикладов, ствольных накладок и авиационной фанеры, армейские сани, лыжи, артиллерийские банники, живица, древесный уголь. Приоритетное выполнение военных заказов сказалось на постоянном отставании в выполнении мирных заказов, хотя и они требовали увеличенных поставок шахтной стойки, деловой древесины, дров.

Городские предприятия, имевшие до войны опосредованное отношение к лесной промышленности, заключали прямые договоры с леспромхозами на поставку сырья все с той же целью выполнения новых и дополнительных военных заказов. Лес рубили подневольно-выборочным методом, что позволило, например, деревообделочному цеху горпромкомбината освоить производство лыж, а в Рябиново, Поныше, Шакве заготавливать березовую болванку для автоматных прикладов. Заготовки представляли собой двухметровые кряжи из витой березы. После раскряжевки хлыстов подростки собирали в заснеженной лесосеке тяжелые, промерзшие кряжи и грузили на конные сани, чтобы отвезти на нижний склад. В Валюшино несколько семей подрядились изготавливать приклады и ложки для автоматов и винтовок. Их так и называли «ложетёсы». Клепочный завод в Кыну успешно выполнял заказы армии и за первый год войны дал более 200 тыс. руб. прибыли.

К выполнению государственных планов по заготовке и вывозке древесины активно подключились жители лесных поселков и работники городских организаций. 17 июля большой субботник состоялся в Серебрянском лесопункте по заготовке дров и сена. Десять домохозяек решил освоить профессии

лесорубов и заключили с администрацией Кыновского МПЛ договоры о постоянной работе.

В первые месяцы войны произошел серьезный сбой в привлечении колхозников к работе в лесу. Председатели колхозов «Новина», им. «17-го партсъезда», ряда Березовских колхозов объясняли отсутствие колхозников в лесосеках мобилизацией большого количества мужчин в армию.

Учитель А. И. Окунев записал воспоминания У. Г. Окуневой: *«Мне 17 лет было, как война началась. Раз молоденькая и детей нет, то одна дорога – на лесозаготовки. Пять зим в лесу работала, два сезона на лесосплаве... Все местные реки от вершин до устья прошла. Первый сезон по р. Лысьве, а потом по Култыму и Шакве до Кунгура. В ледяной воде работали в лаптях, о сапогах и думать не приходилось. Особенно неприятная работа была «лапушку» косить. Зарастают реки на мелководье водорослями, вот и скашивали их стоя в воде. Это, чтобы лес при сплаве не задерживался. Правда, за этот труд давали знаменитую «пятисотку» – хлеба по 500 граммов в сутки».*

Заполнить дефицит рабочей силы в Лысьвенском ЛПХ вызвались 68 женщин – домохозяйек и служащих. В результате их самоотверженной работы леспромхоз выполнил план января 1942 года на 104%, февраля – на 113%.

Активизировались сами лесозаготовители. В феврале 1942 года в Серебрянском лесопункте появились первые фронтовые бригады под руководством Кузнецова и Волкова. Месячные планы бригады выполняли от 130 до 150%. Кыновской МПЛ добился выполнения плана по рубке свыше 120% и по вывозке более 100% ежемесячно.

За счет сверхурочного труда и субботников в Кыновском МПЛ значительно сократились сроки погрузки продукции в вагоны МПС. Если перед войной из 650–700 вагонов за месяц удавалось погрузить 43%, то в июле – августе 1941 года невыполнение плановых работ зависело только от недопоставки вагонов руководством МПС.

Напряжение первых месяцев войны по выполнению прямых обязанностей по заготовке и вывозке древесины усу-

гублялось наложением на леспромхозы непрофильных функций. Уже в первую военную осень лесозаготовителей обязали заниматься земледелием: возделывать поля, выращивать зерновые культуры и овощи для самообеспечения продовольствием. Для создания собственной продовольственной базы леспромхозам пришлось срочно искать и разрабатывать посевные площади, обеспечивать себя семенами и сельхозинвентарем.

Накануне весенней кампании директора леспромхозов издавали приказы, в которых прописывали размеры подлежащих обработке площадей и валового сбора сельхозкультур по итогам сезона. Например, в Шакве предписывалось обрабатывать 13 га, в Матвеево – 23 га, в Тулумбасах – 17,3 га, в хозчасти Асовского ЛПХ – 7 га. В соответствии с приказом валовый сбор овса должен составить не менее 12 ц с 1 га, гороха – 10 ц, картофеля – 100 ц, капусты – 150 ц, лука – 60 ц, корнеплодов – 160 ц. На сельхозработы хозяйства выделяли по 100–120 человек и по 20–25 лошадей.

Как правило, сроки сельхозработ срывались из-за болезни лошадей, отсутствия инвентаря, отвлечения людей в разгар посевной и уборочной на оказание помощи колхозам. Навероятно высоко ценились лошади. В одном из леспромхозовских приказов говорилось: *«Сохранение коня, сохранение его работоспособности есть одна из политических ответственных задач»*. Много сил и времени отнимала заготовка сена для собственных обозов. Для лошадей собственного обоза леспромхозам выделялось до 1 тыс. и более гектаров сенокосных угодий.

По требованию райкома партии леспромхозы авансировали колхозы «Красный ударник», «4-я большевистская весна», «Уралец» в счет будущего использования колхозных лошадей на вывозке леса¹. Авансы в виде финансов и тягловой силы брали и сторонние организации: лысьвенское отделение «Заготзерно», «Заготскот» и другие. В 1941 году только у од-

¹ Первые два колхоза находились за пределами Лысьвенского района.

ного Кыновского МЛП сумма авансов сторонним организациям составила 109477 руб. 95 коп.

Мобилизация кадровых резервов для армии прокатилась по поселкам лесозаготовителей. На фронт отправляли всех работоспособных мужчин, в том числе из спецпоселков. Одним из парадоксов в нелегкой судьбе спецпоселенцев являлся тот факт, что молодых мужчин, которые выросли с клеймом «сын кулака», призывали в армию на общих основаниях. Многие из них сложили головы в боях с фашистами или были ранены.

Мобилизация проводилась так поспешно, что без механизаторов оставалась техника, некому было править пилы и топоры. Вновь назначенные женщины-пилоправы справлялись со своей работой плохо.

Взамен мобилизованных в армию рабочих в лес направлялись колхозники, в основном женщины и подростки. В суматошные дни первого года войны в Асовский ЛПХ прибыли 100 учащихся школы ФЗО. Из них 62 человека стали лесорубами, 36 – возчиками, 42 – грузчиками. По мобилизационным разнарядкам в лес отправлялись подростки 1927-1928 годов рождения. Оторванные от дома, не имевшие трудовых навыков для работы в лесу, подростки не выполняли нормы выработки, голодали, массово разбегались по домам. Ссылаясь на Указ ВС СССР от 26 июня 1940 года о запрете покидать рабочие места без уважительных причин, директора леспромхозов издавали приказы о передаче дел на «беглецов» в народный суд¹. Голодные, плохо одетые, часто полубольные колхозницы проводили на лесозаготовках по три-четыре месяца без выходных и отпусков. Больных было так много, что их не успевали отвозить в больницы. В Кордоне-Терси и в других лесопунктах и мастерских участках срочно открывались медпункты.

¹ Приказы директоров леспромхозов военных лет переполнены перечнем фамилий беглецов, чьи дела передавались на рассмотрение суда. Например, в приказах директора Асовского ЛПХ только за 1, 10, 13 апреля 1944 года речь идет о 17 сбежавших работников. Судьба этих людей неизвестна.

Отсутствие трудовых навыков, не проведенные инструктажи по технике безопасности среди поспешно набранных работников часто приводили к производственным травмам. Десятники и мастера игнорировали проведение инструктажей на рабочем месте, при рубке не соблюдались 50-метровые разрывы между вальщиками и другими лесорубами, оставлялись подпиленные деревья, не готовились лесосеки к разработке, людей перевозили с места на место на лесовозах, погрузочные работы проводились в ночное время без освещения.

Работница муниципального музея Т. Н. Колодкина вспоминала, что на ее сорокадвухлетнюю бабушку Ф. Трапезникову упало дерево. На следующий день женщина не смогла выйти на работу, за что получила наказание в виде 6 месяцев принудительных работ.

1 ноября 1941 года в леспромхозах ввели карточную систему на получение хлеба, сахара и кондитерских изделий¹. Продуктовые карточки ценились на вес золота. Наряду с кадровыми работниками их получали сезонные и мобилизованные рабочие. Карточки выдавались также бывшим кадровым рабочим, прибывшим после ранения и продолжительного лечения в госпиталях на место жительства для окончательного выздоровления. После восстановления сил они возвращались в РККА.

В одном из директорских приказов было отмечено, что колхозница Т. В. Власова, получив хлебную карточку, проработала в лесу всего один день, после чего сбежала домой. Женщину привлекли к уголовной ответственности. Таких колхозниц, как Власова, проработавших 3–4 дня, получивших хлебные карточки и сбежавших домой к детям, было много. В колхозах продуктовые карточки не выдавались.

Работа оставшихся мужчин и членов их семей в годы войны лучше всего просматривается на примере Кыновского

¹ В годы войны по специальным талонам выдавались промтовары, но их получали исключительно стахановцы и передовики производства, систематически перевыполнявшие нормы выработки.

МЛП. В мехлесопункте катастрофически не хватало рабочих. Если в 1942 году по плану должны были работать 400 постоянных рабочих, то работало 345 человек, в 1943 году в списках «постоянного кадра» значились 269 человек, в 1944 году – 243 человека. Вербовки подсобных рабочих в Лысьвенском, Б.-Усинском, Кишертском, Нытвенском, Кушвинском районах были дорогостоящими и мало результативными мероприятиями.

Снова на передний план по выполнению государственных заказов вышли жители спецпоселений. В масштабах всего мехлесопункта лесоучасток Рябиново стал основным поставщиком спецсырья и спецсортимента. Вынырок, в годы войны превратившийся в один из основных лесоучастков, демонстрировал чудеса изобретательности в части доставки заготовленной древесины к реке Кумыш. Рабочие проложили полуторакилометровую круглолежневую дорогу – «декавильку», по которой в вагонетках на древесных катках спускали под гору древесину¹. Обратные вагонетки поднимали на конной тяге. В конце войны деревянные катки заменили чугунными. По такому же принципу вывозили лес в Кирпичной. Зимой устраивали дороги – «ледянки». По ним с помощью тракторов на самодельных тракторных санях конструкции советского инженера Гинзбурга вывозили по 12–14 кубометров древесины за один раз. Во многих местах района на склонах гор следы от «ледянок» сохранились до сих пор.

Для поднятия трудового энтузиазма лесозаготовителей администрация и партийный комитет Кыновского МЛП разработали систему поощрений. Рабочим, добившимся особо высоких трудовых показателей, присваивали звания «Отличный лесоруб», «Отличный коновозчик», «Отличный рабочий лесоучастка». Победителям вручали денежные премии по 250 рублей. Среди награжденных были спецпоселенцы. Лучшими лесорубами признаны Ф. И. Колпина, З. М. Воядырь, Ф. М.

¹ *Ветераны лесной отрасли оспаривают факт использования деревянных катков, однако в документах сказано именно так – деревянные катки.*

Рябчинская, выполнявшие норму на 140%, грузчик К. М. Гроза и другие. В конце войны индивидуальные почетные звания заменили званиями «Лучшая бригада лесорубов», «Лучшая бригада коновозчиков» и т.п.

Готовую древесину мехлеспункт сплавлял по реке или отправлял по железной дороге через посредство так называемой лесной биржи. С началом войны увеличился спрос на крепежный лес. Работникам биржи приходилось грузить по 15–20 вагонов готовой продукции в течение суток. До войны плановой отгрузке леса мешали частые перебои с поставкой вагонов МПС. В военные годы недопоставки вагонов стали нормой. Чтобы минимизировать простои и ускорить время погрузки лесоматериалов, на работы выходили конторские служащие и домохозяйки. С июня по сентябрь 1942 года они работали на субботниках более 350 человекоднев.

Далеко не всегда удавалось выполнить план по заготовке и отгрузке продукции. Например, государственное задание на 1944 год по некоторым сортаментам Кыновской мехлеспункт выполнил всего на 50–60%. Люди работали из последних сил.

Тяжелый труд в лесу, на сплаве, на погрузке вагонов никак не компенсировался нормальным отдыхом. Вольнонаемные рабочие, спецпоселенцы, завербованные по договорам работники вместе с семьями жили в необустроенных бараках. Скученность, антисанитария, холод царили во всех жилищах. В отчете за 1945 год администрация мехлеспункта вынуждена была признать: *«Состояние спецпоселков плохое, т.к. мехлеспункт не может произвести капитальный ремонт из-за отсутствия рабсилы и средств»*. Об этом же говорили на совещании руководящих работников Асовского ЛПХ, где отмечалось, что в Матвеевском лесоучастке в мае 1941 года начали строить барак площадью 204 кв. метра, но не смогли закончить его и в 1945 году, т.к. плотников мобилизовали в армию. Не хватало продовольствия и теплой одежды.

В 2003 году ветеран труда Н. Н. Летов начертил схему типичного поселка лесозаготовителей под названием Татарка. Поселение располагалось на левом берегу одноименной ре-

чушки и разделялось надвое небольшим ручьем. Именно вдоль ручья, являвшегося своеобразной «улицей», и возводились постройки. В центре поселка находилась большая коюшня. Справа и слева от нее располагались 9 бараков для постоянных и временных работников. 6 частных домов раскинулись на окраинах поселка. Имелись начальная школа, детский сад и, как водится, контора лесопункта. Медпункта в Татарке не было.

Из-за плохой одежды и обуви рабочие часто болели. На лесоповале, вывозке и сплаве древесины свирепствовал травматизм. Многие травмы заканчивались выходом рабочих на инвалидность. Среди медицинских учреждений, расположенных в Вынырке, Рябиново, Кирпичной, Усть-Серебряной и на ст. Кын, относительно удовлетворительный набор медицинских услуг мог представить только кыновской медпункт.

Житейские и производственные трудности лесозаготовителей эхом отзывались в городе. Разделение Лысьвенского района на городскую и сельскую зоны поставило в сложное положение социальную сферу города. Школам и больницам хронически недоставало дров. Если до войны Лысьвенский ЛПХ еще мог компенсировать неудовлетворительную работу городских топливозаготовительных организаций за счет оказания помощи горожан при проведении сплавных работ, то с 1941 года леспромхоз отвечал только за сплав древесины до Сокола. Дальше заводские рабочие самостоятельно выплавляли бревна из пруда без привлечения сплавных бригад леспромхоза. Из-за нехватки рабочих рук работа на пруду затягивалась до ледостава.

Особенно сложной выдалась зима 1942-1943 года, когда большинство учреждений здравоохранения и образования работали в режиме жесточайшей экономии дров. Учреждения культуры, такие как кинотеатр «Пролетарий» и клубы, несколько месяцев вообще не отапливались.

Все началось с того, что в середине апреля 1942 года в администрации Лысьвенского ЛПХ прошло традиционное предсплавное совещание. Участники единогласно приняли решение провести сплав не за 29 плановых, а за 20 дней.

Приложив немалые усилия, лесозаготовители с задуманными сроками справились, но проблемы возникли у заводчан. Цехи, между которыми руководство завода расписало сроки выгрузки древесины из пруда, не смогли вовремя собрать людей, т.к. много рабочих отправлялись трудиться на поля и фермы колхозов и совхоза. Из-за той же нехватки рабочих рук не удалось вовремя подготовить к приему древесины гавани. Пока велись подготовительные работы, обсохли берега, а юго-западный ветер сплотил древесину далеко от места выгрузки. Бревна начали намокать и тонуть. Из трех элеваторов к подаче бревен на место складирования удалось подготовить только один. Не отремонтированными оставались транспортеры и моторные лодки. Жители домов, расположенных на берегах прудов, начали воровать лес. Ветер загонял бревна из Заводского даже в Травянский пруд. С большим опозданием работы по складированию древесины на берегу удалось завершить только в октябре месяце, что имело печальные последствия для лесопиления. При разделке замерзших бревен, не успевших просохнуть в осенние месяцы, ломались остродефицитные пилы. В результате цехи, занимавшиеся изготовлением тары для отправки военной продукции, не получали в нужных количествах пиломатериал.

К ноябрю 1942 года руководство горисполкома поняло, что рассчитывать на помощь завода в снабжении города топливом не приходится. В срочном порядке объявили месячник по заготовке дров силами организаций и учреждений. Предполагалось, что для зимовки потребуется около 35 тыс. кубометров дров. В качестве исходных пунктов для лесозаготовки определили Бабеныши, Обманку, Куропашку, Сосновку и другие места, расположенные на расстоянии 15–18 км от города. По расчетам нужно было ежедневно заготавливать 80–90 и вывозить в город до 70 кубометров дров.

С поставленными планами справиться не удалось. Руководство города видело причину неуспеха в том, что колхозы не организовали рабочую и тяговую силу. Усилился спрос с руководителей учреждений. Некоторым из них пришлось сверх установленной нормы в качестве наказания отправлять

на лесозаготовки провинившихся работников. В результате один такой «работник» пищекомбината за месяц нарубил 17, а должен был заготовить 50 кубометров дров, трое работников из больницы за такой же срок нарубили 41 кубометр, детского сада – 10 кубометров.

Максимум, что мог сделать гортоп, это заготовить и вывезти 12 тыс. кубометров дров. Отвечая в целом за обеспечение города дровами, специалисты этой организации не смогли наладить техническое руководство работой самозаготовителей. Мастера гортопа не направляли в делянки пилоправов, не обеспечивали лесозаготовителей достаточным количеством инструментов, а там, где были столовые, например, в Сосновке, нерегулярно завозили хлеб.

Город мерз. Вместе с тем, ничего не оставалось делать, как готовиться к предстоящей зиме. Обращаясь к населению города, представители власти призывали: *«Создавайте запасы топлива сами... не гнушайтесь ручными тележками и вязанками дров на своих собственных плечах»*. Сохранились воспоминания очевидцев, которые рассказывали, что горожане, у которых имелся домашний скот, пытались возить дрова на коровах. Имеются упоминания о гибели животных после использования в качестве тягловой силы, что являлось настоящей катастрофой для семьи павшей коровы.

В исполкоме верстались новые планы, в соответствии с которыми во втором и третьем кварталах 1943 года городской отдел народного образования должен был заготовить 1250 кубометров дров и 350 т торфа, а городской отдел здравоохранения – 6700 кубометров дров и 275 т торфа.

18 июня 1943 года состоялся грандиозный субботник по заготовке топлива. За день удалось заготовить 7656 кубометров дров и подвезти к сплавным рекам 800 кубометров. Благодаря соответствующему настрою людей, результаты работы оказались неплохими. Например, три сотрудника горсовета и горкома ВКП(б) за день нарубили 19 кубометров дров. В целом итоги субботника оказались настолько впечатляющими, что облисполком выделил на премирование особо отличившихся работников 10 тыс. руб. денег.

25 февраля 1944 года горисполком объявил очередной месячник по самозаготовке дров, начиная, таким образом, подготовку к зиме 1944-1945 года. Однако темпы работы оказались в два раза ниже запланированных. В первом квартале вместо 4332 кубометров удалось заготовить 2271 кубометр дров. Месячник решили развернуть в двухмесячник. Всего в течение летнего времени предполагалось заготовить 30 тыс. кубометров топлива. Чтобы активизировать участие горожан и руководителей учреждений в самозаготовках, предпринимались репрессивные меры к лицам, уклоняющимся от работы в лесу. Например, одну из работниц поликлиники за отказ от работы в лесу приговорили к четырем месяцам тюремного заключения.

В январе 1944 года на лесоучасток «Севуралтяжстроя» прибыла бригада женщин рубщиков леса из Курска. Уральский лес, снег по пояс – все было женщинам в новинку. Однако они быстро освоили работу лучковой пилой, облегченным топором, привыкли к снегу и к новой для них работе. Некоторые женские бригады стали выполнять план на 115–125%. Ударный труд курянок побудил руководство «Севуралтяжстроя» организовать смешанные бригады, состоявшие из мужчин и женщин. Результаты такого эксперимента оказались удачными, и тресту удалось вовремя заготовить 12 тыс. ф/м. Из них 7 тыс. ф/м деловой древесины предназначались для строительства жилья, а остальные 5 тыс. – на дрова.

Ударно трудились на самозаготовке топлива работники образования. Учителя и родители школы № 16 заготовили плановые 280 кубометров дров за 22 дня вместо двух месяцев. Всего школы города заготовили 2490 кубометров дров.

Самозаготовки топлива продолжались и в последующие годы. Горисполком, всякий раз планируя обеспечить город дровами в кратчайшие сроки и самое подходящее время года, вынужден был растягивать процесс лесозаготовки надолго. Руководители учреждений и организаций не выполняли установленные графики рубки, доставки древесины к сплавным рекам, подвозки дров к местам потребления. По этой причине приходилось объявлять авральные лесозаготовительные ме-

сячники, двухмесячники, декадники, двухдекадники. Единственно в лес выходили до трех и более тысячи человек. Работники гортопа, формально отвечающие за распределение лесорубных участков, попросту не успевали указать каждой бригаде место предстоящих работ и ограничивались словами: «Рубите в Сосновке! У Куропашки! Идите в Карповку». Как следствие, вырубались водоохранные леса, на дрова пускалась деловая древесина, безоглядно уничтожался подрост.

Нарушения, несопоставимые по размерам с самозаготовками, имели место в леспромхозах. У руководителей хозяйств были одни оправдания: фронт срочно требует древесины, а людей не хватает, нет транспорта, запчастей и ГСМ, колхозы не посылают работников. Конечно, такие объяснения не могли оправдать невыполнение лесозаготовительных планов и задержки по отправке готовой продукции потребителям. На руководителей сыпались наказания, но дела от этого лучше не шли.

В январе 1945 года облисполком вынужден был издать постановление о проведении фронтового месячника по лесозаготовкам с 23 января по 23 февраля, посвященного 27-й годовщине советской армии. Лесопункты и лесоучастки брали на себя повышенные суточные обязательства. Матвеевский участок обязался заготавливать в сутки 200 кубометров, Кордон-Терсинский – 147 кубометров, Шаквинский – 55 кубометров древесины. В лес посылали всех, кого могли. В Рассоху прибыли 100 солдат из в/ч 07822. В некоторые лесоучастки из Молотовского распределителя поступали трофейные лошади.

Через неисчислимые трудности и жертвы прошли лысьвенские лесозаготовители ко дню Победы. До предела устали люди, изнашивалась техника, прорехи и недоработки в лесном хозяйстве, с которыми мирились в годы войны, требовали немедленного исправления и коррекции. Разбалансировка лесного хозяйства стала настолько очевидной, что 4 апреля 1947 года Президиум ВС СССР принял Указ «Об образовании министерства лесного хозяйства СССР». Новая управленческая структура создавалась на базе Главлесохраны при совете министров СССР *«в целях улучшения лесного хозяйства и уст-*

ранения организационных недочетов...». Министерству вменялось в обязанности руководить лесоустройством, восстановлением и охраной лесов и т.д. Отныне все леса кроме колхозных, переданных хозяйствам по акту в вечное пользование, поступали в ведение нового министерства.

Письма товарищу И. В. Сталину

Серия Указов ЦК ВКП(б) и советского правительства, следовавших один за другим, в корне меняла довоенную жизнь. 7 мая 1947 года Совет министров СССР принял Постановление № 1413–375 сс об отмене особого режима и снятии некоторых ограничений с бывших кулаков. Комендатуры в лесных поселках Вынырок, Мишариха, Рябиново ликвидировались. Спецпоселенцы получили возможность покинуть места вынужденного проживания. Лесоучастки, находящиеся на значительном удалении от цивилизационных центров, обезлюдели в течение нескольких месяцев. Их обитатели переместились в крупные населенные пункты.

Внутрирайонные миграционные процессы отрицательно отразились на выполнении леспромхозами государственных планов. Например, Кыновской мехлеспункт выполнил задание 1947 и 1949 годов на уровне 80%. С целью активизации работы участков по выполнению плана лесозаготовок и вывозке древесины администрация МЛП поощряла мастеров и бригадиров лесоучастков значительными денежными премиями. В приказе № 112 от 26 августа 1949 г. за перевыполнение июльского плана награждались мастера И. Ф. Степаненко (л/у «Кирпичный» – 227 руб.); П. Т. Мартемьянов (л/у Усть-Серебряная – 203 руб.); Ф. О. Мезенцев (л/у Вынырок – 636 руб.); Н. С. Татауров (л/у Осиновка – 339 руб.). Фамилии рабочих, награжденных денежными премиями, в приказах отсутствуют.

Миграция не отразилась на количественных показателях населения всего мехлеспункта, так как в соответствии с Постановлением 1947 года спецпоселенцы могли выбрать новое место жительства только в пределах Молотовской области. По этой причине местом жительства выбирались привычные

станция Кын, станция Кумыш, Кыновской завод, Каменка, Кормовище и другие крупные населенные пункты. Немногочисленные семейства оставались на старом месте жительства. Их поселения просуществовали до конца 1950 – начала 1960-х годов. «Освобождение» спецпоселенцев, хотя и винчатое, прошло спокойно.

В определенной степени миграционные процессы подстегнули постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы и проведении денежной реформы. Это был сигнал гражданам разоренных войной областей России, Белоруссии и Украины для поисков более подходящих мест проживания. За счет новых переселенцев формировался контингент постоянных кадровых рабочих лесоучастков и лесопунктов. Краевед Л. И. Попова писала, что в 1947 году в одночасье появился большой лесной поселок Каменка из 25 хозяйств¹. Любовь Ивановна приводит воспоминания П. К. Новиковой: *«Люди приезжали целыми эшелонами из разных мест, много было из центральной части страны, особенно из Калужской области»* и воспоминания Т. А. Зюзичевой: *«Мы приехали с родителями из Калужской области, бежали от голода, болезней, ствия жилья. Наша местность была полностью разрушена немцами, возвращаться по окончанию войны было некуда... Поехали на Урал в поисках источника существования. Таких, как мы, было много. Первоначально поселились в Каменке, а когда участок закрыли, переехали с мужем и детьми вначале в Кумыш, а потом в Невидимку. Родители сразу из Каменки переехали в Невидимку».*

В 1930–1940-е годы городская спецкомендатура распределила большое количество спецпоселенцев по лесным участкам, обслуживающим потребности гортопа. Лесозаготовители, годами жившие в дичайших бытовых условиях, воспользова-

¹ В качестве мастерского участка Матвеевского лесоучастка Каменка существовала с 1930-х годов. 30 сентября 1949 года из Матвеевского ЛЗУ выделился самостоятельный Каменский лесоучасток. Поселок Каменка не путать с одноименной деревней, некогда бывшей на реке Каменке – правом притоке реки Барды.

*Вальщица леса
Е. Х. Ильина. 1950 г.*

лись правом смены места пребывания и переезжали в город. Из-за нехватки рабочих в 1947 году гортоп недопоставил городским потребителям 2500 кубометров дров.

Став свободными, бывшие спецпоселенцы изменили взаимоотношения с работодателями. Те из них, кто остался на лесоучастках, не желали работать лучковой пилой, предпочитая «лучку» поперечную пилу, не соглашались работать бензопилой, хотя на складе они имелись, не желали самостоятельно править инструмент. Вероятно, это была протестная демонстрация против десятков лет подневольной жизни, загубленной в глухих уральских лесах.

Кадровый голод охватил многие лесоучастки. Лесоучастки треста «Чусовстальстрой», такие как Малая Запорная и Тартарка, почти полностью обезлюдели. Вместо 250 человек в них осталось 40 лесорубов и 8 коновозчиков.

Планы по заготовке и вывозке древесины не выполняли в равной мере профессиональные лесорубы и «самозаготовители» городских организаций. И это в то время, когда деловой лес требовался в огромном количестве как в стране, так и для местного потребления. В Лысьве только в 1948 году на Катаевом угоре было построено около 180 деревянных домов. По заказу металлургического завода Кыновской цех ширпотреба строил до 50 стандартных домов в год, хотя мог собирать до 120–150 домов. Для этого ему требовалось до 4 тыс. кубометров делового леса, которого как раз и не доставало.

Не оправдало себя довоенное деление Лысьвенского района на городскую и сельскую зоны. Колхозы и леспромхозы не могли обойтись без помощи города, тогда как город без взаимодействия с ними задыхался от дефицита продовольствия и топлива. Очередная реформа закончилась сворачива-

нием деятельности райисполкома и райкома партии и переходом сельской зоны под управление горисполкома и горкома ВКП(б). Руководители леспромхозов сразу же почувствовали жесткую руку горкома партии. Начались перемены. Впервые за несколько лет Лысьвенский ЛПХ оказался вовремя и полностью обеспечен лесосечным фондом, получил лесорубные билеты на 4-й квартал 1948 года, соответствующим образом подготовил лесосеки. За осеннее-зимний период леспромхоз должен был нарубить 73 тыс. ф/м и вывезти 65,5 тыс. ф/м древесины. Две трети работы предполагалось осуществить с использованием механизмов. К началу сезона хозяйство имело 4 автомашины, 4 трактора, 10 бензопил. По разнарядке горисполкома на помощь лесникам направлялись 200 пеших и 90 конных колхозников.

По-прежнему большое значение в вывозке древесины играли собственные обозы. Практически каждый лесоучасток содержал от 10–15 до 100 и более лошадей. Особенно высоко ценились тяжеловозы породы «арден». Соответственно, за ними осуществлялся качественный уход. В лесоучастке Кордон-Терси все 13 тяжеловозов имели хорошо оборудованные стойла. Начальник участка своим приказом обязал конюхов кормить «арденов» трижды в день овсом, выдавать по 20 кг сена в сутки, качественно подбирать срубку и подгонять хомуты.

По прикидкам городского руководства для обеспечения крыши над головой постоянных рабочих и мобилизованных крестьян только в Асовском ЛПХ требовалось более 3300 квадратных метров, тогда как к началу сезона леспромхоз располагал только 2200 квадратными метрами жилья. По разнарядке горисполкома помогать лесорубам в строительстве нового жилья приезжали заводские рабочие.

*Тракторист
Кыновского ЛПХ
П. А. Рачев. 1950 г.*

Перемены пришли в Кыновской МЛП. Указом Президиума ВС РСФСР от 7 августа 1948 года населенный пункт при ст. Кын отнесли к категории рабочих поселков. В связи с этим Бизевский сельский Совет исключался из АТД РСФСР. К новому Кыновскому поселковому Совету отошли железнодорожные казармы «95-й», «97-й», «103», «105-й», «109-й км», Березовка, Капиданы, Кержаковка, Малый Кын, Осиновка, Песчанка, Симоново, Рябиново, Северный Ус.¹

Лесозаготовительный сезон в Кыновском МЛП обычно начинался строго 25 октября. По плану предприятие должно было заготавливать 4300 ф/м и вывозить 2900 ф/м древесины. Коллектив лесозаготовителей обязался выполнить государственное задание к 15 марта 1949 года. Возродилось социалистическое соревнование за право называться «Лучший лесоруб». Почетное звание первым заслужил вальщик лесоучастка Кирпичный Ф. С. Сурин. При норме 3,5 ф/м он рубил в день 6,5 ф/м. За 10 месяцев 1948 года Сурин выполнил пол-

¹ После опубликования постановления от 7 мая 1947 года лесные поселки и лесоучастки начали стремительно пустеть. Жители перебиралась на место жительства к более благоустроенным центрам, таким как: ст. Кын, ст. Кумыш, село Кыновской завод, село Моховляны, ст. Кормовище, село Матвеево. Оказалось, что на ст. Кын, где располагалась база Кыновского ЛПХ, в 1947 году имелось 322, в 1955 году – 436 домохозяйств; в 1963 г. проживало 3795 чел. В селе Кыновской завод, являемся центром сплавных работ, в 1947 году имелось 313, в 1955 г. – 308, 1966 г. – 418 домохозяйств и проживало 1886 чел. Рост населения в указанных населенных пунктах продолжался до хрущевских реформ 1960-х годов. В поселениях, относящихся к Кыновскому ЛПХ, до 1950-х годов небольшое население осталось в Рябиново (в 1939 г. имелось 96, в 1947 г. – 36, 1955 г. – 38 домохозяйств), в Осиновке или Лесном Бараке (в 1947 г. – 80, 1955 г. – 80 домохозяйств), Вынырке (1947 г. – 29, 1955 г. – 23 домохозяйства.) Население в указанных населенных пунктах сохранялось за счет колхозов, имеющих вокруг них поля и фермы. За редким исключением к середине 1970-х годов практически все лесные участки и поселки прекратили свое существование.

тора годовых плана. В октябре за 26 смен передовой рабочий дал 65,5 нормы. Успешно с Суриным соревновались Сылвицкие лесорубы П. Щеглов, С. Гайнутдинов и другие.

В одно время с мехлеспунктом к работе приступили лесоучастки Осиновка, Шурыш и Чизма, относящиеся к Кыновскому стройлеспромхозу. Осиновский лесоучасток получил переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и горисполкома, выполнив ноябрьский план по заготовке на 158%, а по вывозке древесины – на 107%.

Для активизации производственной деятельности лесозаготовительных предприятий района горком партии активно популяризировал инициативу лесозаготовителей Архангельской области и Карело-Финской ССР, призвавших досрочно выполнить планы первой послевоенной пятилетки. 20 ноября 1948 года в Лысьве состоялось собрание лесозаготовителей. Оно было необычно тем, что представители Лысьвенского ЛПХ и колхозники Березовского, Лысьвенского, Суксунского и Чернушинского районов подписали письмо-обращение к И. В. Сталину, в котором обещали выполнить сезонный план по заготовке древесины к 15 марта, а по вывозке – к 20 марта 1949 года.

Обращает на себя внимание, что в один ряд с профессиональными лесозаготовителями, непосредственно ответственными за выполнение плана, в число подписантов вошли целые колхозы, члены которых трудились на лесозаготовках. Правления колхозов подавали еженедельные сводки о выполнении планов по заготовке и вывозке леса. Вот образец сводки о работе колхозов за 4-й квартал 1948 года.

Колхозы и организации	% заготовки	% подвозки	% вывозки
Им. Кагановича	193,5	-	-
«Восход»	107,8	251	-
«Колос»	104,8	120,4	-
«Ударник»	128,5	-	96
Им. Сталина (Кын)	102	-	90

Колхозы и организации	% заготовки	% подвозки	% вывозки
«Труд крестьянина»	96,5	91,6	-
«Новый путь»	89,5	-	85,1
«Луч»	88,5	58	-
«Новая жизнь»	86,5	-	67,4
Им. Кирова	86,3	-	88,6
«Восток»	80,8	-	76,2
«12 лет Октября»	74,2	-	-
Им. «17-го партсъезда»	65,2	-	87,3
Им. Горького	-	-	84,6
Им. «1-го Мая»	56,7	-	65
«Заря»	45	57,4	-
«Новина»	37	-	86,6
«Победа»	33,2	-	93,4
«Красный Октябрь»	31	-	72
Им. Молотова	30	-	50
Им. Сталина (2-й Лом)	29,1	-	91,5
«Новая деревня»	20	-	-
Им. Чапаева	19,9	-	-
«Авангард»	19,7	-	43,5
Им. Калинина	19,4	-	126
«Красная звезда»	17,6	-	46,4
Им. Орджоникидзе	13,7	127	-
«Путь Ленина»	12,6	-	44,8
Им. Сталина (Ново-Рождеств.)	9,5	-	62,4
Им. Ворошилова	6	-	20,3
«Большевик»	0	35,3	-
Лесхоз	120,2	-	94,5
Лысьвенский ЛПХ	105,4	48,6	72,6
Кыновской МЛП	97,4	59,7	72
Гортоп	57,6	-	39,7

Лучшие итоги работы в 4-м квартале показал лесхоз: 127% по заготовке и 100,9% по вывозке древесины. Немного отстали от лесхоза по вывозке Лысьвенский ЛПХ и Кыновской МЛП. Гортоп провалил план по всем показателям.

В лесопункте Черная Лысьвенского ЛПХ удачно сработала бригада мастера М. Д. Южакова. Прежде чем приступить

к работе, члены бригады уделяли определенное время для организации лесосеки. Рубчики валили деревья так, чтобы на земле получалась фигура в виде «елки». Между «ветвями» сохранялись примерно двухметровые проходы для обрубщиков сучьев и раскряжевщиков. По ним же вывозили лес к транспортировке. Мастер лично выбирал удобные места для прокладки дорог и усов, следил, чтобы они не захлампливались лесным мусором. В ноябре 1949 года горком ВКП(б) и горисполком присудили Верх-Лысьвенскому участку Лысьвенского ЛПХ 1-е место в социалистическом соревновании и вручили переходящее Красное знамя. М. Д. Южакову присвоили почетное звание «Лучший лесной мастер».

Ударно трудились женщины-лесорубы Усть-Серебрянского лесоучастка Кыновского МЛП Л. Чудинова, О. Холодняк, Е. Радина. Они выполняли по полторы нормы в смену. О работе сучкорубов писал публицист Д. Ризов: *«Сучкоруб за смену делает около 8 тысяч ударов топором, что эквивалентно перемещению на 1 метр 60 тонн груза. До 40 процентов рабочего времени находится в вынужденно согнутом положении. Уже одни только усилия для сохранения этой позы требуют «значительных по величине и продолжительности статических напряжений мышц спины, брюшного пресса и поясницы». Помахай-ка в этом положении топором. Затраты физических сил огромны»*¹. Высокие трудовые показатели, несмотря на глубокие снега, стабильно показывали лесозаготовители лесоучастка Кирпичный. Снова неплохих результатов добился Ф. Сурин. В отличие от южаковской «елки» он валил лес поперек до десяти деревьев. Ежедневно его участок заготавливал до 130 кубометров древесины. Январские показатели кыновлян оказались лучшими среди лысьвенских лесозаготовителей, поэтому обком ВКП(б) и облисполком присудили им переходящее Красное знамя.

¹ Ризов, Д. Г. Крапивные острова : очерки. Пермь, 1987. С. 174.

*Рамщик шпального
цеха Кыновского ЛПХ
И. М. Киряков. 1958 г.*

Письмо-обращение лысьвенцев И. В. Сталину с обещанием досрочно выполнить и перевыполнить заготовку и вывозку древесины обязывало ко многому. В первую очередь это понимали партийные и советские руководители города. Исполнение обещания держало на контроле бюро обкома партии. Не случайно в январе 1949 года на своем заседании бюро потребовало от горкомов и райкомов области усилить механизацию всех этапов лесозаготовки от валки до вывозки. В свою очередь Лысьвенской горком партии потребовал от председателей и правлений колхозов безоговорочно выполнять разнарядки горисполкома по направлению колхозников на лесозаготовку.

Отправка крестьян на работу в лес стала первоочередным делом колхозных руководителей. Например, правление колхоза «Заря» одновременно направило в лес 35 человек. Подобные коллективные выходы в лес продолжались до марта 1949 года. В течение всего срока председатель колхоза В. Кошкарев лично выезжал в лесосеку и контролировал работу колхозников.

Учитывая важность хороших взаимоотношений с колхозами, руководство Матвеевского лесоучастка Асовского ЛПХ откликнулось на просьбу артели им «19-й годовщины Октября» о помощи в уборке урожая. В выходной день 64 рабочих скосили горох на 2,5 га, заскирдовали рожь с 3 га и гороха с 2 га. В Кыну состоялся взаимный обмен подарками: колхозники подарили леспромхозу жеребца, а лесники отдарились отремонтированным трелевочным трактором.

Обещания, изложенные в письме И. В. Сталину, лысьвенцы выполнили в срок. Работники Кыновского МЛП дали 6 тыс. куб. м дополнительной продукции, Лысьвенского ЛПХ –

3,5 тыс. куб. м, Обманковский участок Лысьвенского стройуправления – 2073 куб. м.

Немало трудов приходилось затрачивать для вывозки заготовленной древесины. Чтобы отправить продукцию потребителю, кумышанские лесозаготовители сняли с прямого производства лесорубов и за 4 дня загрузили 28 вагонов. Не успев сплавить лес в весеннее половодье, 40 рабочих лесопильно-тарного цеха металлургического завода выехали в Старо-Кормовищенский лесоучасток на проведение осеннего молевого сплава. Им предстояло до 1 ноября не только сплавить, но и выгрузить из пруда 3 тыс. ф/м древесины, предназначенной для изготовления древесной шерсти¹.

Значительным событием в деятельности лысьвенских лесозаготовителей стал переход на поточный механизированный метод. С января 1949 года на внедрении этого новшества настаивало бюро Молотовского ОК ВКП(б). Инициатива партийного руководства была как нельзя кстати, поскольку рабочих рук не хватало ни в лесу, ни на нижних складах. По расчетам технических специалистов только на сплаве при скатке один трактор заменял 30–40 рабочих, а на сброске дров бульдозером можно было освободить от тяжелого физического труда до 80 человек. В Верх-Лысьвенском лесоучастке в качестве опыта попробовали трелевать хлысты с кронами. Выгода от предложения заключалась в том, что освобождались рабочие-обрубщики сучьев, порубочные остатки не разбрасывались по делянке, не надо было тратить время на их подборку и сжигание. Все эти работы осуществлялись в одном месте на эстакаде.

Фрагментарно этапы поточного механизированного метода использовались в некоторых лесоучастках Лысьвенского ЛПХ. В систематизированном виде его освоил Каменский участок в сезон 1949-1950 года. На городском совещании работников леса о новом методе рассказывал инженер леспромхоза С. Курицин. По словам инженера, бригада из 18 человек де-

¹ *Древесная шерсть – стружка для укупорки заводской продукции.*

лилась на 6 звеньев. Перед началом рубки рабочие выходили в выделенный массив и делили его на 2 лесосеки. Подготовка к работе заключалась в уборке сухостоя, разбивке тракторных волоков, усов и пасек. Затем строилась разделочная эстакада с сортировочной дорожкой и устраивались штабельные места. Перед валкой очищали пасеку от молодого леса и подрубали деревья, предназначенные к рубке. Вальщики спиливали деревья по 10–15 штук, чтобы вершины сходились в одной точке в сторону вывоза, но не перекрещивались. После этого вальщик переходил на вторую пасеку, тогда как следующее звено обрубало и сжигало сучья. Подготовленные к вывозке хлысты поступали на эстакаду, где их разделявали на сортименты и дровяное долготье. Разделанный сортимент развозился на вагонетках и укладывался в штабеля, откуда их краном грузили на сани и по «ледянке» вывозили на нижний склад.¹ Определенные надежды на широкое внедрение поточного механизированного метода связывались с Кыновским МЛП, начавшим организационно-структурные перестройки. В октябре 1950 года мехлеспункт преобразовали в Кыновской леспромхоз треста «Чусовлесдревпром». В 1951 году он вышел из подчинения министерства черной металлургии и стал структурным подразделением треста «Чусовлес».

Ожидания значительного увеличения объемов заготавливаемой продукции новым леспромхозом не оправдались. Техника, на которую делалась ставка, эксплуатировалась не в полную меру. Например, бензопилы использовались на 25%, электропилы – на 14%, тракторы и автомашины на 50%. На узкоколейную железную дорогу в лесоучастке Кирпичный вместо 14 вагонеток привезли только 2. Из двух мотовозов работал один. На всех операциях преобладал ручной труд.

Как следствие, леспромхоз с трудом выполнял плановые задания. Местный клепочный завод, которому леспромхоз должен поставлять сырье, в середине 1950 года недополучил 7 тыс. ф/м пиловочника, в результате чего план полугодия предприятие выполнило только на 53%.

¹ Доклад С. Курицина // *Искра*. 1949. 13 дек.

Крайне болезненно на работе Кыновского ЛПХ отразилось Постановление Совета министров СССР от 13 августа 1954 года № 1738-789 сс, которое сняло все ограничения с бывших кулаков, высланных в 1929–1933 годах из районов сплошной коллективизации в уральские леса. Наконец-то люди получили полную свободу. Семьи бывших «кулаков», особенно представители старшего поколения, брали расчет и уезжали на историческую родину. В леспромхозе начался кадровый голод.

Как и повсюду в отрасли, дефицит рабочих кадров леспромхозы восполняли за счет переселенцев из центральных областей СССР, разоренных войной. На постоянное место жительства и временно в Лысьвенский район продолжали приезжать рабочие из Калужской, Воронежской, Смоленской, Ульяновской областей. В основном они становились обрубщиками сучьев, грузчиками, чокеровщиками как в крупных леспромхозах, таких как Лысьвенский и Кыновской, так в небольших лесозаготовительных организациях: Лысьвенский Добрянско-Щучье-Озерский ЛПХ, Лысьвенский ЛПХ министерства совхозов, Кыновской ЛПХ треста «Губахтяжстрой». Потребность леса в стране была огромной. Целенаправленно лысьвенская древесина шла на строительство Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, Северо-Крымского канала, в страны «народной демократии».

В начале 1950-х годов быстрыми темпами увеличивал заготовку древесины Рассохинский лесоучасток Асовского леспромхоза треста «Кунгурсплес», созданный накануне войны. Нижний склад участка располагался на стрелке рек Каменка и Рассоха, что предопределяло транспортировку древесины по рекам Барда, Сылва и Чусовая в Каму. Еще до войны для подвоза продукции из лесосек по долине реки проложили узкоколейную дорогу на конной тяге длиной 7,5 км, поэтому большое значение придавалось хорошо отлаженной работе конного двора. Рабочих битюгов приобретали в конторе «Заготконь». В 1954-1955 годах конную тягу заменили мотовозы.

В первые послевоенные годы на участке имелось два трелевочника КТ-12, электростанция, электрические пилы.

Постоянно поступала на участок новая техника. Прибывали молодые специалисты, а с ними в производство внедрялись новые формы и методы организации труда. В заготовительный сезон 1950-1951 года в Рассохинском участке впервые на территории района была внедрена двухсменная работа. Это дало возможность полнее использовать технику, повысить отдачу от поточно-механизированного метода работы, так как леспромхоз работал без остановок круглые сутки. Для работы в ночное время с помощью передвижных электростанций на лесосеках организовали электрическое освещение. Продумали организацию приема древесины на эстакаде, длину разгрузочной площади на которой увеличили до 100 м. В дальнейшем эстакаду рассчитывали увеличить до 150 м. Кадровый состав рассохинцев состоял в основном из молодежи. Она охотно отзывалась на всевозможные инициативы, поступающие от партийных и комсомольских руководителей. Первыми в районе молодые механизаторы Н. Николаев и А. Ременников обязались без капитального ремонта тракторов К-12 вывезти 14500 кубометров древесины.

Хорошо работала практически вся переселенческая молодежь. Молодой механизатор М. Клейнюшин приехал из Воронежской области. Он трудился на тракторе КТ-12. Итоги его работы оказались настолько впечатляющими, что за сезон 1951-1952 года Михаила наградили Почетной грамотой министерства лесной промышленности СССР и значком «Отличник социалистического соревнования».

В своем развитии Рассохинский лесоучасток значительно обогнал остальные подразделения Асовского ЛПХ, тогда как в целом хозяйство выполнило план осенне-зимнего сезона всего на 71% по заготовке и на 73% по вывозке древесины. Для оказания практической помощи на местах директор леспромхоза направил в лесоучастки ведущих специалистов хозяйства: в Шакву – главного инженера А. В. Полушкина, в Матвеево – зам. директора по политчасти Л. Н. Костоурова, в Кордон-Терси – секретаря парторганизации И. В. Сысолятина, в Каменку – старшего инженера А. П. Дьяченкова. Неизвестно, насколько эффективной оказалась работа директорских на-

значенцев, но в первые послевоенные годы Асовский ЛПХ с трудом справлялся с выполнением государственных планов по лесопоставкам.

Техническое переоснащение производства

Чтобы наращивать объемы лесозаготовительного производства, лысьвенским леспромхозам предстояло постоянно повышать эффективность использования техники. Именно в расчете на техническое переоснащение ставилась задача увеличить лесозаготовки к концу 1955 года на 56% по сравнению с 1951 годом.

По статистическим данным в Кыновском ЛПХ в 1951 году из 12 передвижных электростанций (ПС-40 и ПС-60) в работе находились 6; из 8 тракторов КТ-12 работало 5; из 6 электрических лебедок (ТЛ-3) в эксплуатации находились 2. В Лысьвенском ЛПХ картина была не лучше. В пересчете на коэффициент эксплуатации трактора С-80 использовались на 80%, электростанции – на 50%, КТ-12 – на 70%, электролебедки – на 60%. Повсеместно имелись случаи плохого учета работы техники. Механизаторы могли проработать 5-6 часов или 10-11 часов, но зарплату при этом получали одинаковую.

Анализ причин неудовлетворительного использования технических средств показал низкую профессиональную подготовку механизаторов, повсеместное отсутствие курсов по повышению квалификации, слабую ремонтную базу, недостаток инструментов, технической документации, подготовленных слесарей – ремонтников. Механизаторы неохотно заключали договоры с администрацией на так называемую социалистическую сохранность врученной им техники. Из-за нерасторопности снабженцев нередко трелевочники простаивали по причине отсутствия простейших запчастей и приспособлений, например, чокеров¹. Проверка, проведенная в Северном и Ка-

¹ Чокер – прицепной трос; чокеровщик – подает трос и чокер к хлыстам и деревьям, прицепляет их к тяговому тросу лебедки или трактора.

менском лесоучастках, выявила, что вместо 24 чокеров в запасе находилось 8–12 штук.

Пленум райкома союза леса и сплава, состоявшийся в октябре 1951 года в Лысьве, отметил формальную организацию социалистического соревнования на всех лесоучастках. Указывая на этот недостаток в работе общественных организаций, сам райком устранился от ответственности за ход соцсоревнования среди леспромхозов, от информирования трудовых коллективов о новых методиках и технологиях, внедряемых на передовых лесопромышленных предприятиях страны и области.

Как о новинке шла речь о двухсменной работе трех лесоучастков Кыновского ЛПХ в октябре 1951 года, хотя Каменский лесоучасток Лысьвенского ЛПХ работал по этой схеме уже с начала года. Участники пленума отмечали слабую производственную дисциплину, плохую работу ОРСов, отсутствие горячего питания в лесосеках, неудовлетворительное положение с обеспечением жильем как кадровых, так и сезонных рабочих. Для постоянных работников мало строилось домов, а если какие-то из новостроек и сдавались в эксплуатацию, то имелось много недоделок вплоть до того, что в домах отсутствовали печи. Новоселы часто не имели элементарного бытового инвентаря, кроватей, постельных принадлежностей, мебели. Все это восполнялось за счет изъятия из общежитий сезонных рабочих.¹ Не лучше обстояли бытовые условия сезонных работников. В бараках сезонников отсутствовали элементарные удобства, было холодно, люди спали на двухэтажных деревянных нарах.

¹ Ни в одном из просмотренных документов райкома и горкома партии не удалось найти, чтобы за десятки лет кто-то из партийных и советских функционеров задался вопросом о самочувствии лесозаготовителей, о чем думают и мечтают, как живут их семьи.

*В. Кувалдин,
механик электростанции ПС12*

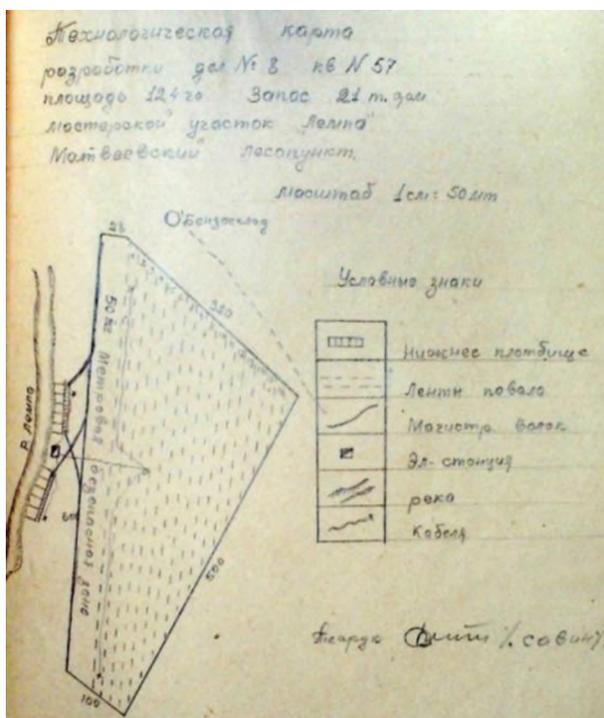

*Обгребщица снега В. Родина.
Северный лесоучасток
Кыновского ЛПХ. 1960 г.*

Специальный циркуляр министерства лесной и бумажной промышленности от 16 марта 1950 года запретил администрациям леспромхозов передавать бытовой инвентарь, кровати, постельные принадлежности, посуду в личное пользование постоянным рабочим. Для проверок на местах создавались инвентаризационные комиссии, учитывающие, кому и какие предметы из общежитий были переданы, но, в сущности, ничего не менялось. С точки зрения администрации хозяйств, кадровые рабочие ценились выше сезонников.¹ Зимой для поддержания нормальной температуры в неотремонтированных бараках рабочие круглые сутки топили печи. Отопительные устройства перегревались и в результате возникали частые пожары.

Высокие производственные планы пятой пятилетки обязали партийных и хозяйственных руководителей срочно устранять недоработки. Активизировалась агитационно-массовая работа, направленная на повсеместное участие работников леса в соцсоревновании, принятие обязательств о досрочном

¹ *Передача казенных бытовых вещей из общежитий в индивидуальное пользование постоянных рабочих имела место еще до войны, что подтверждает приказ директора Асовского ЛПХ № 185 от 20 октября 1937 года.*

Технологическая карта лесоучастка «Ляма» Асовского ЛПХ.
 1952 г.

выполнении планов, укрепление трудовой дисциплины. Партийный актив Кыновского ЛПХ, на заседании которого присутствовали представители министерства лесной промышленности РСФСР и треста «Молотовлес», проанализировал причины плохой вывозки заготовленной древесины, низкой сортности продукции, из-за чего предприятие понесло убытки на сумму 334 тыс. руб. Коммунисты хозяйства рекомендовали перевести все лесопункты на почасовой график работы. Как всегда, приводились примеры ударного труда отдельных рабочих. В данном случае за образец взяли работу водителя линейного трактора А. Онищенко, который при плане 922 куб. м за один месяц

вывоз 1844 куб. м леса. Его месячная зарплата составила 2590 руб.

По следам партийного актива профсоюзные активисты и начальники лесоучастков провели расширенные производственные совещания с участием рабочих. Каждое мероприятие начиналось и заканчивалось призывами встретить трудовыми успехами предстоящий 19-й съезд партии. Заглавной темой всех собраний и совещаний являлось обсуждение очередного письма И. В. Сталину от имени рабочих, работниц, техников и служащих, колхозников и колхозниц, работающих на лесозаготовительных предприятиях комбината «Молотовлес»

Министерства лесной промышленности СССР. Каждое структурное подразделение комбината обязывалось выполнить сезонный план к 27 марта 1952 года и добиться ударной выработки. Например, трест «Чусовлес», к которому относился Лысьвенский ЛПХ, обязался обеспечить комплексную выработку на одного рабочего не менее 120 куб. м или 106% к плану; трест «Кунгурлес» (Асовский ЛПХ) добиться выработку не менее 107 куб. м или 110% к плану.

Уже 30 марта подразделения Кыновского ЛПХ докладывали о достигнутых успехах в работе: Усть-Серебрянский участок выполнил план на 129% и вывез более 3 тыс. куб. м древесины сверх плана; Вынырковский участок выполнил план на 106,7% и дополнительно вывез 1,1 тыс. куб. м леса. Хорошо сработал Северный лесоучасток.

Постановление Совета министров СССР от 18 мая 1951 года № 1664 ввело новую систему оплаты труда на лесозаготовках. Норма выработки предусматривалась в зависимости от среднего объема хлыстов на лесосеке до рубки. Перед переходом на новый режим работы лесостроители провели ленточный перерасчет по лесосекам. План учета предусмат-

*Учетчица Кыновского
ЛПХ П. Соколова.
1959 г.*

ривал: указание порядкового номера квартала, номера делянки, обрабатываемую площадь, год освоения лесосеки, количество хлыстов, их ликвидационный запас, среднестатистический объем хлыстов, состав лесонасаждения и т.д.

Введение новой системы оплаты труда не привело к значительному повышению производительности труда на лесозаготовках, а вот фонд отплаты труда пошел в перерасход по всем статьям. Причина заключалась в разнице между нормативным и фактическим количеством работников, занятых на лесозаготовках. Данные Асовского ЛПХ за ноябрь 1953 года свидетельствуют:

Участок	Кол-во раб-х по нормативу	Факт. кол-во рабочих	Перерасход ФОТ в тыс. руб.
Шаква	83	97	22,45
Каменка	90	166	14,02
Матвеево	82	132	31,88
Кордон-Терси	56	144	35,8

Издержки в перерасходе ФОТ оказались столь велики, что к их корректировке подключились вышестоящие государственные плановые и финансовые органы.

Некоторые производственные успехи, достигнутые до октября 1952 года, сошли на нет уже в четвертом квартале. Предприятия несли большие потери от нерациональной разработки лесосек, неправильной раскряжевки хлыстов, оставленных при рубке высоких пней и неиспользованного толстого вершинника. По прикидкам специалистов потери составляли от 7 до 9 тыс. кубометров дров в год. При разделке хлыстов рабочие демонстрировали незнание заготовительных стандартов сортиментов, спецификации и правил разделки. Огромные потери приносил неиспользованный тонкомер, составлявший около 13% лесосечного фонда. Обычно его ломали при трелевке, а затем сжигали вместе с сучьями.

Августовский (1953 г.) Пленум ГК КПСС, рассмотревший вопрос о неудовлетворительном выполнении леспромпхозами государственного плана за семь месяцев, отметил, что только

Лысьвенский ЛПХ недодал продукции на 3 млн. руб. Убытки предприятия составили более 1 млн. руб. В качестве одной из причин невыполнения производственных планов члены горкома и участники пленума указывали на недостаточное внимание руководителей леспромхозов бытовым условиям работников и развитию социальной сферы лесных поселков.

После августовского пленума ГК КПСС руководство Кыновского ЛПХ срочно провело проверку социальной сферы и жилищных условий рабочих в лесоучастках Северный, Усть-Серебряная, Кирпичный, Серебрянка, Бутон, Вынырок на предмет санитарного состояния жилищ, работы торговли и медпунктов. В перечне неотложных дел в приказе директора указывался ремонт пекарен и котлопунктов во всех лесоучастках. Отмечалось, что из-за нехватки рабочих в Рябиново и Вынырке прекратили изготовление кирпича для перекладывания печей в хлебопекарнях. По воспоминаниям Л. Н. Стежиной (Гроза), *«к концу 1953 года в Кыновском ЛПХ построили для рабочих 15 щитовых домиков (7 четырехквартирных и 8 двухквартирных), детский сад, столовую и баню».*

В Асовском ЛПХ в течение 1954 года велось строительство 46 капитальных объектов. Из них 40% строилось хозспособом, 60% – с помощью подрядчиков. Несколько улучшилась бытовая сторона жизни лесозаготовителей. В Ломовке, Рассохе, Западной выстроили 12 двухквартирных и 29 четырехквартирных домов. Появилась столовая на 25 мест, ларек-магазин, баня, больница на 10 койко-мест, детские ясли на 25 детей. Для сезонных работников в Киселевке возвели общежитие на 38 человек. В мастерских участках установили небольшие кирпичеделательные агрегаты «Колхозник». Про-

*К. Крохотин.
Кыновской ЛПХ. 1957 г.*

изводить даже небольшие партии кирпича на местах было выгодней, чем везти его за сотни километров из Лысьвы или Тулумбасов.

Ударными темпами с середины 1950-х годов шло капитальное строительство в Лысьвенском ЛПХ. За 1956–1958 годы предстояло отремонтировать и построить Вашкоро-Понышскую автолежневую дорогу стоимостью 103127 руб., Кормовищенскую автолежневку (243500 руб.), Каменскую дорогу (11000 руб.). В Кормовище выстроили новую контору, школу на 140 учащихся (такую же школу построили в Верх-Лысьве), детсад и ясли, каждый на 25 детей, больницу на 10 коек, клуб на 120 человек, столовую на 32 места, началось благоустройство поселка.

Одной из самых трудноразрешимых задач капитального строительства оставалось возведение жилья для постоянных работников. С 1950 года ежегодно в леспромхоз переезжали десятки семей, каждой из которых требовалось жилье. Пунктами их размещения были Невидимка, Каменка, Старое Кормовище, Верх-Лысьва. Некоторые переселенцы имели стаж работы в лесной промышленности. Их назначали мастерами, бригадирами, инженерами, счетоводами.¹

Годы приезда в ЛПХ	Кол-во семей	Кол-во членов семей	Кол-во трудоспособных
1950	14	68	32
1951	107	452	270
1952	114	495	222
1953	27	126	62
1954	40	154	Нет данных
1955	50	154	69

¹ *Далеко не все переехавшие семьи оставались в леспромхозе и получали работу. Многих не устраивали бытовые условия, неразвитость социальной сферы, плохое снабжение, поэтому под разными предлогами, в том числе, самовольно, они уезжали искать лучшую долю в другие места.*

Дома для вновь приехавших работников закладывались десятками. Но в списке за 1955 из 46 четырехквартирных, 22 двухквартирных домов и двух общежитий 38 значились как переходящие недострои 1954 года, а 14 щитовых четырехквартирных домов, сданных в эксплуатацию, имели недоделки.

Финансирование промышленного и бытового капитального строительства осуществлялось из государственных источников, а также за счет спецсредств «отчислений от прибыли». При этом госфинансирование осваивалось на 124,2% (строительство нижнего склада в Невидимке), а от прибыли – на 46,2% (строительство жилья).

«Незавершенки» было так много, что 19 октября 1959 года СМ СССР обязал провести роспись объектов незавершенного строительства, осуществляемого за счет нецентрализованных средств. Строительные отделы и бухгалтерии леспромхозов составили требуемые росписи, но значительных изменений в ускорении строительства жилья не произошло.

На фоне некоторого спада по заготовкам и вывозке древесины, вызванного внутрихозяйственными перестройками во всех леспромхозах района, по итогам социалистического соревнования первое место горком партии и горисполком присвоили гортопу, неожиданно выполнившему план на 160,3%. Ранее гортоп никогда не значился в числе передовиков. Не исключено, что это был своеобразный аванс предприятию, от которого зависела благополучная зимовка тысяч лысьвенцев.

Для города, жилой фонд которого в основном состоял из деревянных домов частного сектора, заготовленное в срок и в достаточном количестве топливо значило очень многое. Помимо гортопа заготовкой и доставкой дров для населения занимался металлургический завод. В соответствии с коллективным договором предприятие обязалось вывезти автотранспортом в 1955 году для нужд рабочих более 10 тыс. куб. м дров. Однако автотранспорта не хватало, поэтому рабочие вынуждены были самостоятельно вылавливать дрова в пруду и развозить их по домам. При этом на дрова шел гнилой лес, оставшийся после выборки деловой древесины лесотар-

ным цехом. В горисполком и завком ЛМЗ поступали многочисленные жалобы на плохое качество такого топлива.

Много дровяного топлива заготавливалось в сельской местности. Только в Кыновском поселке по скромным подсчетам на дрова шло от 4 до 5 тыс. куб. м древесины в год. Основными заготовителями являлись ОРС Кыновского ЛПХ – до 1 тыс. куб. м, ст. Кын – до 400 куб. м, Кыновское сельпо – до 300 куб. м.

Небольшие лесозаготовительные организации и частные лица испытывали огромные трудности с вывозкой топлива. Но и леспромхозы, которые по определению имели значительный технопарк, переживали те же трудности. Техника, об использовании которой неустанно говорили руководители всех уровней, находилось в удручающем состоянии. В Лысьвенском ЛПХ из 13 трелевочников в работе использовалось 4–5, из 82 лошадей собственного обоза в работе находилось 50 животных. В Кыновском ЛПХ из 15 трелевочников работали 8. В Вынырковском лесоучастке автомашины не могли работать по причине недостроенной лежневки длиной в 1 км.

На низком уровне оставалась организация труда и воспитательная работа с кадрами. В лесоучастке Бутон из 140 работников, непосредственно в лесу трудились 69 человек. В конторе Кыновского ЛПХ числилось 26 сверхнормативных сотрудников ИТР. В Лысьвенском ЛПХ текучесть кадров составляла более 50%: из принятых на работу 256 человек 144 работника уволились в течение года.

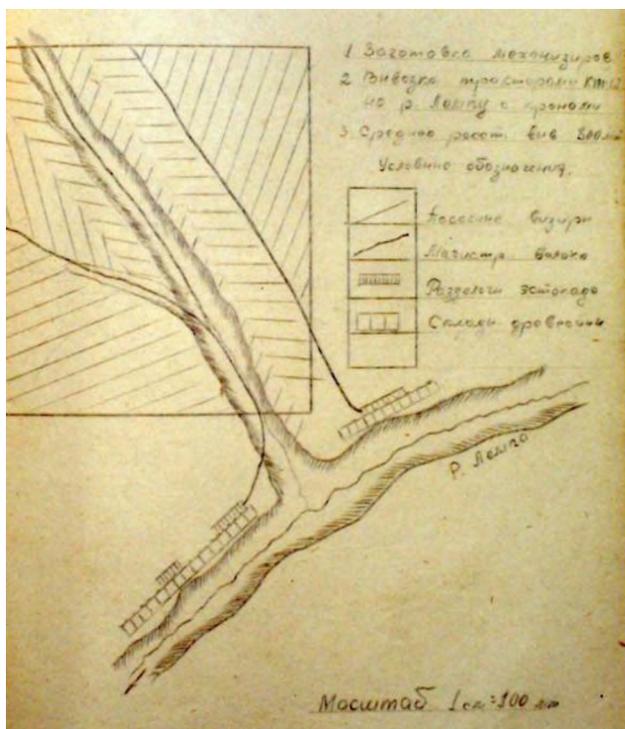
Подводя итоги прошедшей пятилетки, пленум ГК КПСС констатировал: *«Коммунисты не использовали свое право контроля хозяйственной деятельностью»*. Делегаты отмечали, что в течение пятилетки не удалось наладить эффективное использование техники.

Больше леса стране

Леспромхозы, входящие в состав комбинатов и трестов, не могли удовлетворить постоянно растущие потребности промышленности и больших строек в древесине. Различные

министерства, их краевые и областные подразделения тоже нуждались в древесном сырье, стройматериалах и топливе. В результате появлялись небольшие лесозаготовительные предприятия и организации. Они располагались в богатых лесом районах неподалеку от сплавных рек и железных дорог. Примером может послужить Кумышанская контора «Армянснаб», сменившая за двадцать лет своего существования несколько руководящих инстанций. Изначально уральский лес направлялся в Армению. В годы войны контору под названием «Военстрой» переориентировали на поставку леса для нужд армии и фронта. В таком состоянии она прибывала до 1950 года, когда изменила подчинение и стала называться Кумышанским лесоучастком Куйбышевской железной дороги¹. Из Куйбышевской области в Кумыш приезжали завербованные рабочие и устраивались жить на ст. Кумыш и в деревне Большой Кумыш, расположенной в 5 километрах от конторы. Ссылаясь на недостаток средств, руководство железной дороги никак не заботилось о расширении материально-технической базы лесоучастка и бытовых условиях жизни рабочих. В селекции не имелось электричества, а привезенный из Куйбышева локомотив стоял без дела. Питьевую воду для приготовления пищи жители брали из открытых источников. В силу удаленности лесоучастка от куйбышевского руководства и удовлетворительного управления его работой производство древесины было крайне нерентабельным: себестоимость продукции превышала плановую в 3 раза. Техника не обновлялась и не ремонтировалась, подготовленных механизаторов не хватало, на трактора и автомашины садили кого попало, рабочие трудились плохо. Два узкоколейных паровоза, два мотовоза и снегоочиститель стояли на приколе, так как полотно железной дороги постоянно заваливало снегом.

¹ На территории Пермской области в Осинском ЛПХ действовал лесоучасток Куйбышевского райисполкома, заготавливающий до 40 тыс. куб. древесины в год.

Технологическая карта Матвеевского лесопункта Асовского ЛПХ.
 1953 г.

Через три года, в 1953 году, лесоучасток в очередной раз сменил подчиненность и стал называться Кумышанским лесоучастком Свердловской железной дороги. В таком состоянии он пребывал до своего закрытия в 1998 году.

В 1953 году после реорганизации Кунгурского леспромхоза в Кумыше появился новый Добряно-Щучье-Озерский леспромхоз Ростовской лесозаготовительной конторы. Но и он скоро сменил принадлежность и подчинение в пользу Грозненской областной лесозаготовительной конторы. Процесс становления нового хозяйства, получившего название Чечено-Ингушская лесозаготовительная контора (ЧИЛЗК), проходил

очень трудно. Головной управляющий орган находился в Грозном, контора – в Лысьве, фактическим организатором и управленцем являлся начальник лесоучастка, проживавший на станции Кумыш. Набор рабочих и служащих осуществлялся по принципу «с миру по нитке». Трудовая дисциплина находилась на низком уровне, процветало повсеместное пьянство, а с ним прогулы, невыполнение планов, травматизм, аварии. Велика была текучесть кадров. Уезжая, рабочие говорили: «Урал нам не по климату». С первых месяцев существования конторы появились проблемы с бухгалтерской отчетностью, так что бухгалтеру пришлось неоднократно выезжать в Молотовскую областную прокуратуру для объяснений. Чтобы прекратить самовольный отъезд рабочих, начальник ЧИЛЗК Е. М. Денисов пытался применить букву правительственного Указа от 14 июля 1951 года о наказании самовольщиков, но и это не дало никаких результатов.

Наконец, в марте 1955 года директор конторы вместе с администрацией переехал из Лысьвы в Кумыш. Зимой в лесоучасток приехала группа завербованных рабочих в количестве 50 человек, с которых и началось становление трудового коллектива ЧИЛЗК.

Весной 1958 года в лысьвенских лесах появилось еще одно лесозаготовительное предприятие под названием лысьвенский леспромхоз Краснодарского «Крайколхозсовета». 19 марта в должность вступил его первый директор Г. К. Кальсин. Спустя год леспромхоз получил новое название – Краснодарский ЛПХ Краснодарского крайколхозсовета Пермской области¹. Целевая задача нового предприятия заключалась в поставке круглого леса и лесоматериалов для колхозов Кубани.

Лесосырьевая база нового леспромхоза располагалась в Кыновском и Кумышанском лесничествах на общей площади 4786 га. Эксплуатационная площадь равнялась 4663,4 га. Лесной массив протянулся с севера на юг на 15 км, с запада на восток на 5 км. Запасы леса составляли 932,4 тыс. куб. м,

¹ Днем открытия считается 14 апреля 1958 года, а днем закрытия – 26 августа 1976 года.

ликвидный запас – 841,6 тыс. куб.м. Доставка леса из лесосек осуществлялась с помощью автотранспорта на расстоянии 12–20 км на нижний склад, расположенный на станции Кумыш. По предварительным расчетам специалистов срок выработки лесосырьевой базы укладывался в 10 лет.

Развертывание леспромхоза проходило по стандартной схеме: строительство 2-х общежитий на 120 человек, магазина, гаража, конного двора, столовой.

Практически с первых годов существования и до момента сворачивания деятельности Краснодарский ЛПХ испытывал проблему с кадрами, точнее – с трудовой дисциплиной. Из-за пьянства работников имели место частые прогулы, производственный травматизм, поломка техники.

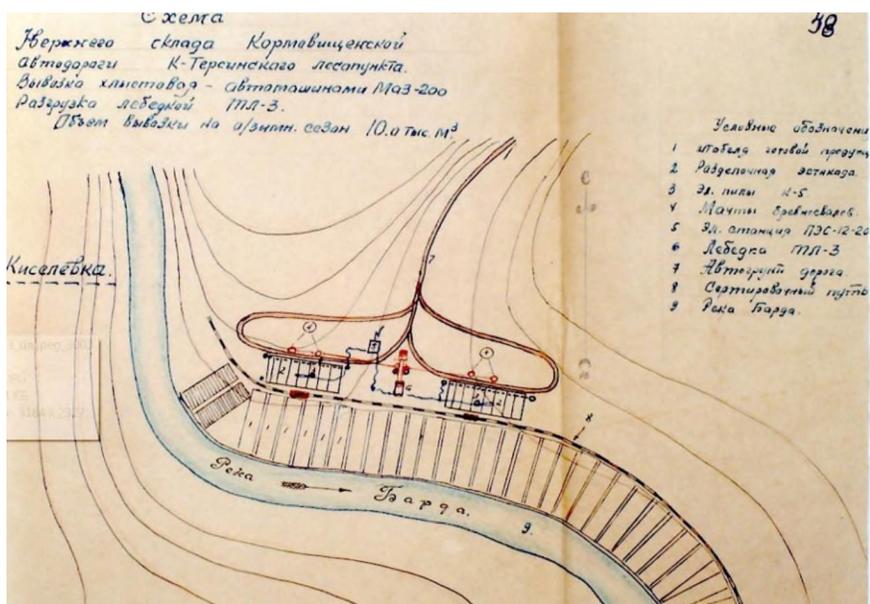

Схема нижнего склада Кордон-Терсинского лесорубничка Асовского ЛПХ. 1960 г.

Новые лесозаготовительные конторы пополнялись кадрами за счет работников, завербованных в различных областях и республиках СССР. Среди приехавших было немало жителей окрестных деревень и Лысьвы.

За несколько лет некогда маленькая железнодорожная станция Кумыш превратилась в большой населенный пункт с населением около 3 тыс. человек. Лесозаготовители построили школу, свои клубы, магазины, медпункты, бани, библиотеки, бараки для сезонных рабочих. Каждая контора имела гаражи, конюшни и административные здания. Для подвоза древесины на нижний склад на север от поселка пролегла узкоколейная железная дорога.

Совершенствовалась производственная, техническая и бытовая база крупных Лысьвенского и Кыновского леспромхозов. В 1953 году, рассчитывая перспективное истощение лесного фонда в результате интенсивных рубок, руководство Лысьвенского ЛПХ приступило к сокращению Старо-Кормовищенского участка и переводу рабочих в Кормовище. Процесс сворачивания участка шел медленно по мере сокращения фронта работ и продолжался до 1961 года, а пока в поселке электрифицировали и радиофицировали жилые дома, построили новую баню, отремонтировали клуб и общежития.

Среди ранее существовавших лесных участков Лысьвенского ЛПХ большие перспективные планы вынашивались относительно Верх-Лысьвы. Только за 1953 год в поселке был построен 21 четырехквартирный дом и школа семилетка на 140 мест; в 1954 году – 12 четырехквартирных домов, детские ясли, клуб, магазин, столовая, медпункт, пекарня. В поселок пришел электрический свет, в домах появилось проводное радио.

Основные лесозаготовительные массивы хозяйства располагались вдоль реки Потаскуй с участками Верхний и Нижний Потаскуй. Неплохо выглядели производственные показатели по заготовке и вывозке продукции на нижний склад. Значительно активизировалась производственная деятельность леспромхоза после опубликования в прессе и обсуждения в бригадах постановления Совета министров СССР и ЦК КПСС

*Бригада мастера Л. Никуленкова. Л. Якушев, Л. Никуленков,
В. Мелиноков, Н. Попов, Ф. Утробин, К. Лукин.
Парканы. 1957 г.*

«О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности». Развернувшееся социалистическое соревнование возглавили передовики производства механизаторы И. Субботин, В. Захаров и И. Денисов.

Перед Верх-Лысьвенским лесоучастком, превратившимся в основной лесозаготовительный центр леспромхоза, встал важная задача довести к концу пятой пятилетки заготовку и вывозку древесины до 100 тыс. кубометров. Для ее выполнения потребовалось срочно пересмотреть всю линейку мероприятий по переработке и отгрузке древесины потребителям.

Если со сплавом все было понятно, то эстакады и железнодорожные тупики размещать было попросту негде из-за узкой и глубокой долины реки Лысьвы, по левому берегу которой проходила Западно-Уральская железная дорога. Для выполнения поставленных планов пришлось срочно искать новую промплощадку. После недолгих размышлений выбор пал

на соседний железнодорожный разъезд «Невидимка». В 1954-1955 годах начались подготовительные работы по переносу базы лесоучастка на новое место.

Набирал производственные обороты Кыновской ЛПХ. В середине 1950-х годов леспромхоз превратился в одно из крупнейших лесозаготовительных предприятий области. В планировании перспективы своего развития предприятие ориентировалось на результаты работы передовых леспромхозов Молотовской области. В 1954 году кыновляне взяли за образец социалистические обязательства комбината «Комипермлес» со всем набором передовых методик и технологий, наработанных в подведомственных комбинату леспромхозах. Кыновляне поставили целью производить за счет комплексной выработки на одного списочного рабочего не менее 1,05 куб. м леса; за счет правильной разделки хлыстов на сортименты увеличить выход деловой древесины на 2% против плана; снизить себестоимость продукции и сэкономить до 170 тыс. руб. в квартал. Уже в первом квартале года предприятие перевыполнило план заготовки и вывозки древесины и вышло в число передовых леспромхозов треста «Чусовлес». Результаты работы оказались неплохими почти по всем лесоучасткам: Кирпичинский лесоучасток выполнил план на 127,5%, Усть-Серебряный – на 102%, Северный – на 122,5% и т.д. Традиционно высокие показатели в работе показали моторист мотовоза И. Ломакин, шофер Л. Гуляев, электропильщик И. Евдокимов, сучкоруб Е. Пасынкова и другие.

Удачно сработали в первом квартале лесозаготовители Кыновского стройлеспромхоза треста «Губахтяжстрой», выполнившие квартальное задание раньше установленного срока.

Передовые методы труда искали и находили труженики Асовского ЛПХ. В сезон 1954 года руководство предприятия решило не останавливать заготовку и вывозку древесины в связи с проведением сплава, а осуществлять оба мероприятия одновременно. Тщательно скомплектованные сплавные бригады начали сброс древесины, когда талые воды заполнили русла малых рек до вскрытия магистральных водотоков.

Это позволило завершить сплав по реке Лямпа на 2 дня раньше срока, а на реке Дорожные Терси – на 3 дня.

Увеличение лесозаготовительных планов сопровождалось поставками новой техники во все леспромхозы. Наглядно это видно на примере Асовского ЛПХ:

Наименование вновь поступившей техники	1954 г., кол-во единиц	1955., г кол-во единиц
Тракторы:		
КТ-12	8	18
С-80	2	3
С-80-Б	1	1
Электростанции:		
ПЭС-12-200	4	16
ПСЭ-12-50	-	6
Эл. пилы «К-5»	24 ¹	35
Мотовозы:		
МУЗГ-4	2	2
АЛТИ-2	-	1
Платформы	8	20
Автомашины:		
ЗИС-5	4	7
ЗИС-21	11	7
ЗИС-150	2	18/20
ЗИС-151	1	4
Локомобиль	-	2
Погрузочный кран	1	1
кран	-	1
Лошадей:		
по списку	137	Данных нет
рабочих	94	

Расширение технического парка объективно подталкивало руководителей леспромхозов внедрять в производство комплексную механизацию и графическую цикличность, осво-

¹ На валке леса использовали 11 эл. пил, на раскряжке – 13. Таким образом, в каждом из 5 мастерских участках имелся один вальщик с эл. пилой + 1 пила резервная и 2 запасные цепи.

енную передовыми лесозаготовительными предприятиями страны еще в начале 1950-х годов. Говорили об этом много, но в практическую жизнь инициатива внедрялась с трудом. Цикличность предполагала четкую организацию труда, продуманность действий от момента отвода лесосек до погрузки готовой продукции в вагоны или завершения сплавных работ. Вместе с тем, первый этап цикличности – приемка лесосек от лесхоза часто выполнялась формально. Документы о приемке поручались подписывать случайным лицам без проверки отводимых площадей, запаса леса на один гектар, сортиментов, которые можно получить из заготовленной древесины.

Эксплуатационные возможности лесосек не осмысливались до конца и, как результат, появлялись недорубы, исчисляемые десятками тысяч кубометров древесины. В итоге леспромхозам выставлялись штрафы в размере сотен тысяч рублей. В 1954 году в Лысьвенском и Кыновском ЛПХ общая и повторная попенная сумма штрафов составила около 400 тыс. руб.

Сложность графической цикличности заключалась в том, что успех каждой последующей производственной операции зависел от слаженности действий и завершенности предшествующего цикла: валки, трелевки, разделки-раскряжевки, сортировки – штабелевки, подвозки – вывозки древесины и т.д. Перед сплавом много сил и времени отнимала пролыска лиственных пород, заготовленных с 1 мая по 15 августа. Далеко не всегда эти действия выстраивались в одну непрерывную цепочку. Немногим бригадирам удавалось отрегулировать каждый цикл так, что производство древесины превращалось в непрерывный поток.

1 июля 1955 года Совет министров СССР утвердил новые правила отпуска леса на корню. Документ определил нормы ответственности за каждый этап дея-

Е. Устинов. Механик передвижной электростанции. Каменка

тельности лесозаготовителей. В частности, леспромхозы должны выбирать лесосечный фонд в строго установленный срок и в размере отпущенного плана, рационально и в полном объеме использовать его, не допускать недорубов. Устанавливались сроки вывозки заготовленной древесины и очистки площадей от порубочных остатков. За несвоевременную вывозку древесины полагался двойной штраф от ее фактической стоимости. За пень, высота которого превышала допустимые размеры, налагался штраф в размере 5 руб., за некачественную очистку от порубочных остатков штраф составлял 50 руб. с одного га и т.д.

Необходимость комплексной механизации и почасовой цикличности администрация леспромхозов и партийные органы старались внедрить в сознание молодых лесозаготовителей. В сентябре 1955 года горком ВЛКСМ и промышленный отдел горкома КПСС провели собрание с молодыми механизаторами лесопромышленных предприятий района. С анализом проблемных мест и причин невыполнения почасовых, суточных и месячных графиков выступили технические руководители Лысьвенского и Кыновского ЛПХ. Они, в частности, отметили плохую работу механизмов, длительные простои техники из-за поломок и следующих за ними ремонтов, слабые технические знания механизаторов. Руководители технических служб леспромхозов активно пропагандировали агрегатные формы ремонта техники, приобретение передвижных реммастерских, подготовку квалифицированных токарей и слесарей-ремонтников.

Для повышения профессионального мастерства механизаторов в лесоучастках открывались курсы и школы повышения квалификации, школы по обмену опытом, на которых заслуженные лесозаготовители и механизаторы проводили мастер – классы с выходами слушателей в мастерские и лесосеки для проведения практических занятий. Технические руководители читали лекции и демонстрировали наглядные пособия по новой технике, проходившей испытания в ряде леспромхозов области: на дизельных тракторах ДТ-54, ТДГ-35, ТДТ-40, лебедках ТЛ-4 и ТЛ-6, автомобилях «МАЗ-501» и «ЗИЛ-150».

В лесосеках появились мотопилы «Дружба», взамен электропил «К-5», обремененных кабельной системой и электростанциями. На валке леса новая мотопила имела неоспоримое преимущество. Ф. Безбородов, один из первых в Северном лесоучастке Кыновского ЛПХ освоивших «Дружбу», начал заготавливать за смену до 40 кубометров вместо 33 по норме. Вскоре на работу мотопилами перешел весь Мишарихинский лесоучасток, за ним мотопилу освоили лесозаготовители Журавлика и Рассоленко. В результате в Кыновском ЛПХ освободились 8 передвижных электростанций, около 8 тысяч метров кабеля, 9 электромехаников, сократился расход ГСМ.

В Рассохе работу мотопилой «Дружба» в массовом порядке решили освоить комсомольцы. Кружок по изучению нового механизма создал и возглавил секретарь комсомольской организации лесоучастка И. Емелин.

Госзадания 1955 года лысьвенские лесозаготовители выполнили успешно. К декабрю месяцу Лысьвенский ЛПХ добился 156% выполнения плана, Асовский ЛПХ – 150%, Кыновской ЛПХ – 130%.

Удачно выступили во Всесоюзном социалистическом соревновании лесопунктов работники Кыновского ЛПХ, трудившиеся в лесопунктах Темный Лог, Шурыш, Усть-Серебряный, Кирпичный, Вынырок. Средняя выработка на одного рабочего в этих лесопунктах составляла от 1,2 до 1,6 кубометра на человека. В индивидуальном соревновании высокие результаты труда показали рабочий Н. Дерebet из Темного Лога и Д. Рыбаков из Шурыша. По итогам соревнования оргкомитет присудил труженикам Шурыша 2-е место во Всесоюзном со-

Чокеровщик Ю. Стежин. Подает сигнал о готовности пакета хлыстов. Северный. Кыновской ЛПХ. 1959 г.

ревновании лесопунктов и вручил денежную премию в размере 7 тыс. руб.

С трудом выполнял производственные задания Верх-Лысьвенский лесопункт. Переброска конторы Лысьвенского ЛПХ в 1957 году из города в Невидимку и обустройство на новом месте сопровождались внутренними организационно-техническими неурядицами. В серьезную проблему превратилась отгрузка леса из-за отсутствия стропилей. Постоянно ломался автопогрузчик, который халатно отремонтировали в лысьвенской автобазе. Погрузчик приходилось постоянно возвращать в город для ремонта. Сучкорубы из числа сезонных рабочих обрубали сучья так, что перед погрузкой в вагоны сучья приходилось обрубать заново. Нередко сортимент не соответствовал ГОСТу, и бревна приходилось укорачивать перед погрузкой, что сказывалось на сверхнормативном простое вагонов¹. Для ускорения погрузки привлекали работников из лесосек. Увеличение количества рабочих не сокращало время погрузки. Имелись примеры, когда 9 человек загружали 1 вагон за 10–12 часов работы. Лесоучасток нес большие убытки от перерасхода по заработной плате, из-за оставленного на эстакаде леса при переходе бригад в другую лесосеку, из-за плохих дорог от верхнего до нижнего склада, сваленной по бокам дорог древесины.

Проблемой для всех леспромхозов являлась несвоевременная поставка вагонов МПС, получаемых через лысьвенский металлургический завод. Часто ожидание порожняка растягивалось на сутки. Перед тем как прибыть в тупик леспромхоза вагоны стояли в заводе в ожидании попутного поезда в сторону Кына. После погрузки лесопродукции вагоны снова ожидали попутного поезда, на этот раз в сторону Лысьвы. Прибыв в город, вагоны снова стояли в заводе, где формировался состав для отправки заводской продукции. По укор-

¹ *Качественная разделка древесины являлась распространенной проблемой. В августе 1956 года в Матвеевском лесопункте прошел техминимум по изучению требований ГОСТА при разметке и раскряжке хлыстов.*

нившейся практике в леспромхозы вагоны приходили в 17-18 часов. Погрузкой приходилось заниматься поздно вечером и ночью в темноте, тогда как в большинстве случаев на погрузочных площадках не было электрического света. Некоторые мастера советовали грузчикам освещать площадку с помощью костров.

По рекам и железнодорожным магистралям

Лысьвенским лесозаготовителям пришлось затратить немало сил на выполнение планов третьей послевоенной пятилетки. Она проходила по обычной схеме. Первые две-три декады каждого года шли с «раскачкой», хотя именно от них в значительной степени зависели результаты работы всего года. Затем следовало увеличение темпов вывозки ранее заготовленной древесины. Второй и третий кварталы, как правило, заканчивались с отрицательными показателями, первый и четвертый шли с «плюсом», но часто в совокупном выражении с годовыми планами лесозаготовители не справлялись.

Подобную аритмию в работе пытались ликвидировать самыми различными способами. В первую очередь за счет налаживания бесперебойной работы механизмов. Для качественного обслуживания тракторов, автомашин, лебедок создавались мобильные ремонтные бригады. Одну из первых бригад организовали в Матвеевском лесопункте Асовского леспромхоза. В ее состав включили механика, он же бригадир, слесаря и двух трактористов. В распоряжении бригады находилась паронагревательная установка, бокс-профилакторий, набор слесарных инструментов и ходовые запасные части. Члены бригады выполняли не только текущий, но профилактический ремонт с выездом в лесосеки. В результате отдача от работы механизмов в лесосеках повысилась в несколько раз.

Постепенно наладилась деятельность комплексных бригад, работающих по циклическому графику. Бригады, состоявшие из 10–12 человек, отвечали за итоги работы с момента выхода на лесосеку до сортировки и укладки древесины в штабеля на нижнем складе. Итоги работы постоянно освещались в руко-

писных «молниях», стенгазетах, на специальных стендах, установленных на нижнем складе.

Опыт, полученный в результате перехода на циклический график, позволил некоторым мастерам лесоучастков приступить к созданию малых комплексных бригад. Асовский ЛПХ первым полностью перешел на работу силами малых комплексных бригад. В Кыновском ЛПХ вальщик М. Харин первым освоил одиночную валку леса без помощника. Члены успешно работающих комплексных бригад имели хороший среднемесячный заработок в размере 1500–1800 рублей¹.

Незначительное время и небольшие усилия потребовались Кыновскому леспромхозу для организации хлыстовой вывозки леса. Для начала пришлось привести в порядок дороги круглогодичного действия. На мастерских участках расширили отгрузочные площадки, установили отбойные столбы и погрузочные стрелы. К вывозке хлыстов привлекли автомашины «МАЗ-501», «ЗИЛ-151», погрузку осуществляли трактором «КДТ-36», стрелами и лебедками «ТЛ-5». На нижнем складе обновили разделочные площадки, установили бревносвалы, ленточные транспортеры, построили новый железнодорожный тупик и подкрановый путь для отгрузки сортиментов.

Достоинства нового метода вывозки леса в хлыстах стали очевидными, когда его освоили в полной мере. Ускорился грузооборот автомашин, сократилось количество работников в мастерских участках, улучшились условия труда на нижнем складе. В результате вся древесина вывозилась на нижний склад исключительно хлыстами.

¹ Средняя ежедневная зарплата рабочих Асовского ЛПХ в 1955 году выглядела следующим образом:

Вид работы	Ручная	Механизированная
Заготовка	30 руб. 50 коп.	33 руб. 03 коп.
Вывозка (конная)	31 руб. 60 коп.	35 руб. 21 коп.
Подвозка (конная)	34 руб. 80 коп.	34 руб. 71 коп.
Подготовительные вспомогательные работы	24 руб. 42 коп.	Данных нет

В Лысьвенском ЛПХ инициаторами вывозки леса хлыстами стали работники Старо-Кормовищенского лесопункта.

Кыновской ЛПХ, встав на путь активного освоения и внедрения передовых методов труда, первым в районе приступил к освоению пачковой погрузки хлыстов в лесосеках. О том, как хлысты грузили крупными пачками, рассказывал инженер Ю. Приварский: *«Первоначально погрузку производили на лесовозы передвижной пирамидой, состоящей из полозьев и закрепленных к ним стрел. Затем конструкция стала состоять из вкопанных в грунт мачт и неподвижных покатов, уложенных на столбовые опоры»*. Специалисты отмечали в новом методе большие временные затраты и усилия для выравнивания комлей хлыстов и подготовку пачки к погрузке.

Если в Кыновском ЛПХ вывозка хлыстов пачками получила признание, то в Лысьвенском ЛПХ о новом методе заговорили как *«первостепенной задаче»* спустя год. Только в декабре 1958 года, рассматривая решения Ноябрьского пленума ЦК КПСС, коммунисты подняли вопрос о перспективах улучшения работы предприятия на предстоящие семь лет. В повестке дня партийного собрания стояли темы о пакетно-хлыстовой вывозке древесины, массовом освоении мотопилы «Дружба», улучшении организации труда.

Внедрение новых форм и методов работы нередко сдерживалось отсутствием достаточного количества рабочей силы, потребность в которой возрастала год от года. Например, в 1953 году в Асовсом ЛПХ требовалось 312 рабочих, а в наличии имелось 252. В 1956 году потребность в рабочих возросла до 735 человек, а по данным отдела кадров числилось 556 человек¹. Всякое нововведение требовало больших подготовительных работ и значительных финансовых затрат. На первом месте стояло строительство и прокладка ломовской и кормовищенской автолежневых дорог; рассохинской, киселев-

¹ Непосредственно на заготовку древесины требовалось 297 человек, на подвозку – 70 человек, на погрузку 95 человек, на вывозку – 58 человек.

ской и уткинской узкоколейных дорог. Строительство всех этих жизненно важных транспортных артерий задерживалось не только по причине нехватки рабочих рук, но и из-за отсутствия самосвалов, экскаваторов, бульдозеров¹. Руководство Кыновского ЛПХ перевело бригаду Рябиновского лесопункта на подготовительные работы в режиме сезонного функционирования. Зимой бригада А. Безматерных, в основном состоявшая из потомков спецпоселенцев, ударно трудилась на лесозаготовке и вывозке древесины, где постоянно занимала первые места в социалистическом соревновании, а в остальное время ее задействовали на строительстве лежневых дорог, обустройстве дополнительных «усов», разработке лесосек, очистке лесосек от порубочных остатков, ремонте техники, молевых сплавах.

Далеко не последнюю роль в транспортировке древесины занимал молевой сплав. Основными сплавными артериями оставались сравнительно небольшие реки для кыновлян Серебряная, Шурыш, Кын, Свадебная, Кумыш. Зона ответственности за сплав по этим рекам и реке Чусовой составляла до 120 км. Асовцы использовали реки Барду, Асов, Каменку, Шакву; лысьвенцы – реку Лысьву и ее притоки².

¹ На строительство лежневок шло колоссальное количество древесины, в том числе деловой. На ломовскую автотрассу было затрачено 191800 руб., на кормовищенскую – 182085 руб. На проектирование и продление узкоколейных линий в Рассохе требовалось 37187 руб., в Киселевке 15783 руб., в Уткино – Батурытской – 28 тыс. руб.

² По левому притоку р. Лысьвы Большая Запорная в 1935 году за 7 дней на расстоянии 20 км сплавлено 9250 куб. м древесины; за сезон 1962 года Асовский ЛПХ сплавил по реке Каменке в Барду – 58 тыс. куб. м, а по самой Барде – 200 тыс. куб. м; Лысьвенский ЛПХ сплавил по реке Татарке в 1963 году более 6 тыс. куб. м, до 100 тыс. куб. м по р. Лысьве. Для поступления древесины в магистральные реки использовались пересыхающие летом ручьи и речушки. Некоторых из них сегодня уже нет.

Пропускная способность многих рек была сравнительно невелика, поэтому при планировании предстоящих работ приходилось учитывать запасы снега, интенсивность снеготаяния, а с этим и количество времени, гарантирующего плановое проведение молевого сплава.

На небольших реках, таких как Татарка, Сосновка, устраивались накопительные водоемы с помощью запруд. В нужный момент пускался водяной вал, и, таким образом, обмелевшая река получала дополнительные силы.

Накануне сплава специальные бригады проходили вдоль рек, очищали русла от бревен и мусора, там, где это требовалось, устанавливали обоновку.

Заблаговременно готовились плотбища, на которых укладывались штабеля предназначенного для сплава леса. Самый ответственный момент – сбрасывание древесины в воду – осуществляли вручную или с помощью механизмов. Тяжелая ручная сброска требовала большое количество рабочих и занимала много времени при условии, что на сплаве на счету была каждая минута.

Сплавная река, например Лысьва, разбивалась на сплавные участки, а они делились на пикеты, которые обслуживались определенными бригадами.

С 1957 года древесина, подлежащая сплаву по реке Лысьве, сдавалась приемщикам металлургического завода еще будучи уложенной в штабеля перед началом навигации. После заводской приемки леспромхоз производил сброску леса и контролировал сплав до городского пруда, где древесина поступала в распоряжение завода.

Самым сложным участком сплава считался отрезок между Каменным Логом и Соколом. Вдоль русла устраивались боновые заграждения, а ниже – запаны с тем, чтобы ветер и

Вывозка леса. 1959 г.

течение не разгоняли бревна по всей акватории пруда¹. Для вылавливания бревен из пруда и их складирования на берегу требовалось большое количество рабочих. Эта нелегкая работа начиналась с раннего половодья и заканчивалась с ледоставом.

По рекомендации сектора сплава и водных перевозок Союзлеспрома лесной отдел рассматривал несколько вариантов по механизации этого трудоемкого процесса. Обсуждалась выкатка лесоматериала трактором при помощи лебедки, передача работы трактора на несущие троса и даже такой экзотический вариант, как установка в пруду плавучего ворота. Реализация всех предложенных вариантов наталкивалась на сложный рельеф местности прудового правобережья, где традиционно располагались дровяные слады. Наконец, в 1930 году поступило предложение построить элеватор с механической подачей древесины на берег и последующей укладкой бревен в штабеля с помощью лебедки. Рядом с элеватором установили циркульные пилы и колуны для разделки дровяного долготья.

Чтобы ветер и течение не растаскивали древесину по всей акватории пруда, одновременно со строительством элеватора усовершенствовали заграждения в виде бонов, сплоченных из бревен и стальных канатов².

Подобная форма приемки и переработки лесоматериалов просуществовала до конца 1960-х годов.

По годам количество сплавляемого по реке Лысьве леса не было одинаковым. Разница в объемах поступающей в пруд

¹ По воспоминаниям ветеранов, сплав проводился и в летнее время. К июлю месяцу во многих местах реку перегораживали заросли водорослей, на которых случались заторы. Чтобы избежать их, приходилось заходить по пояс в воду и косами скашивать водную растительность. В годы войны за такую работу выдавали дополнительную пайку хлеба, так называемую «пятисотку». Среди сплавщиков бытовала присказка: «Лес – дело темное, сплав – дело пьяное».

² Парфенов, Н. Битва за топливо // «Уральский Кронштадт» в битве за социализм: Лысьва 1919-1940 годы. Пермь, 2020. С. 61–65.

древесины между сплавными сезонами составляла от 30 до 40%. Все зависело от древесины, которую в 1959 году Лысьвенский ЛПХ начал сплавливать по реке Барде. Из 60 тыс. куб. м леса, подготовленного к сплаву, около 45 тыс. куб. м предназначалось к сплаву именно по Барде. Сократились сроки работ на реке Лысьве. Если в предыдущем, 1958 году, сплав занял 14 дней, то в 1959 году всего 6 дней.

Основным получателем продукции, сплавленной по Лысьве и ее притокам, являлся лесотарный цех металлургического завода. По данным за 1962 год для производства тары укупорочному цеху завода требовалось 15 тыс. кубометров дощечки и брусков. Более 7 тыс. тонн древесной стружки (древесной шерсти) шло на укупорку эмалированной посуды. Значительное количество лесоматериалов уходило на капитальный ремонт жилья и строительство новых домов силами завода, а также на отопление жилищ заводских рабочих.

В течение ряда лет значительные объемы древесины использовали горпромкомбинат, артели «Красный обозостроитель» и «X лет Октября» для ремонта городского жилого фонда и строительства.

К концу восьмой пятилетки значительных успехов добился далекий от сплавных рек Кумышанский лесопункт. В 1957 году предприятие вывезло железнодорожным транспортом 47570 куб. м древесины, а в 1958 году – 61739 куб. м. Рост объемов производства осуществлялся за счет увеличения комплексной выработки на 33 куб. м и снижения себестоимости одного куб. м почти на 6 руб. Достигнутые успехи сопровождались умелой работой с кадрами, формированием постоянного контингента работников, применением комплексных норм и расценок, удачными организационно-техническими мероприятиями, продуманной системой заработной платы.

Год от года в районе увеличивалась заготовка леса. Только за один 1958 год удалось заготовить около 1200 тыс. куб. м древесины, в том числе: Асовский ЛПХ – 350 тыс. куб. м, Лысьвенский ЛПХ – 280 тыс. куб. м, Кыновской ЛПХ более 150 тыс. куб. м, Куйбышевский лесоучасток – 73 тыс. куб. м, Кунгурский лесоучасток около 57 тыс. куб. м и т.д.

В поход за технический прогресс

Лесные ресурсы Лысьвенского района казались бесконечными. По данным старшего лесничего Лысьвенского лесхоза Н. Заленского, на конец 1950-х годов запасы спелой и перестойной древесины составляли 33 миллиона кубометров. Иллюзии о неиссякаемых сырьевых источниках, постоянные подхлестывания партии и правительства по увеличению государственных планов лесозаготовок побуждали хозяйственных руководителей нарушать нормы и правила лесопользования. При переезде из лесосеки в лесосеку около эстакад оставались сотни кубометров сортимента, а на низкосортную древесину подчас вообще не обращали внимание. Нормой была практика оставлять недорубы, особенно в местах, откуда лес было трудно взять. Притчей во языцех оставались разговоры об использовании отходов лесозаготовок: вершинника и сучьев. По прикидкам Н. Заленского от суммарных объемов годичной рубки в лесу оставалось до 50 тыс. куб. м древесины и 120 тыс. куб. м отходов.

В декабре 1958 года в Перми состоялась производственно-техническое совещание руководителей леспромхозов и трестов по теме рационального использования лесных ресурсов. Среди основных проблем проговаривалась озабоченность относительно использования отходов лесозаготовок. К отходам относились все порубочные остатки, в том числе и сучья, но по существующим правилам все это полгалось сжигать. Сучья, кора и другие отходы рассматривались как источник возникновения лесных пожаров. В редких случаях, как, например, в Кормовищенском и Куйбышевском лесоучастках вершинник и лесоотходы использовались для производства тарной дощечки.

Дальнейший рост лесозаготовительных планов на семилетку 1959–1965 годов обязывал леспромхозы не просто увеличивать объемы продукции, но искать более совершенные формы и методы рубки, вывозки и обработки древесины. Центральные партийные органы призывали включиться во Всесоюзный поход за технический прогресс. В ответ первичные партийные и профсоюзные организации обсуждали содержание

договоров о социалистическом соревновании среди бригад и леспромхозов, комсомольцы брали обязательства вступить в движение за присвоение звания бригады коммунистического труда. Образцы ударной работы, пропагандируемые центральными средствами массовой агитации, находили отклик среди лысьвенских лесозаготовителей. По примеру ткачихи Валентины Гагановой из Вышнего Волочка бригадир рассоленковского мастерского участка И. Лыков перешел в отстающую бригаду, где работы было больше, а зарплата ниже. Благодаря умелой расстановке членов бригады по рабочим местам и результативному использованию техники Лыков вывел бригаду в число передовых коллективов Кыновского ЛПХ.

Кыновская партийная организация активно пропагандировала инициативу Ветлянского ЛПХ комбината «Комипермлес», принявшего решение довести выработку на одного рабочего до 1000 кубометров в год. Понимая, что такой выработки в короткий срок добиться не удастся, партком призвал рабочих леспромхоза для начала освоить выработку на одного рабочего в размере 510 кубометров в год.

Очень неровно начал семилетку Лысьвенский ЛПХ. Выйти из прорыва помог опыт Ашапского лесопункта Уинского ЛПХ, изучать который ездили представители Невидимского лесопункта. Ашапские лесозаготовители освоили погрузку хлыстов траншейным способом. Суть новации заключалась в том, что перед погрузкой бульдозер готовил траншею глубиной до 1,5 м, шириной до 3 м и длиной до 40 м. На три направляющих бревна укладывали пачку хлыстов и к двум пням цепляли концы двухстропового троса. Погрузочная площадка была готова. Машину с прицепом загоняли в траншею. Стропами, зачокерованными концами за пни, обвязывали пачку хлыстов, тогда как другими концами, прикрепленными к лебедке трактора «ТДТ-40», втаскивали пачку на автомашину. Траншейную погрузку хлыстов освоили 14 комплексных бригад Невидимковского лесоучастка. Немудреный, в общем-то способ, но лесозаготовители получили значительную экономию времени при погрузке, экономию дефицитного троса, облегчили и сделали более безопасным труд рабочих при

Нижний склад. Невидимка. 1965 г.

погрузке. На нижнем складе для устранения ручного труда установили сортировочный транспортер.

По-своему организовали работу лесозаготовители Старо-Кормовищенского участка. Из-за сокращения лесосырьевой базы основные силы участка перебрались за 20 километров от поселка в верховья реки Барды.

На новом месте внесли небольшие коррективы в организацию трудового распорядка. Из пяти человек организовали строительную бригаду, которой поручили возводить разделочные эстакады на новых лесосеках перед перебазировкой. До этого бригады сами занимались изготовлением эстакад, так что на перебазировку уходило от 4-5 или даже больше дней. Небольшая корректива организации труда позволила затрачивать на переезд не больше 1-2 дней. Кроме того механик Дулепов организовал профилактический ремонт техники во вторую смену. В результате снизились простои бригад.

Несмотря на очевидные успехи, трудовой ритм лесозаготовительных предприятий оставаться неровным. Поквартальное выполнение производственных планов по лесозаготовкам и вывозкам древесины то отставало, то вырывалось вперед. Среди множества причин неритмичной работы выделялись: разбросанность лесозаготовительных лесосек, их удаленность от пунктов отгрузки готовой продукции потребителям, организационные просчеты управленцев от директоров ЛПХ до мастеров. И все же движение вперед было. Год от года увеличивались объемы поставляемой государству древесины, механизировался ручной труд, снижалась себестоимость кубометра древесины, росла производительность труда, улучшались условия жизни лесозаготовителей в поселках.

Механизированная посадка елей. Поселок Шаква. 1982 г.

Быстрыми темпами механизировался Кыновской ЛПХ. Повсеместно внедрялась новая техника и технологии, нормой стала подвозка хлыстов с кроной, безмачтовая крупнопакетная погрузка древесины, внедрение мощных кабель-кранов и консольно-козловых кранов с грейферным захватом, строительство шпально-тарного цеха в Кыну и лесопильно-тарного в Рассоленко. В ходе технического переоснащения состоялась реконструкция нижнего склада в Кыну и строительство нового склада в Рассоленко. Значительным событием в энергообеспеченности производства стало строительство высоковольтной электролинии Лысьва – Кын. Дополнительная электроэнергия и передел сырьевой базы между Кыном и Кормовищем позволили Кыновскому ЛПХ расширить деревообрабатывающее производство.

Повсеместная механизация лесозаготовительного процесса сопровождалась озабоченностью работников леса вопросами охраны и воспроизводства лесных богатств. В этой связи была предпринята попытка объединить Лысьвенский ЛПХ и Лысьвенское и Соинского лесничества с площадью 102 тыс. га.

Бригада А. Борисова. Асовский ЛПХ. 1970 г.

Восстановление лесов являлось отнюдь не добрым пожеланием леспромхозов. Этого требовал Закон РСФСР «Об охране природы», принятый 27 октября 1960 года. Статья 5 «Охрана лесов» гласила: *«Все лесопользователи обязаны осуществлять комплекс лесохозяйственных мероприятий, направленных на быстрое возобновление лесосек...»*.

Объединение лесничеств с леспромхозом оказалось неудачным, и они скоро вернулись под лоно государственного лесхоза, для которого охрана и лесокультурные работы оставались главным направлением деятельности. В 1967 году в состав восстановленного ранее Лысьвенского лесхоза вошла часть лесных кварталов Пермь-Сергинского лесничества Комарихинского лесхоза.

Каждой весной для всех семи лесничеств наступала горячая пора по подготовке и проведению лесопосадок. В мае 1966 года Кыновское лесничество сообщало, что рабочие сельпо выведены на посев семян ели на площади 26 га. Для оценки ситуации на местах, контроля лесопосадок, оказания помощи в лес выезжали специалисты лесхоза. 23 мая 1967 года главный лесничий лесхоза Г. Д. Князева докладывала о результатах поездки: *«В Лысьвенском лесничестве работа идет*

нормально, ежедневно работает 40–50 человек. Посмотрела и проверила посадки Лысьвенского ЛПХ. Качество у них плохое. Посадочных мест на 1 га составляет только 1500–1600 штук, поэтому требуется дополнительная посадка... В Соинском лесничестве работают в большинстве школьники. Посадку проводят на чистом месте, поэтому решили увеличить посадочные места до 7–8 тысяч штук на 1 га».

Анализ сводных актов приемки лесосультур за 1967–1978 годы показал, что все лесничества последовательно отказывались от посева в пользу посадки хвойных пород деревьев, главным образом ели и отчасти сосны. Так, с 1967 по 1975 год были засеяны 588 га, а с 1972 по 1978 год 4524 га засажены двух-трехлетними саженцами.

Характерной особенностью лесовосстановительных работ являлось то, что лесхозу приходилось собственными силами заготавливать семенной фонд. Результаты этой работы подчас зависели от урожая шишек в лесах. Например, в 1967 году план удалось выполнить всего на 60%, тогда как в урожайном 1970 году только за декабрь месяц удалось заготовить 590 кг семян.

Общественность города с пониманием относилась к деятельности лесхоза в вопросах охраны и восстановления лесов района. В ответ о принятии Закона «Об охране природы» Лысьвенский горисполком издал постановление о запрете рубки леса в радиусе 10 км от города в лесах государственного земельного фонда¹, а любители природы и энтузиасты создали городское отделение общества охраны природы. Его членами стали рабочие, учащиеся, учителя, работники лесхоза.

Городской комитет партийно-государственного контроля проверил работу Асовского ЛПХ на основе «Правил отпуска леса на корню в лесах СССР». В отчете было сказано, что *«лес вырубается хаотично, выбираются только хвойные породы, а дровяной и лиственный остаются в недорубах.*

¹ По всей вероятности, в настоящее время постановление не работает, т.к. активно вырубается леса в районе так называемого «Паинцевского отворота».

Лесосеки очищаются плохо. Таким образом, остается до 126 тыс. кубометров не вырубленного и 33,5 тыс. кубометров не вывезенного леса. Подрост уничтожается». За выявленные нарушения комитет госпартконтроля наложил на директора леспромхоза начет в размере месячной заработной платы. В свою очередь гослесхоз усилил контроль за нарушителями «Правил отпуска леса в лесах СССР». В частности, 24 января 1965 года на совещании при директоре А. А. Журавлеве был рассмотрен вопрос о нарушении наставления по отводу и таксации лесосек при выписке лесорубного билета Лысьвенскому лестранхозу Свердловской железной дороги (Обманка) на рубку 5035 куб. м леса.

Впервые представители общественности начали поднимать вопросы, связанные с рациональным использованием лесных запасов района. Член городского отделения общества охраны природы Б. Емельянов публиковал в городской газете статьи и заметки о бережном отношении к лесу, обращался к лесозаготовителям не оставлять заготовленный лес в делянках, призывал активней заниматься лесовосстановлением и озеленением городских улиц. Защищая от хищнических порубок зеленую зону города, он, например, подсчитал, что за 1961-1962 год в окрестностях города нарублено 4500 куб. м дров, заготовлено 13800 штук жердей и 1600 кольев для ремонта ограды животноводческих поскотин. В совокупности на жерди и колья было срублено около 15 тыс. молодых деревьев.

Благовидный предлог для уничтожения зеленой зоны города создавали так называемые сельскохозяйственные потребности. Лес рубили якобы для расширения пахотных угодий, имея на то законным образом полученные лесопорубочные билеты. Однако на рубке леса все и заканчивалось. По подсчетам любителей природы, таким образом в зеленой зоне города «хозяйничали» 28 организаций на площади около 4500 га.

Член общества охотников и рыболовов Е. Ширинкин писал: *«Сейчас леса вокруг Лысьвы настолько поределели, что горожане заготавливают дрова за 25–28 километров. Если вздумаете сходить за рябчиками на речки Малый Вашкор, Татарка, Потаскуй, Бурсыяк, Большая и Малая За-*

порная, то вы здесь подходящего леса не найдете. Не найдете и прежде знакомых вам ключиков и ручейков... Лес в верховьях Малого Вашкора вырублен. Массивы леса на Татарке, Градобоевке, Бурсяке, Черной обгорели... не стало зеленого друга и на речках Грязнуха, Глухарка, Кулябьячка, Зенковка...».

Откликнулись на принятие Закона об охране природы комсомольцы и молодежь города и села. С целью оказания помощи лесозаготовителям по приведению в порядок лесосек после вырубki леса проводились так называемые «недели бурелома». Сотни юношей и девушек собирали в отработанных делянках порубочные остатки и сжигали их в кострах.

Более открытой для населения стала деятельность лесхоза. На цеховых собраниях и встречах с горожанами лесники озвучивали результаты проверок, проведенных в леспромхозах и лесозаготовительных организациях. От них жители района узнавали, что в Лысьвенском ЛПХ лес вырубался там, где его было легче взять. За счет плохо подготовленных лесосек и выборки только хвойных пород оставались большие недорубы, а высота 4630 пней превышала установленные нормы. Что касалось лесовосстановления, то проверяющие отмечали, что на площади 1 тыс. га плохо готовилась почва под посадки, нарушалась агротехника, срывались сроки посадки, а средняя приживаемость елей и сосен составляла меньше 70%.

Вследствие повышения государственного и общественного интереса к проблемам рационального использования и охране лесов появлялись различные нормативные акты, регламентирующие правила лесопользования. При этом нередко одни документы противоречили другим, не согласовывались друг с другом. Например, лесоустроитель горисполкома имел право выписывать гражданину лесопорубочный билет на заготовку 50 хлыстов для строительства дома. В случае превышения разрешенной нормы порубка считалась незаконной и на нарушителя составлялся акт. Однажды такой акт был составлен и передан в суд, но суд не принял документ к рассмотрению, так как заявитель не являлся работником лесного ведомства и потому, якобы, не мог составлять акты. В свою очередь

лесничий Лысьвенского ЛПХ отказался оформлять акт о незаконной порубке, мотивируя это тем, что леса принадлежали госфонду, а не леспромхозу.

Трудиться как костромич Геннадий Денисов

Формально о сохранении леса и его будущем заботились не только работники лесхоза, но и сами лесозаготовители. В начале 1960-х годов широкую известность получила инициатива костромского лесоруба Г. Денисова о сохранении подроста при проведении трелевки леса. Об этом много говорилось на всевозможных активах и собраниях. Однако непосредственно в производство денисовский метод внедрялся очень медленно. При этом партийные и хозяйственные руководители леспромхозовнаперебой докладывали, что именно они «первыми» освоили узколенточный способ лесозаготовки.

По неподтвержденным данным, «первыми» денисовский метод разработки лесосек методом узких лент начали внедрять две бригады Мишарихинского лесоучастка Кыновского ЛПХ. По новой технологии они укладывали деревья вершинами к волоку и трелевали их за вершину. При этом чокеровка производилась также за вершину, так что хлыст вытаскивался без поворота. За один рейс трелевочный трактор брал до 9 кубометров древесины. Считалось, что с помощью этого метода удавалось сохранить от 50 до 90% подроста, а на вырубленных пасеках не надо проводить посадку леса. В результате отпадала необходимость тратить средства на дорогостоящие восстановительные лесокультурные работы.

Очень скоро метод Г. Денисова получил дальнейшее развитие и совершенствование в многочисленных леспромхозах страны. В Пермской области за образец брался опыт работы Троицкого ЛПХ треста «Прикамлес».

Усовершенствованный метод схематично выглядел следующим образом. На лесосеке площадью 250х250 м бригада прорубала по диагонали магистральный волок шириной около 6 м. Под углом к нему прокладывались пасечные волока ши-

риной 5 м. При этом деревья срубались заподлицо с землей, что значительно способствовало сохранности трелевочной техники. Затем определялось место и разрубалась погрузочная площадка, после чего бригада делилась на 2-3 звена в

составе вальщика и помощника. Количество звеньев часто зависело от вальщиков, которых хронически не хватало во всех хозяйствах. Начав работу, вальщики старались свалить дерево вершиной в сторону погрузочной площадки, не пересекая волок. После валки, обрубки сучьев и чокеровки готовилась пачка хлыстов и начиналась трелевка. Движение осуществлялось исключительно по пасечным и магистральным волокам. Метод Троицкого ЛПХ на 10–15% повышал производительность труда, способствовал сохранности техники и, что немаловажно, 70–80% подроста и молодняка.

Среди лысьвенских лесозаготовителей одними из первых троицкий метод освоили в Каменском лесоучастке Асовского ЛПХ осенью 1963 года. Бригады заготавливали до 70 куб. м древесины за день. Спустя год бригада М. Ермакова заготавливала 1379 куб. м (данные за август 1964 года), А. Старцева – 1376 куб. м, Г. Адгамова – 1354 куб. м, М. Овечкина – 1351 куб. м древесины. Выросла зарплата лесозаготовителей. Если в октябре 1963 года вальщики Батурятского лесоучастка Власов и Соснин получали 152 руб., то в октябре 1964 года – 236 руб.

Внедряя новый метод лесозаготовки, руководители хозяйств наперебой рапортовали о хорошей сохранности подроста. Например, кыновляне докладывали, что за полгода им удалось «сохранить» подрост на площади 420 га.

Специфика лесопромышленного производства предполагала необходимость широкой разбросанности лесопунктов и

Погрузка хлыстов трактором-краном. Рассоленко

*И. Герасимов
на раскряжовке хлыстов.
Нижний склад
Кыновского ЛПХ. 1961 г.*

лесосек на больших площадях. Это порождало значительные производственные и социальные проблемы. Не помогала даже телефонная сеть и радиосвязь. В Асовском ЛПХ общая длина телефонных линий составляла более 100 км. Магистральная трасса от Шаквинского пункта до Рассохи называлась «телефонкой». В конторах имелись радиопередающие станции.

На бытовую сторону жизни лесозаготовителей телефонная и радиосвязь не оказывали никакого влияния. Этими благами цивилизации пользовались служащие конторы. Для улучшения социально-бытовых условий жизни лесных жителей секретарь партийной организации Лысьвенского ЛПХ Д. Медовщиков предложил изменить существующие территориально-административные границы ря-

да сельсоветов. 9 октября 1960 года он писал в газете «Искра»: *«На мой взгляд назрела необходимость пересмотреть границы сельских Советов. В настоящее время колхоз имени Ленина находится на территории трех сельсоветов: Матвеевского, Саинского и Залеснинского. Не целесообразнее ли будет территорию Саинского сельсовета присоединить к Матвеевскому и в то же время от Матвеевского сельского Совета отрезать Кормовищенский куст, при этом площадь его останется примерно такой же, как сейчас? Вместо Саинского сельского Совета образовать Кормовищенский, в который войдут лесоучастки: Кормовище, Старое Кормовище, 6-й километр, Невидимка и Верх-Лысьва. Количество сельских Советов останется прежним, но в этом случае бу-*

дет усилено влияние Советов на жизнь поселков лесозаготовителей». Горисполком воспринял с пониманием обращение парторга и изменил границы и центры сельских Советов¹. Жители лесных поселков получили возможность шире пользоваться услугами торговли, здравоохранения, правоохранительных органов.

Пламенные призывы отдать все силы выполнению планов семилетки и насыщению предприятий новой техникой сопровождались строительством новых лесных поселков Невидимка в Лысьвенском ЛПХ, Ломовка – в Асовском ЛПХ, Журавлик и Мишариха в Кыновском ЛПХ. Жилье и инфраструктуру возводил машино-дорожный отряд № 91. Строительно-монтажные работы велись поспешно, сдаваемые в эксплуатацию объекты имели крайне низкое качество. Жилые дома, большей частью сборно-щитовые, в зимнее время промерзали, имели много недоделок. Значительное место в жилом фонде леспромхозов занимали бараки (общежития), еще хуже приспособленные для проживания сезонных работников. Несколько лучше качество жилищного строительства выглядело в Невидимке, где для возведения жилья использовался круглый лес или брус. Новые поселки буквально утопали в грязи.

Для обслуживания населения поселков ОРСы открывали магазины, столовые, пекарни. Асовский ОРС открыл пять торговых точек в Ломовке, две в Кормовище, построил в этих поселках новые пекарни. В магазинах расширился ассортимент продовольственных и промышленных товаров.

Дети лесозаготовителей, получавшие начальное и семилетнее образование, все более тяготели к продолжению обучения в средних школах, училищах и техникумах. После войны бурное развитие получило библиотечное дело. В 1952 году жители Кормовища на общественных началах построили клуб, в котором отвели место под небольшую профсоюзную библиотеку. Через два года в лесных поселках появились еще 4 библиотеки с книжным фондом более 500 экземпляров.

¹ В результате АТД появились Кормовищенский с/с Лысьвенского района; Матвеевский и Саинский с/с Березовского района.

Районная библиотека организовала около 20 передвижных библиотек, систематически разъезжавших по лесопунктам и отдаленным деревням. Спустя 10 лет в районе насчитывалось 115 библиотек и библиотечных пунктов.

Совместно с учителями и учащимися старших классов библиотечные работники оформляли книжные выставки общественно-политической и новой научно-технической литературы, проводили беседы и лекции, на которых пропагандировался передовой опыт победителей социалистического соревнования, освещались вопросы внутренней и внешней политики СССР. В 1974 году после создания Лысьвенской районной централизованной библиотечной системы в Кыну, Кормовище, Кумыше, Рассоленко, Мишарихе, Невидимке, Шакве, Кордон-Терси открылись филиалы центральной библиотеки, что позволило целенаправленно укреплять материально-техническую базу поселковых библиотек, заниматься подбором и расстановкой кадров. Активно использовали помощь сотрудников библиотек руководители партийных и профсоюзных организаций леспромхозов для пропаганды очередных решений партийных съездов, конференций, пленумов, собраний.

Значительным событием в политической и массовой работе партийных и профсоюзных организаций леспромхозов явился 22-й съезд КПСС, открывшийся 17 октября 1961 года. По советской традиции подобные мероприятия должны были побуждать рабочих и колхозников принимать повышенные обязательства, ударным трудом доказывать свою приверженность идеям строительства коммунизма, но ...гладко было на бумаге...

Невыполнение лесозаготовительных планов накануне и после съезда приобрело хронический характер. Социалистические обязательства довести комплексную выработку на одного рабочего до 500 куб. м в год не выполнил ни один леспромхоз. За первое полугодие фактическая выработка составила 233 куб. м на одного работника. В Кыновском ЛПХ особенно сложная ситуация сложилась на вывозке древесины. По плану за 1-е полугодие лесовозы предприятия должны отработать 4697 смен, а отработали 2861 смену, трелевочные

трактора из 6322 смен по плану отработали 3680 смен, погрузочные краны использовались на 50%.

Большая задолженность сложилась в Асовском ЛПХ, хотя еще год назад леспромхоз получил 17 новых «ТДТ-60», 2 бульдозера, 1 «С-100», 15 «МАЗов», полностью перешел на работу бензопилами «Дружба». В результате поступления новой техники снизились трудозатраты: если в начале 1960-го года они исчислялись в 965, то в конце года – в 590 человеко-дней. Спад в работе произошел в первом полугодии 1961 года. В Рассохе и Кордоне Терси, отстающим по лесозаготовке и вывозке древесины, отказались от механизированной и перешли на ручную штабелевку. При формировании штабелей рабочие не подвозили необходимое количество прокладок, в результате чего усложнялся сброс леса в реки при сплаве.

Анализируя положение дел в лесопромышленных предприятиях, в отчетном докладе 34-й городской партийной конференции секретарь горкома А. Денисов отметил, что *«все леспромхозы не выполнили план по валовой продукции»*. С резкой критикой и призывом к работникам лесозаготовительных организаций приложить все силы для выполнения планов семилетки обратились депутаты 5-й сессии горсовета.

Горкому партии пришлось принимать срочные меры. На общегородском собрании партийно-хозяйственного актива секретарь ГК КПСС О. Буторин подверг обоснованной критике директора Кыновского ЛПХ за пьянство и потерю авторитета. Критика не возымела действие. За январь 1962 года леспромхоз задолжал 2100 куб. м леса. Началась смена директоров. Один за другим в хозяйстве сменились четыре руководителя. Помимо директоров за год сменились 11 мастеров и 3 руководителя лесоучастков. Упала производственная дисциплина. За первый квартал зафиксировано 272, за 9 месяцев 778, а всего за год – 850 прогулов. 5 марта не работали Рассоленковский и Рябиновский лесопункты.

Партком леспромхоза попытался переломить разброд в работе с помощью организации социалистического соревнования за звание лучшей лесозаготовительной бригады лесной промышленности СССР. Однако это мероприятие прошло вя-

ло и никак не повлияло ни на повышение производительности труда, ни на трудовую дисциплину.

30 октября 1962 года бюро ГК КПСС провело заседание с повесткой дня «Об использовании техники в Кыновском ЛПХ». В постановлении отмечалось, что годовой долг по поставкам древесины превысил 20 тыс. куб. м. Произошло удорожание продукции на 126 тыс. рублей. Из 26 бригад на лесозаготовках действовало всего 16. Плановые ремонты техники не проводились.

Горкому КПСС пришлось приложить значительные усилия для повышения роли партийных и профсоюзных организаций в деле стабилизации деятельности леспромхозов и выполнения государственных планов. В основу агитационно-организационной работы с трудовыми коллективами было решено положить областное движение промышленных предприятий и строителей «За Западно-Уральский миллиард». В качестве базового документа для работы пропагандистов предлагалось использовать Обращение представителей промышленности и строительства Западно-Уральского экономического района ко всем труженикам Пермской области, принятое в мае 1963 года, *«в оставшиеся три года семилетки выдать сверхплановой продукции на миллиард рублей»*.

Вслед за областным совещанием состоялся расширенный пленум ГК КПСС. Секретарь горкома партии С. Мокроносов снова критиковал директоров Кыновского и Лысьвенского ЛПХ, Чечено-Ингушской ЛЗК за плохую работу¹. Бюро Пермского ОК КПСС регулярно требовало от Лысьвенского горкома развернутую информацию о перспективах улучшения работы леспромхозов. О том, какого рода информация поступала в Пермь, можно судить по материалам заседания ОК КПСС от 22 октября 1963 года. Руководители хозяйств докладывали,

¹ В августе 1963 года бюро ГК КПСС заслушало отчет директора Лысьвенского ЛПХ Д. Савельева о вкладе леспромхоза в Западно-Уральский миллиард. В ходе обсуждения выяснилось, что руководитель слабо представлял себе цели и задачи Обращения, принятого на областном совещании.

что в 1962 году они механизировали штабелевку и погрузку леса, механизировали и автоматизировали разделку хлыстов на нижнем складе в Невидимке, механизировали сортировку леса тросовым транспортером в Кыну и т.п. Информацию презентовали как первоначальный вклад в Западно-Уральский миллиард.

Усилия горкома партии добиться ритмичной работы и безусловного выполнения планов лесозаготовительными предприятиями района не приносили успехов. Выступая с отчетным докладом на 35-й городской партийной конференции, секретарь ГК КПСС А. Денисов упрекал руководителей и коммунистов в том, что они *«забыли о главном, о повседневных поисках и использовании внутренних резервов производства»*. Активизировать работу партийных руководителей и рядовых коммунистов призывало бюро ЦК КПСС по РСФСР. Оно требовало в массовом порядке довести комплексную выработку по вывозке леса на одного рабочего до 1000 кубометров и увеличить объем лесозаготовок на 41%. Только отдельные бригады Рассоленковского лесоучастка Кыновского ЛПХ В. Чудинова, И. Старцева, Н. Дылдина, Лысьвенского ЛПХ П. Горелко, Н. Горбушина выходили на производство 1000–1100 куб. м древесины в месяц.

Ценой огромных усилий к концу года леспромхозы выполнили планы по валовой продукции, но хронически отстали по поставкам ценной деловой древесины. За «штурмовыми» ноябрем и декабрем, как правило, следовали провальные месяцы начала года. Например, только за март 1964 года все леспромхозы имели долг в размере 4,2 тыс. куб. м, в том числе 3,6 тыс. куб. м по деловой древесине.

Если крупные лесозаготовительные организации по валу все же справлялись с планами, то небольшие – Краснодарский ЛПХ, Чечено-Ингушская лесозаготовительная контора, Кумышанский лестранхоз – по итогам года имели выполнение не больше 88%. И это при том, что план Чечено-Ингушской конторы предусматривал заготовку всего 52 тыс. куб. м леса, равный объемам среднего мастерского участка крупного леспромхоза. В распоряжении семи бригад ЧИЛЗК имелись

14 лесовозов, достаточное количество трелевочных тракторов, хорошо оборудованный гараж, нижний склад, погрузочная техника. В сравнительно небольшом коллективе в управленческом аппарате ЧИЛЗК числились директор, главный инженер, начальник лесоучастка, два мастера и два десятника, имелись бухгалтеры, плановики и снабженцы, т.е. штат руководителей был непомерно раздут.

Трудно разрешимой проблемой, сдерживающей выполнение планов, являлись дороги. Магистральная Понышская трасса Лысьвенского ЛПХ длительное время не ремонтировалась. 4,7 км автолежневки были почти непроезжими. Для езды по ней требовались навыки классных мастеров фигурного вождения автотранспорта. В сотом квартале машины с лесом таскал трактор. Около 300 метров дороги нужно было срочно устлать железобетонными плитами. По словам шофера А. Багаева: *«За один рейс шофер так изматывается, что трудно продолжать работу»*. Вместо 4-5 рейсов за смену водители с трудом делали одну – две ходки. В результате выработка на одну машину в Невидимке составляла 50%, в Кормовище – 30%.

В соответствии с договором Чусовское СМУ должно было построить Кормовищенскую дорогу из бетонных плит, но сроки завершения работ затягивались, да и сама дорога имела множество изъянов. Наконец, в 1965 году работы завершились, но тут выяснилось, что на протяжении 12 километров около ее отсутствовал лесосечный фонд. Пришлось строить дополнительные вывозные дороги к магистральной трассе. С этой целью срочно организовали машино-дорожный отдел,

Лесник Соинского лесничества В. А. Злобин и главный лесничий лесхоза Г. Д. Князева. 1975 г.

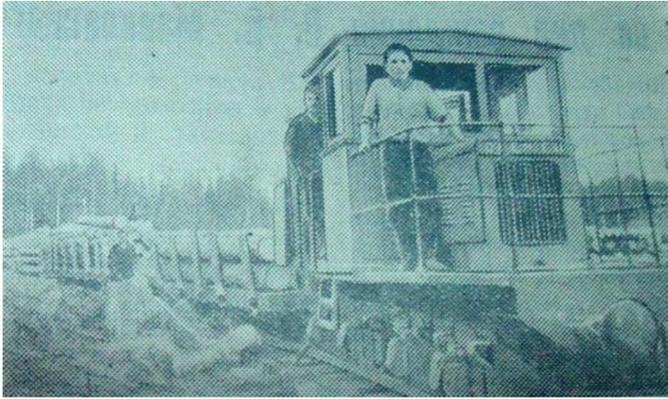
который снабдили экскаватором, бульдозером, пятью самосвалами, автогрейдером и прицепным катком.

Не просто было с дорогами в Кыновском ЛПХ, где 7 лет не ремонтировалась Чизминская дорога. Выступая на 37-й городской партийной конференции, директор Кыновского ЛПХ заявил, что хозяйство приступает к строительству дороги с бетонным покрытием. Срочная потребность в новой качественной дороге была вызвана тем, что уже в предстоящем 1966 году леспромхоз должен был подвозить к железной дороге до 300 тыс. куб. м древесины. Пока же вопрос с ремонтом «усов» и временных дорог решался с помощью так называемого метода «на хворостяной подушке». Он был прост. На прорубленный и освобожденный от леса «ус» наваливали мелкие порубочные остатки и сучья, утрамбовывали их, сверху насыпали землю и щебенку, которую также трамбовали. Метод «хворостяной подушки» получил довольно широкое применение во многих лесозаготовительных организациях¹.

Вслед за кыновлянами его использовали лесозаготовители Кумышанского лестранхоза из бригады А. Сердюкова. Качественная подготовка волоков сказалась на резком увеличении объемов вывозимой продукции из лесосек на нижний склад. План первого полугодия 1965 года Кумышанский ЛПХ выполнил на 110%. Инженер лестранхоза И. Смотрин говорил: *«Не трактор трелюет, а хороший волок. Не машина везет, а дорога».*

В Асовском ЛПХ ремонт требовали все 71 км лесовозных

¹ Аналогичный метод строительства дороги с подстилкой из порубочных остатков использовали еще до войны работники лесотарного цеха металлургического цеха. Вдоль правого берега заводского пруда они проложили дорогу протяженностью более километра от Соснового болота до цехового элеватора из вершин деревьев и сучьев, поверх которых насыпали некрупный бутовый камень. Дорога хорошо прослеживалась во время спуска воды из акватории пруда при проведении ремонтных работ на заводской плотине.

Моторист И. К. Субботин. Старое Кормовище. 1960 г.

дорог, стоящих на балансе предприятия. Отвлекаясь на восстановление магистральных трасс, асовцы не уделяли внимания плановому обустройству 11,5 км «усов». Об использовании метода «хворостяной подушки» в леспромхозе говорили, но широкого применения в ремонте «усов» он не нашел. Исключение, разве что, составлял Кордон Терсинский лесоучасток. Попытки компенсировать отсутствие дорог за счет траншейной погрузки и вывозки древесины по узкоколейке были результативны только в летний период. В целом же, задержки в прокладке новых дорог и плохое содержание имеющихся трасс, ставило Асовский ЛПХ в довольно затруднительное положение. Причина заключалась в том, что лес, который годами выбирался вдоль Барды и по реке же сплавлялся, заканчивался. Вырубки отодвинулись на расстояние от 6 до 10 км от реки. Одними трелевочными тракторами, которые по нормативу должны трелевать лес на расстояние до 3 км, уже не было возможности подготовить к сплаву тысячи кубометров древесины. Для вывозки нужны были дороги и автомашины. Постепенно Асовский ЛПХ сдавал позиции передового лесозаготовительного предприятия.

В завершающем году семилетки в число лидеров лесозаготовки Лысьвенского района вышел Кыновской ЛПХ.

В предприятии закончился трудный период подбора и расстановки руководящих кадров, среди которых заметно выделялся начальник Рассоленковского лесоучастка В. А. Андриянов. Улучшилась подготовка механизаторов и проведение организационно-технических мероприятий, создавались малые комплексные бригады (лучшие из них осваивали переход на хозрасчет), планомерно приобреталась новая техника. За шесть месяцев специалисты хозяйства установили двадцатитонный кабель-кран, модернизировали два окорочных станка, освоили контейнерную погрузку короткомерных сортиментов. К началу второго полугодия 1965 года леспромхоз вывез 11400 куб. м сверхплановой древесины, в том числе 9 тыс. куб. м деловой. Себестоимость каждого кубометра удалось снизить на 72 коп., за счет чего прибыль составила более 200 тыс. руб.

Не так удачно работал Лысьвенский ЛПХ. В последний раз леспромхоз сделал успешный производственный рывок в декабре 1964 года, выполнив месячный план на 110%. Отдельным бригадам удалось заготовить по 1400–1500 куб. м древесины. Провальным оказалось выполнение заказов по лыжному кряжу, фанерному сырью, клепке, резонансной ели, телеграфным столбам, экспортным поставкам. Непроизводственные расходы составили 83 тыс. руб., из них 83% выпадали на лесонарушения. За уничтожение подроста штраф составил 9 тыс. руб., за неудовлетворительную очистку делянок – 17 тыс., руб., за недорубы – 16 тыс., оставленную вдоль трасс древесину – 9 тыс. руб. и т.д. В суммарном выражении по итогам последнего года семилетки хозяйство получило более 80 рекламаций, в том числе 90% за качество продукции.

Лысьвенский леспромхоз являлся главным поставщиком леса для металлургического завода и СМУ-2. Если потребности завода в целом удовлетворялись, то строители жили в режиме постоянного дефицита древесины. Это раздражало городские власти, поскольку в Лысьве шло интенсивное жилищное и промышленное строительство, а СМУ-2 постоянно выбивалось из графика сдачи объектов из-за отсутствия половой доски, бруса, пиловочника.

Заказам городских строителей леспромхоз не придавал первостепенное значение. Например, в соответствии с договором, невидимковские лесорубы заготовили в районе деревни Соя для СМУ-2 деловой лес. Его вывозка возлагалась на заказчика, а погрузка и подготовка дороги – на подрядчика. Однако посланные лесозаготовителями кран и бульдозер сломались на полпути к месту работы и несколько недель простояли без дела. Автомшины, нанятые СМУ в автоколонне № 4, не могли проехать к штабелям леса, так как дороги замело снегом. В результате за месяц удалось вывезти всего 234 кубометра древесины¹. Терпение городского руководства иссякло, и в октябре 1965 года по требованию горкома партии начальников Невидимковского и Кормовищенского лесопунктов сменили. Новые руководители направили все силы на ремонт дорог и реконструкцию старой поточной линии по разделке древесины, но время было упущено. Надо было думать, как вывести леспромхоз из прорыва...

За систему планирования и материального стимулирования

Призывы партии и правительства осуществить резкий рывок в развитии промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы за 1959–1965 годы не оправдались. Это стало ясно еще до завершения семилетки. Новые подходы попы-

¹ Сохранились примеры, когда жители города самостоятельно заготавливали деловую древесину для строительства культурных и спортивных объектов. Зимой 1962–1963 годов субботники по заготовке леса состоялись на 24-м км трассы Лысьва – Кунгур под руководством спортивного тренера К. Кема. В свободное от работы время по пояс в снегу, при 30-градусных морозах комсомольцы и молодежь в течение двух месяцев заготовили более 300 кубометров леса для строительства спортивного манежа. Не имея снегоочистительной техники, при вывозке леса протаптывали в снегу колеи и буквально на плечах выносили груженые машины на трассу.

тался определить сентябрьский (1965 г.) пленум ЦК КПСС. Он призвал изъять из оборота такое понятие как борьба за вал и заменить его новыми: качество, прибыль, рентабельность. При этом ни под каким видом не допускалось снижение объемов выпускаемой продукции.

Новые веяния в экономической политике партии побудили руководителей треста «Чусовлес» повысить качество и рентабельность выпускаемой продукции посредством широкого привлечения работников лесной отрасли к движению рационализаторов и изобретателей. В лесную отрасль пришло то, что в годы индустриализации помогло решить много задач промышленного строительства в СССР – «творчество народных масс»¹.

Во всех леспромхозах в срочном порядке создавались бюро (комиссии, комитеты) изобретателей и рационализаторов. Материально поощрялась любая инициатива отдельных работников и трудовых коллективов, приносящая хотя бы небольшую прибыль, улучшающая условия труда, экономящая электроэнергию, механизмы, рабочее время. Членами бюро и комиссий становились кадровые рабочие, главные инженеры, технические руководители, а в некоторых случаях директора леспромхозов.

В свою очередь трестовские чиновники разработали целую систему, контролирующую леспромхозовские бюро рационализаторов и изобретателей (БРИЗов). В течение каждого календарного года леспромхозы должны были разрабатывать заранее определенное количество рацпредложений и докладывать в трест об их внедрении в производство, а также полученном экономическом эффекте от их внедрения. Пик рационализаторского движения выпал на 1965 и 1966 годы.

¹ *Решением Пермского совнархоза № 255 от 31 июля 1959 года трест «Чусовлес» был реорганизован, а предприятия, находящиеся в его подчинении, переданы частично в трест «Прикамлес» и «Уралзападолес»; с 1965 по 1972 год восстановлен как комбинат «Чусовлес»; в 1977–1991 годах – производственное лесозаготовительное объединение «Чусовлес».*

Планирование рацпредложений по годам выглядело следующим образом:

Наименование ЛПХ	Количество рационализаторских предложений								
	1962 год	1963 год	1964 год	1965 год	1966 год	1967 год	1968 год	1969 год	1970 год
Лысьвенский	40	48	45	69	60	30	30	нет	27
Кыновской	30	45	35	60	60	35	35	нет	38
Асовский	35	49	50	40	40	20	20	нет	10

Анализ работы бюро по изобретательству и рационализации показал, что на первом этапе работы БРИЗ большинство внесенных предложений сводились к мелким и незначительным изменениям деталей тракторов, автомашин и других механизмов. Относительно эффективными были предложения М. М. Варина «Модернизация окорочного станка ОК-1 на Невидимковском лесопункте», М. И. Клибуса «Модернизация станка КПС-440 для наиболее полной переработки отходов от шпалорезного станка и дров-коротья», «Уборка отходов в Кормовищенском ЛПХ», «Ускоренная заточка пил» и т.п. За все внесенные рацпредложения выплачивались премии в размере от 6 руб. 50 коп. до 35 руб. По данным за 1965 год в Лысьвенском ЛПХ трудились 50 изобретателей и рационализаторов. Они внедрили 35 предложений на 20 тыс. руб. условной экономии¹.

¹ Решением бюро ГК КПСС от 13 июня 1967 года за создание и внедрение новой техники были премированы секретарь парторганизации Лысьвенского ЛПХ В. Д. Матюшин (он же главный инженер) и председатель рабочкома Илюшин в размере 38% от должностного оклада. 9 августа 1967 года Матюшин и Илюшин были снова премированы в размере 49% от должностного оклада на основании той же формулировки бюро ГК КПСС. В обоих случаях инициатором премирования выступали секретари горкома партии С. Е. Мокроносков и О. Г. Буторин.

Механизированная валка леса. Кормовище. 1979 г.

Активное участие в работе БРИЗ принимали начальник Рассоленковского участка В. А. Андриянов и технорук П. А. Штейников. Они лично участвовали в проектировании и создании удобного приспособления для погрузки хлыстов на автомашину – процесса сложного и занимающего много рабочего времени. На базе двух тракторов «ТДТ-75» группа рационализаторов создала своеобразный погрузочный тандем. На щиты тракторов устанавливали А-образные стрелы и при помощи тракторных лебедок, уравнивающих перемещение пакета хлыстов, осуществляли загрузку автомашину. По инициативе Андриянова заготовку и вывозку древесины разделили на два этапа, что привело к значительному повышению производительности труда. Эту новинку взяли на вооружение в других леспромпхозах района.

Известность получило рацпредложение инженера Лысьвенского ЛПХ А. Д. Горбунова. Его изобретение широко пропагандировалось среди лесозаготовительных предприятий области. В частности, в одном из изданий говорилось: «Инженер Лысьвенского ЛПХ А. Д. Горбунов сконструировал и изгото-

вил в Пашийских ремонтно-механических мастерских оригинальный полуавтоматический агрегат для поперечной разделки хлыстов. Опытные образцы прошли успешное испытание на нижних складах Лысьвенского и Бисерского ЛПХ»¹. В середине 1965 года руководство Мишарихинского лесоучастка и группа активистов БРИЗа предприняли попытку организовать несколько комплексных бригад, работающих на хозрасчет. Однако эксперимент скоро заглох по причине спонтанности принятия решения и неподготовленности его проведения. Перевалив через 1966 год, работа комиссий БРИЗ стала медленно угасать. 26 июня 1970 года вышел приказ по комбинату «Чусовлес», в котором отмечалось, что контрольные цифры по рацпредложениям выполняются только на 75%, в том числе в Асовском ЛПХ – всего на 48%. Директорам леспромхозов предлагалось разработать темники «узких» мест производства и через них ставить творческие задачи перед изобретателями и рационализаторами, освещать достижения рационализаторов в рабочих коллективах, активней пропагандировать экономический эффект от внесенных рацпредложений и т.д.

Приказ комбината «Чусовлес» возымел свое действие и послужил толчком для нового творческого подъема кыновского бюро рационализаторов и изобретателей. По итогам областного конкурса НТО секция лесной промышленности областного совета ВОИР отметила работу новаторов Г. Черенева, В. Попова, И. Антонова «Тролейное энергоснабжение электропил «К-б» на нижнем складе». Нововведение предотвращало быстрое изнашивание силовых кабелей при раскряжке древесины. Поощрительную премию заслужило рацпредложение В. Серебрякова и Г. Опрышко под названием «Приспособление для установок опор ЛЭП на базе трактора «ТДТ-75».

Вдохновленные высокой оценкой областного конкурса, активисты леспромхозовского БРИЗа внесли предложения и изменения в практическую деятельность ЛПХ по выгрузке запчастей и материалов из вагонов и способы ускорения погрузки

¹ *Лучше использовать лесные богатства. Пермь, 1962. С. 150.*

древесины в вагоны МПС, удаление снега и льда с железобетонных покрытий Чизменской и Рассоленковской автодорог, усовершенствовали конструкцию разборно-переносных столовых для лесосек. Активно в бюро работали В. А. Андриянов, П. А. Штейников, В. П. Тяпугин, А. И. Карпов, В. Ф. Шевырин, А. Я. Онищенко, Г. Е. Опрышко, В. Р. Печищев.

Некоторое время внесение рацпредложений стало настолько популярным, что примерно 20% из них комиссия отклонила с формулировкой «в данном предложении нет новизны»¹.

Кормовищенское БРИЗ к 1976 году насчитывало 35 членов. В течение нескольких лет от неиспользованных денежных взносов рационализаторов в кассе скопилась определенная сумма средств, о которой узнал областной Совет ВОИР. В Кормовище поступило предложение перечислить 90 руб. на расчетный счет областного общества для развития технического творчества и оказания помощи пермским рационализаторам. В ответ кормовищенские рационализаторы сообщили, что использовали 51 руб.44 коп. на техническую помощь рационализаторам, организацию экскурсий, проведение конкурсов и смотров, выставки, выпуску газет и журналов.

Переписка с областным Советом ВОИР определенным образом активизировала работу кормовищенских рационали-

¹ Второе рождение кыновское БРИЗ пережило в 1980-е годы, когда главным инженером леспромхоза стал Д. П. Перевозчиков. Под его руководством бюро разрабатывало темы, имевшие непосредственное отношение к успешной работе леспромхоза: рациональный способ строительства волоков и усов в заболоченных лесах, механизированный способ удаления снега перед валкой, рациональный способ сортировки хвойной и лиственной древесины, механизированный способ изготовления инвентарных щитов из круглого леса непосредственно на лесосеке и т.д. Тема по изготовлению инвентарных щитов на прокладке временных дорог (усов) заинтересовала директора объединения «Лысьвалес» Н. И. Барковского настолько, что он издал специальный приказ, в котором назначил специальную комиссию в составе И. М. Вилисова, Н. И. Барковского, С. Н. Веретенникова, А. Г. Теплоухова, А. Ф. Табакова для ее практической реализации.

заторов. В 1977 году их число увеличилось до 70 человек. Соответственно с увеличением членов БРИЗ возросло количество рационализаторских предложений. Активно работали В. К. Четин, Е. В. Опалев, А. И. Некрасов, В. М. Власов, Н. А. Музафаров, Ю. А. Березко. В 1978 году эта группа разработала передвижную установку по производству щепы для ДСП и древесной зелени из отходов лесозаготовок. Предложение получило высокую оценку объединения «Пермлеспром». Авторы получили поощрительные денежные премии.

После непродолжительного подъема работы БРИЗ последовал спад. На рубеже 1979-1980 годов совет технических руководителей леспромпхоза вынужден был взять деятельность БРИЗ под постоянный контроль. Одной из причин ослабления работы стала текучесть кадров. Из предприятия уходили опытные работники, не удовлетворенные плохими бытовыми условиями, слабо развитой социальной сферой, низкой заработной платой. Не исполнялся график сдачи объектов капитального строительства. Людей раздражал дисбаланс, сложившийся в расстановке кадров, при котором управленцев было больше, чем рядовых работников. Так, в Кормовище по штатному расписанию числилось более 400 работников, тогда как в лесу трудились всего 75 человек. За полугодие с работы уволилось 154 человека, на их место пришли 111 человек. Велико было количество прогулов.

В дислоцированном в Кормовище Чусовском СМУ, от работы которого во многом зависел успех работы лесопромышленных предприятий района, за 9 месяцев 1965 года работники совершили 322 прогула, т.е. по 2 на каждого работающего. При этом из 25 запланированных на год объектов заказчику сдали только 7. Недостроенными оказались нижние склады в Рассоленко и Кыну, станционный путь в Рассоленко.

Что касалось техники, то она имела в достаточном количестве. В зависимости от сезона в Асовском ЛПХ создавалось до 40 малокомплектных бригад (звеньев). В среднем на каждую бригаду приходилось по 1,5–2 трактора. Эксплуатационный срок тракторов и автомашин зависел от профессиональной подготовки трактористов и водителей. В некоторых

случаях новенький автомобиль «ЗИЛ-157» через полгода эксплуатации мог превратиться в рухлядь. Желая побольше заработать, шофер Г. И. Ловышин грузил на «КРАЗ-255» по 43 куб. м хлыстов, в результате чего двигатель машины вышел из строя. Приказы директоров о нормированной загрузке лесовозов водители часто игнорировали. От таких работников приходилось или извлекаться, или переводить на ниже оплачиваемую работу.

Рядом с нерадивыми работниками в хозяйствах трудились водители, рачительно относящиеся к технике. Их автомашины имели пробег до 40000 км без капитального ремонта. Некоторые из них, работавшие посменно, заключали между собой договоры о солидарной вывозке леса.

Невысокая заработная плата рабочих не редко зависела от того, что плановые и экономические службы леспромхозов неэффективно считали убытки и не боролись с их сокращением. Например, во все концы Советского Союза шла рудная стойка. В течение одного года Кыновской и Лысьвенский леспромхозы отправили потребителям более 40 тыс. куб. м неокоренной рудной стойки, на чем потеряли до 15% совокупного дохода¹. При разделке березовых хлыстов из-за халатности десятников хозяйства теряли 40 руб. на лыжном кряже, 30 руб. на фанерном сырье, 10 руб. на пиловочнике. Нередко деловую древесину превращали в 3-х рублевые дрова по цене за 1 кубометр.

Вместе с тем, лес рубили и рубили в больших количествах. За год все лесозаготовительные организации района вырубали более 1 миллиона куб. м древесины. Появились огромные не возобновившиеся площади вырубок. Денисовский метод узких лент многие бригадиры использовали не столько для сохранения подроста, сколько для заготовки как можно больших объемов древесины. В организованном порядке восстановлением лесов леспромхозы занимались мало и плохо.

¹ По цене рудная стойка была почти идентичной балансу, идущему на производство бумаги.

В 1965 году был восстановлен Лысьвенский гослесхоз под руководством опытного лесоведа А. А. Журавлева. В Кыновском, Лысьвенском и Асовском ЛПХ сохранились должности специалистов по лесосечным фондам. Основная задача лесхоза заключалась в охране и восстановлении лесов. При хозяйстве открылся цех ширпотреба, занимавшийся изготовлением метел, швабр, щеток, штакетника, пиломатериала. Уже в следующем, 1966 году, работники лесхоза засадили 20 га вырубок саженцами хвойных пород, заложили лесной питомник площадью 6,5 га, высадили 1500 кедров на правом берегу реки Малая Травянка.

Специалисты лесхоза отказались от мало продуктивного посева семян в грунт и приступили к лесопосадке с помощью саженцев. В качестве предупредительной меры был наложен временный запрет на производственную деятельность Лысьвенского леспромхоза (Обманка) и Чечено-Ингушской ЛЗК в связи с неудовлетворительной лесовосстановительной работой обоих предприятий. Уже первый год работы лесхоза показал, что его коллектив обладает значительным деловым потенциалом. По итогам социалистического соревнования хозяйство было награждено денежной премией и грамотой коллегии минлесхоза РСФСР и ЦК профсоюза работников лесной промышленности. На 1967 год работники хозяйства запланировали собрать около 1 тонны семян деревьев хвойных пород, заложить 4 км снегозащитных полос вдоль дороги Кунгур – Соликамск, провести уход за молодыми посадками на площади 4 тыс. га.

Решения сентябрьского (1967 г.) пленума ЦК предоставили инициативным, думающим руководителям леспромхозов возможность более свободно решать производственные и экономические вопросы. Одним из первых на Западном Урале в режим планирования и экономического стимулирования перешел Кыновской ЛПХ. Его директор Л. Лукоянов по этому поводу говорил: *«Новая система планирования построена так, что предприятию нет смысла скрывать свои возможности и принимать на себя заниженные планы»*. Анализ перспективного развития по данным на 1966 год показал, что леспром-

хоз обеспечен лесным фондом на ближайшие 25–30 лет. Это позволило хозяйству уже в текущем году добровольно увеличить план лесозаготовок с 301 тыс. до 307 тыс. куб. м, довести выпуск железнодорожных шпал до 120000 штук и тарной дощечки до 140 кубометров.

Серьезный экономический расчет, проделанный специалистами хозяйства, опирался на тщательную работу с лесозаготовительными и ремонтными бригадами, повышение профессионального уровня работников, пропаганду новых форм и методов работы. К сожалению, эффективность экономического анализа кыновлян часто не состыковывалась с приказами, поступавшими «сверху», когда план продаж был выше производственных планов. Например, план по заготовке телеграфных столбов «забыли» спустить, а план по их реализации задали в размере 0,6 тыс. кубометров. Следствием подобного разночтения являлись большие штрафы и сокращение прибыли. Естественно, это отражалась на размерах фонда оплаты труда и, в первую очередь, той части, которая шла на материальное поощрение работников.

1 января 1966 года бригада рассоленковского вальщика В. Чудинова перешла на хозрасчет. Умелый и требовательный организатор, бригадир добился, чтобы ни одна минута рабочего времени не проходила впустую. Каждый член бригады хорошо знал не только свои обязанности, но в нужный момент готов был заменить своего товарища по работе. Даже в обеденный перерыв тракториста В. Шатробаева подменял чоке-ровщик А. Казаринов, самого вальщика В. Чудинова – его помощник Н. Омелин. Бригада Чудинова обязалась заготовить в текущем году 20 тыс., а за пятилетку 100 тыс. куб. м древесины. Спустя месяц на хозрасчет перешла бригада мишарихин-

*Секретарь ГК КПСС
О. Г. Буторин. 1969 г.*

ского вальщика А. Тюлькина. Между бригадами развернулось социалистическое соревнование.

Начальник Рассоленковского лесоучастка В. Андриянов говорил: *«Если взялись соревноваться, всегда помните о строгой производственной дисциплине и продуманном использовании каждой рабочей минуты»*. Сам начальник участка делал все, что мог для успешной работы подчиненных.

Инициативу бригады В. Чудинова одобрило бюро ГК КПСС и рекомендовало партийным организациям леспромхозов приступить к ее распространению среди всех лесозаготовителей района. В режим работы по принципу хозрасчета вступили малые комплексные бригады Асовского ЛПХ Ф. Белоусова, В. Миронова, Г. Морозова, И. Караева. В Лысьвенском ЛПХ Кормовищенского лесоучастка бригада Н. Татарченкова обязалась заготовить за пятилетку 90 тыс. куб. м и отгружать потребителям по 18 тыс. куб. м древесины в год; в Невидимковском лесоучастке бригада А. Ганьжина обязалась заготавливать 80 тыс. куб. м за пятилетку и 16 тыс. куб. м в год, а бригада И. Девятьярова – 77,5 тыс. куб. м за пятилетку и 15,5 тыс. куб. м в год.

Удачно вписались в соревнование лесозаготовителей водители Рассоленковского лесопункта В. Плотников, Н. Горбачев, С. Милютин. Ежедневно они перевыполняли план вывозки в 2,5–3 раза. Шофер Ю. Лисин обязался вывезти сверх плана к юбилею Октябрьской революции 17 сентября 1967 года 5 тыс. куб. м леса, пятилетку завершить в четыре года, увеличить межремонтный пробег своей автомашины до 100000 километров.

Ударный труд рабочих активно пропагандировала партийная организация во главе с секретарем парткома Е. Кирчановым. По его предложению В. Чудинов вступил в члены КПСС. Пользуясь широкой известностью В. Чудинова, парторг напрямую обратился в горком партии с просьбой помочь леспромхозу решить вопрос с МПС о поставке вагонов для отгрузки 12 тыс. кубометров залежавшейся продукции, ускорить прокладку ЛЭП от Лысьвы до Кына.

Не без участия партийной организации в конце 1966 года ушли телеграммы в Министерство лесной промышленности, в объединение «Пермлес», комбинат «Чусовлес», Лысьвенский ГК КПСС, рапортующие о досрочном выполнении бригадой В. Чудинова годового плана по заготовке и вывозке древесины в объеме 20225 куб. м. Поздравить чудиновцев с трудовой победой прямо в лесосеку приезжал заместитель начальника объединения «Пермлес», а из минлеспрома, обкома Союза и комбината «Чусовлес» пришли приветственные телеграммы.

*Лесовод
Б. А. Бронников.
Кормовище*

На кыновлян просыпался дождь правительственных наград. Орденом Ленина наградили шофера Ю. Лисина и тракториста П. Гришко; орденом Трудового Красного Знамени обрубщицу сучьев М. Терехину, орденом «Знак Почета» вальщика В. Чудинова.

Незаметно, но не менее успешно, чем кыновляне, трудились лесозаготовители Кумышанского леспромхоза. Уже в середине декабря 1966 года они заготовили в счет 1967 года более 5 тыс. куб. м древесины.

В то время, когда кыновляне рапортовали о достигнутых успехах и получали награды, по-разному складывались дела в других леспромхозах. Из 7 лесозаготовительных предприятий района с годовыми планами не справились Лысьвенский и Асовский ЛПХ.

Скорее всего для поднятия настроения, чем для рапорта о достигнутых успехах, в Лысьвенском ЛПХ прошло торжественное собрание, на котором чествовались отличившиеся лесозаготовительные бригады и механизаторы. Почетные звания «Ударник коммунистического труда» присвоили 33 трактористам, водителям и слесарям; звание «Бригада коммунисти-

ческого труда» – бригадам А. Ганьжина, И. Воронина и И. Кислухина. Вручая почетные грамоты и значки, руководители предприятия ограничивались общими словами о достигнутых успехах, призывами еще лучше трудиться «*во имя победы коммунизма*».

Около 25% от объема валовой продукции Лысьвенского ЛПХ давал небольшой лесозавод, являвшийся структурным подразделением леспромхоза. Он занимался производством пиломатериала, тарной дощечки и заливной клепки. В основном в работе использовался неходовой лесоматериал. Доход можно было получать немалый, но производственный план завод выполнял всего лишь наполовину по причине недостатка леса, старых механизмов, большой доли ручного труда. Долгое время деятельность завода находилась вне поля внимания руководства ЛПХ.

В леспромхозе имелось немало людей, желавших трудиться по-новому. 1 января 1967 года бригады А. Ганьжин, А. Кревер, П. Горелко, И. Полозовский объявили о переводе своих бригад на хозрасчет. Горячую заинтересованность в работе хозрасчетных бригад показал новый директор Лысьвенского ЛПХ В. А. Андриянов, ранее трудившийся начальником Рассоленковского лесоучастка кыновского ЛПХ.

Затянулся переход на современные методы работы у асовских лесозаготовителей. Передовые лесозаготовительные бригады в Кордоне Терси, Каменке, Батурятах пытались по примеру кыновлян взять на себя повышенные обязательства, но энтузиасты не смогли кардинальным образом изменить общелеспромхозовские методы планирования, улучшить производственную и трудовую дисциплину. Об экономии и повышении качества продукции в администрации этого хозяйства только говорили. О качестве продукции не заботились ни рабочие, ни руководители младшего управленческого звена. Показателен пример халатной работы десятников. При приемке резонансной ели и пиловочника приемщики «Камлесосплава» не пропускали в сортимент целые партии древесины из-за длинных сучков, размеры которых превышали допустимые 10 мм, что являлось следствием прямого недосмотра десят-

ников. В результате леспромхоз нес большие убытки. А в это время в Кыновском ЛПХ рабочих премировали за каждый процент повышения выхода деловой древесины, так что за любым очередным бревном работники смотрели «в оба глаза». Одновременно полагалась дополнительная плата за перевыполнение плана по более ценным сортам.

Невыполнение планов в Асовском ЛПХ носило хронический характер. Как следствие, на 10–15 дней задерживалась заработная плата рабочим.

Причины многих производственных неувязок Асовского ЛПХ заключались в истощении лесного фонда. Попытку исправить положение дел предприняли в августе 1967 года, передав Асовскому ЛПХ Кормовищенский участок Лысьвенского ЛПХ. Вероятно, по просьбе руководства леспромхоза в мае 1967 года на помощь асовцам приехала группа рабочих Куйбышевского рейда. В течение нескольких месяцев куйбышевцы участвовали в лесозаготовках, в ремонте водонакопительных плотин на малых реках, помогали проводить сплав 200 тыс. куб. м древесины по рекам Тимины Терси и Барда.

Весной 1970 года состоялась последняя для асовцев сплавная навигация. Отныне лес предстояло отправлять потребителям по железной дороге со станции Кормовище. Для перевалки леса в распоряжение леспромхоза передали кормовищенский нижний склад грузооборотом около 80 тыс. куб. м древесины. Перед администрацией леспромхоза встала задача в течение 2–3 лет расширить приемно-перерабатывающие возможности нижнего склада до 260 тыс. куб. м леса. В срочном порядке прокладывались железнодорожные и подкрановые пути, устанавливались два крана «ККУ-10», монтировалась вторая поточная линия, собирались транспортеры для уборки отходов, узлы по разделке и уборке древесины. Также срочно в поселке Кормовище строилось жилье для рабочих, магазины, пекарня, рассматривался вопрос о строительстве новой школы и детского сада. Много сил и времени пришлось затратить

на ремонт и строительство автомобильных дорог¹. В результате начавшейся реструктуризации в 1972 году Асовский ЛПХ сменил свое название на Кормовищенский ЛПХ. Первоначально контора леспромхоза базировалась в Ломовке, но в ноябре 1974 года ее перевели в Кормовище. Изменилась ма северо-западной части лесопромышленного комплекса района. Шаквинский и Валушинский лесопункты, жавшие Асовскому ЛПХ, отошли к Лысьвенскому ЛПХ. В связи с прекращением сплава леса по реке Лысьве и ее притокам д-ревесину в лесотараный цех металлургического завода зили на автомашинах из шаквинских лесосек, расположенных на расстоянии 50-60 километров от города.

В ходе почти двухсотлетней эксплуатации резко сократилась сырьевая база лысьвенских лесов. Стараясь повысить рентабельность производства, в 1977 году объединение «Пермлеспром» реорганизовало Кормовищенский ЛПХ в производственное объединение «Лысьвалес» во главе с генеральным директором Ю. П. Симоновым. Лысьвенский и Кыновской (директор Г. Е. Опрышко) леспромхозы вошли в новое объединение в качестве филиалов. В таком виде объединение просуществовало до 1987 года, когда были воссозданы ранее существовавшие леспромхозы.

К началу 1980-х годов существенным образом укреплялась экономика Лысьвенского лесхоза. За счет увеличения санитарных и проходных рубок предприятие расширяло выпуск пиломатериалов, предметов широкого потребления, организовало две пасеки, приступило к сбору и заготовке дикоросов, грибов и ягод. В течение одного года лесхоз дважды становился победителем в республиканском социалистическом соревновании министерства лесной промышленности, посвященном 50-летию юбилею советской власти.

¹ По подсчетам специалистов Асовского ЛПХ, при годовой заготовке 200 тыс. куб. м древесины должно хватить на 15–20 лет, но, как правило, ежегодные заготовки были больше плановых на 15–20%.

Вопреки ожиданиям юбилейный год не дал надеж по выходу всех лесозаготовительных организаций района на плановые рубежи. Для горкома партии большое значение имели именно сверхплановые показатели выполнения государственных заданий. Секретарь ГК КПСС С.

Лесничий Шаквинского лесничества И. И. Кисельков. 1980-е гг.

Е. Мокроносов с раздражением говорил на 38-й городской партийной конференции о недопоставленных Лысьвенским и Асовским ЛПХ 30 тыс. куб. м древесины, о медленном переходе этих хозяйств на новое планирование и экономическое стимулирование. О том, что дела в лесном хозяйстве совсем не так плохи, пытался доказать на примере статистических выкладок парторг Кыновского ЛПХ П. Кирчанов, неоднократно повторяя, что его леспромхоз вошел в состав ведущих лесозаготовительных хозяйств области.

Новые рубежи

В Лысьве всегда было много рыбаков, охотников, грибников, ягодников, туристов и просто любителей природы. Во все времена года они забирались в самые отдаленные уголки района и не понаслышке знали, что делается в лысьвенских лесах. Многих охотников повергал в шок вид летящего по бесконечной вырубке глухаря, рыбаки горестно вздыхали при виде обмелевших некогда хариузиных речек.

В юбилейном 1967 году любители природы впервые дружно заговорили о природоохранных мероприятиях, усилении контроля по охране зеленой зоны города, которую предлагали расширить до 20–25 километров, о состоянии здоровья рек, в первую очередь Лысьвы, и сохранности водоохранных зон, о запрете движения маломерного транспорта по аквато-

рии городских прудов, о цивилизованных методах лесозаготовки¹.

Комитет народного контроля провел одну из немногочисленных проверок по использованию лесных богатств района, опираясь на «Правила отпуска леса на корню в лесах СССР». Выяснилось, что при прокладке дорог, обустройстве волоков и погрузочных площадок все лесозаготовительные предприятия корчевали лес, а не рубили и не пускали в переработку; отсутствовала предварительная подготовка участков; схема волоков не соответствовала технологическим картам; не выдерживалась ширина пазов; при формальном переходе на метод «узких лент», не обеспечивалась сохранность подроста; на недорубах оставалось до 10 кубометров годной древесины из расчета на 1 га. Заслушав объяснения руководителей леспромхозов и поверив в данные ими обещания исправить все недочеты, комитет объявил им устные предупреждения, что, впрочем, никак не повлияло на исправление замечаний.

Недостатки, которые видели простые граждане и озвучивал комитет народного контроля, налагались на более серьезные проблемы в виде нерационального использования расчетной лесосеки. По данным специалистов гослесхоза, расчетная лесосека Лысьвенского района состояла в объеме 994,4 тыс. куб. м, в том числе по хвойному хозяйству 598,2 тыс. куб. м, а по лиственному – 401,2 тыс. куб. м. По годам фактическая рубка составляла: в 1966 году – 1310,2 тыс. куб. м, в 1967 году – 1399,9 тыс. куб. м. Анализ использования расчетной лесосеки показал значительное превышение нормы по вырубке хвойных пород и такое же значительное неисполнение нормы по лиственным породам. Подобное лесопользование, по словам инженера лесхоза по охране леса Б. Князева, вело «к преждевременному истощению запасов леса».

¹ По данным лесхоза на 1967 год Лысьвенский район располагал 34 млн. куб. м спелой и перестойной древесины. Леспромхозы ежегодно заготавливали до 1,5 млн. куб. м леса с площади около 6 тыс. га.

Активизация деятельности защитников природы совпала с перестроечными процессами, происходящими внутри лесопромышленных предприятий. К 1967 году они перешли в режим постоянного пользования, заложенного лесоустройством 1955-1956 годов и повторными лесоустроительными материалами расчетной лесосеки 1965 года.

Все леса, за исключением колхозных, относились к разряду государственного лесного фонда и находились в ведении гослесхоза. С 1960-го года лесхоз возглавлял А. А. Журавлев¹. Огромная лесная территория делилась на 7 лесничеств (Лысьвенское, Соинское, Шаквинское, Кормовищенское, Кумышанское, Кыновское, Матвеевское), каждое из которых имело четкое представление о площадях, занятых определенными породами деревьев, их возрастном составе, пригодности к лесозаготовкам. В лес пришла наука, определившая, что к 1970 году лесной фонд района располагал более 23 млн. кубометров спелой и перестойной древесины. К концу десятилетия отпуск леса стабилизировался и даже имел некоторую тенденцию к снижению. Специалисты лесхоза представили лесозаготовителям полное обоснование научно-технической базы, на какой следовало строить долгосрочную перспективу развития предприятий.

Сам гослесхоз показывал примеры рачительного отношения к природе. Одним из образцов стал лесопрак из хвойных пород деревьев, разбитый сотрудниками лесхоза на восточной окраине города в начале старинного Кусьинского тракта. Значительное место среди 50 тысяч саженцев было отведено кедру.

¹ Журавлев Александр Алексеевич (1931–2004 гг.) – «Заслуженный лесовод России», награжден орденом «Знак Почета», награжденными знаками «За долголетнюю и безупречную службу в государственной лесной охране», «За сбережение и приумножение лесных богатств Российской Федерации», участник 4-го Всероссийского съезда лесничих (1998). В память о лесоводе в 62 квартале Лысьвенского лесничества на месте посадок, проведенных под его руководством, установлен памятный знак.

В начале 1969 года партийные организации развернули подготовительную работу по достойной встрече трудовыми коллективами 100-летнего юбилея В. И. Ленина. Без партийной риторики и заклинаний о достойной встрече юбилея 7 комплексных бригад Каменского лесоучастка перевыполнили план первого квартала 1969 года по всем показателям. Не помешали жестокие морозы, при которых технику приходилось разогревать ночами, ни глубокие снега. План по вывозке сорвали железнодорожники, не поставившие вовремя вагоны. Ударно потрудились бригады И. Ермолина, В. Миронова из Матвеевского лесопункта, шоферы Н. Ходырев, Н. Головин, И. Шумков.

Удачный старт каменных лесозаготовителей не получил поддержки в других леспромхозах. По многим показателям 1969 год стал провальным для лесозаготовительных организаций района. Особенно неудачными оказались лето и осень. По итогам года Лысьвенский, Асовский и Кыновской леспромхозы задолжали государству 24 тыс. куб. м древесины. Долг предприятий по реализации составил 420 тыс. руб. И это при условии, что ЦК КПСС и Совет министров СССР требовали незамедлительно удовлетворять растущие потребности промышленности в лесных материалах без существенного увеличения объемов лесозаготовок.

Первыми на путь преобразований встали кыновляне. Во главу угла руководство хозяйства поставило жесткое планирование производственного процесса и материальное стимулирование работников по результатам работы. Для начала специалисты хозяйства исправили многочисленные замечания, проступившие в результате проверок работы Кыновского и Мишарихинского лесопунктов. В документах отмечалось, что бригадиры принимали пасеки без актов, волока мастерами не намечались и *«разработка, как правило, начиналась не с разубки зоны безопасности, магистрального и пасечных волоков, а как придется»*, расчистка погрузочных площадок не разубалась, а деревья корчевывались бульдозером и сгруживались на стену леса.

Достаточно немного времени потребовалось кыновлянам, чтобы исправить указанные замечания гослесхоза и при-

каза начальника комбината «Чусовлес» П. Г. Реутова, изданного на основании материалов внутренней проверки. Переход в режим материального стимулирования заставил переосмыслить работу всех структурных звеньев хозяйства: от плановиков, экономистов, бухгалтеров до вальщиков, водителей и погрузчиков древесины в вагоны МПС. Появились первые производственные успехи, а с ними моральные и материальные предпочтения.

Сначала спонтанно, а затем продуманно на новую систему планирования и материального стимулирования начали переходить руководители Лысьвенского и Асовского леспромхозов. Выработка на одного рабочего Асовского ЛПХ выросла на 11,8%. Лысьвенский ЛПХ в конце года полностью перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования. Специалисты хозяйств приступили к тщательному изучению эффективности расстановки кадров и использования техники, определению источников высокой себестоимости продукции и их купированию. Еще недавно проходные вопросы качества выпускаемой продукции стали приоритетными.

Энергичней заработали партийные и профсоюзные организации леспромхозов. Стартовой основой для активизации их деятельности стал призыв ЦК КПСС по подготовке к достойной встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Снова первыми свое слово сказали кыновские бригады Е. Чудинова, В. Вершинина, В. Чудинова, А. Тюлькина, обязавшихся производить по 20 тыс. куб. м древесины в год, дать к 1970 году дополнительно 80 тыс. куб. м, а пятилетку закончить в четыре года.

Уже по результатам первого полугодия Кыновской леспромхоз дал более 6 тыс. кубометров, а за весь год свыше

*Бригадир комплексной бригады П. Горелко.
1970 г.*

*Бригадир И. Ф. Свиридчук.
1970-е гг.*

*Бригадир
И. И. Полозовский*

12 тыс. кубометров сверх плана. Высокую выработку показала бригада Л. М. Задорожняка из Лысьвенского ЛПХ.

Рабочие Кыновского лесоучастка вызвали на социалистическое соревнование Невидимковский лесоучасток. Предлагалось включить в договор соревнования условие, по которому за счет качественной переработки дров можно дать дополнительно 1000 куб. м деловой древесины, добиться производительности на машино-смену при трелевке 57 куб. м, при вывозке древесины – 35 куб. м, перевести все малые комплексные бригады в режим «тысячников».

Невидимковский лесоучасток Лысьвенского ЛПХ принял вызов кыновлян. Лидером соревнования стала бригада вальщика И. Полозовского. Его поддержали водители В. Варов, С. Рудометов, В. Лимонов. В ударный месячник по достойной встрече юбилея Ленина включились бригады П. Горелко, Б. Телепова, Н. Абрамова.

Рассчитав свои силы, невидимковцы увеличили количество малых комплексных бригад, перешли на разделение заготовки и вывозки древесины на два этапа, внедрили гидроклинья и тракторные краны, удлинители протяженности лесовозных дорог, а для их содержания создали машино-дорожный отряд. Убыточную выработку дров превратили в доходную заготовку сырья для целлюлозно-бумажной промышленности. Для строительных организаций города при-

ступили к изготовлению штукатурной дранки из отлета шпалотарного цеха. Рабочком, возглавивший соревнование, обратился к руководству комбината «Чусовлес» с просьбой заменить автомобили «ЗИЛ-151» на «МАЗ-509» как более приспособленные для работы в горной местности.

Неплохих результатов добился Шаквинский лесопункт, вошедший в состав Лысьвенского ЛПХ. По итогам соревнования 1-го полугодия объединение «Пермлеспром» присвоило шаквинцам первое место и наградило передовиков премией в размере 1 тыс. руб.

В эйфории победных рапортов и отчетов рождались несбыточные планы и предложения. В Кыновском ЛПХ появилась идея обсадить все лесовозные дороги кедром. Начало должна была положить Чизменская дорога. Управление лесного хозяйства области поддержало инициативу кыновлян. Лысьвенский лесхоз подсчитал, что для посадок потребуется 1,5-2 миллиона саженцев, которые мог предоставить питомник. К сожалению, замысел не получил своего претворения в конкретные дела. На сегодняшний день вдоль бетонной дороги перед подъездом к Кыну сохранились отдельные кедр-красавцы.

Однако плановые лесовосстановительные работы шли своим чередом. В 1967 году и 1968 годах Кыновской ЛПХ осуществил лесопосадки на площади около 700 га и осуществил уход на площади около 1 тыс. га. Асовский ЛПХ в 1968 году осуществил ручной посев на площади 263 га и ручную посадку леса на площади 117 га, для посадки текущего года подготовлено 30 га, для будущего года – 313 га.

Если кыновляне и лысьвенцы решали производственные вопросы, исходя их хозяйственной и экономической целесообразности, то асовцы пошли по привычному пути партийно-бюрократического администрирования. Причины производственных неудач этого хозяйства горком партии и горисполком видели в слабом контроле партийной организации за работой управленческого звена, в отсутствии социалистического соревнования, недоведении содержания коллективных договоров до рабочих, отсутствии связи с рабочкомом, формальном

планировании работы. В приказах по основной деятельности Асовского ЛПХ отмечалось, что за 1968 год на прямом производстве случилось 64 несчастных случая, давших 941 день нетрудоспособности рабочих.

Бедствием для прямого производства была низкая трудовая дисциплина. Из-за невыхода на работу 1, 2, 3, 4 января 1971 года в Кормовище не работал весь лесопункт, а старший мастер нижнего склада не появлялся на рабочем месте 6 дней; 6 и 7 мая по той же причине не работал Киселевский лесопункт. Не лучше дела с трудовой дисциплиной обстояли в Кыновском ЛПХ. По имеющимся данным, в период с 1976 по 1979 год работники хозяйства совершили 6260 прогулов, т.е. в среднем по 1565 прогулов в год. Товарищеские суды, советы профилактики, обсуждения прогульщиков на рабочих собраниях не вносили существенного изменения в систему прогулов, в основе которых, как правило, лежало пьянство.

Из-за низкого контроля за работой подчиненных со стороны мастеров и бригадиров шоферы, вывозившие хлысты на нижний склад, по собственной инициативе работали не по сменам, а по суткам. Стараясь перевыполнить план, водители допускали перегрузы автомашин, в результате чего транспортные средства ломались и быстро выходили из строя. Поскольку приказы о запрете перегрузов не действовали, администрации пришлось ввести должности учетчиков при погрузке хлыстов на автомашины и установить часы пересменки водителей в 8 и 20 часов. В соответствии с новым приказом директора леспромхоза автомобили «МАЗ-509» и «МАЗ-501» могли загружаться в пределах 19–21 куб. м, «ЗИЛ-157» – 15–17 куб. м древесины. Учетчики выдавали на руки шоферам накладные и путевые листы.

Часто не на высоте служебного положения оказывались руководители низшего и среднего звена. По халатности десятников и бригадиров потребителям отправлялись двухметровые дрова вместо колотых метровых. На экспорт в Венгрию вместо 123 еловых бревен отправили 122 бревна. Нередко при погрузке экспортной продукции приходилось объявлять

авралы с привлечением дополнительных рабочих, чтобы выдержать сроки договорных поставок.

В 1969 году к руководству Асовского ЛПХ пришел опытный управленец Т. Л. Пронюк. Ему досталось непростое наследство. Много сил отнимали вопросы по обустройству транспортировочной логистики. Работать приходилось на два фронта: ускоренными темпами расширять кормовищенский нижний склад, решать вопросы по увеличению железнодорожной транспортировки продукции и в то же время постепенно сворачивать сплавные работы по Барде и Каменке¹. Обеспокоенный положением дел в лесозаготовительной отрасли района, ГК КПСС провел пленум (сентябрь, 1971 г.), на котором с докладом выступил секретарь ГК КПСС В. В. Веретенев. Изучение материалов пленума показало, что горком не владел исходными причинами невыполнения планов. Все выступавшие говорили о низкой производственной дисциплине, плохой работе управленцев, отсутствии гласности, неотлаженного социалистического соревнования.

Примерно в таком же ключе свое видение причин невыполнения планов изложил секретарь партийной организации Кыновского ЛПХ И. Тепляков: администрация, партком и рабочком ослабили работу с людьми, оторвались от них, ослабили политическую работу, пустили на самотек социалистическое соревнование и воспитательную работу. Достаточно упрощенно объяснял неудачи лесозаготовителей городской комитет народного контроля. Он указывал на самоуспокоенность администрации леспромхозов от достигнутых успехов, на отсутствие должного контроля за деятельностью среднего

¹ Прибыль от замены сплава железнодорожным транспортом составляла 1 руб. 60 коп на каждый реализованный кубометр продукции. Сокращение объемов сплавляемой древесины начались в конце 1960-х годов. В 1968 году по Барде предполагалось сплавить 74,5 тыс. куб. м., а сплавил 47,6 тыс. куб. м.; по Каменке 46 тыс. куб. м., а сплавил 33,2 тыс. куб. м.

управленческого звена, на недостаток квалифицированных кадров и слабую работу с молодыми специалистами.

За разговорами о проблемах Кыновского ЛПХ горком просмотрел серьезные сдвиги в работе Лысьвенский ЛПХ, результативно подхватившего наработки кыновлян по переходу на производственное планирование и материальное стимулирование. Успехи на отдельных участках работы оказались настолько очевидными, что Министерство лесной промышленности и ЦК профсоюза работников лесной промышленности наградили Почетной грамотой тракториста И. Ф. Свиридчука, шоферу Н. Г. Маркову присвоили звание «Отличник социалистического соревнования», а трактористу М. А. Кобелеву – звание «Почетный мастер лесозаготовок». Невидимковцы даже начали делиться опытом работы. В ноябре 1971 года здесь состоялся районный семинар на тему «Внедрение комплексной крановой погрузки лесоматериалов». В качестве примера демонстрировалась комплексная погрузка технологических дров, тары, заливной клепки. Значимость мероприятия подтвердил тот факт, что в работе семинара приняли участие представители леспромхозов из Тюменской и Свердловской областей, а также комбината «Комипермлес».

В Асовском ЛПХ приход нового директора Т. Л. Пронюка ознаменовался принятием повышенных обязательств бригадами В. Герасименко, Б. Анциферова, В. Мирнова. В число передовиков выдвинулись бригады Н. Долматова из Краснодарского ЛПХ, И. Полозовского из Лысьвенского ЛПХ.

Качественные изменения пережил бывший Асовский леспромхоз, сменивший свое название на Кормовищенский и место дислокации центральной усадьбу сначала на поселок Ломовку, а затем на Кормовище. В непростых условиях обустройства на новом месте нижнего склада в Кормовище бывшие асовцы первым среди лесозаготовительных организаций начали перерабатывать лесные отходы на сырье для целлюлозо-бумажной промышленности – щепу. Основными потребителями новой продукции являлись Соликамский бумажный и Астраханский картонный комбинаты. Государственный план по щепе составлял 5 тыс. кубометров в год.

Кыновлянам пришлось приложить немалые усилия, чтобы вернуть лидерство в социалистическом соревновании не только в масштабах района, но и всей области. Для этого, казалось, имелись все условия и именно о них говорили на сентябрьском пленуме ГК КПСС. Все выступавшие отмечали, что за последние 4-5 лет в леспромхозе последовательно осуществлялась полная механизация трудоемкой валки леса, трелевки, погрузки и выгрузки древесины, обработки продукции на нижних складах. Среди прочего неизменным оставался тяжелый ручной труд на обрубке сучьев, на которой, как правило, трудились женщины. Поддерживая пошатнувшийся лидерский авторитет кыновлян, комбинат «Чусовлес» выделил образцово-показательному леспромхозу три передвижные сучкорезные машины «СМ-2», установленные на базе трелевочного трактора «ТДТ-75». Машинная скорость обработки хлыстов позволили освободить от изнурительного ручного труда значительное количество женщин – работниц¹. Но... по необъяснимым причинам дела в Кыновском леспромхозе шли все хуже и хуже. Невыполнение годовых заданий приобрело хронический характер. Глубокий анализ сложившейся ситуации сделал корреспондент газеты «Лесная промышленность» Д. Ризов в статье «Чем показателен показательный?» от 14 декабря 1971 года. Он писал: *«В начале прошедшей пятилетки предприятие было растущим, с перспективой. У него уже имелись бетонные дороги. В 1965 году при плане 250 тысяч кубометров оно заготовило и вывезло 278 тысяч. Год 1966-й: план 301, заготовлено 318 тысяч. Год 1967-й: план 318, заготовлено 322 тысячи. Год 1968-й: план 322 тысячи, заготовлено 334 тысячи. При первом же взгляде на показатели легко*

¹ Сучкорезные машины «СМ-2» не оправдали надежд лесозаготовителей в силу конструктивных и технологических недоработок. Также не прижились ножевые сучкорезные станки «ЛО-25». Они предназначались для предварительной очистки хлыстов от сучьев в процессе трелевки, после чего нужно было проводить «чистовую» ручную дорубку оставшихся сучьев.

увидеть некоторую закономерность. Они напоминают выраженную в цифрах игру «чехарда». Фактические достижения предыдущего года становятся планом последующего: факт «перепрыгивает» план и сам становится планом. И это не случайное совпадение, а система производственного планирования, порочно укоренившегося в объединении «Пермлеспром». Ну, а год 1969-й, так сказать, перечехардил» сам себя: план леспромхозу был спущен даже выше фактических достижений предыдущего года – 340 тысяч кубометров». Леспромхоз получил свои плановые 340 тысяч кубометров и... надорвался.

Причины «надрыва» корреспондент увидел в том, что качество лесосырьевой базы, выделяемой леспромхозу, ухудшалось год от года, что при увеличении плана лесозаготовок не увеличивался парк автомашин, а тракторный парк пополнился всего на одну единицу, что при невыполнении плана банковское кредитование перешло в особый режим работы, что при недостатке средств хозяйство не могло приобретать нужную технику, а та, что поступала, нуждалась в серьезной доработке и не оправдывала возложенных на нее надежд, что сокращение фонда материального стимулирования, наличие которого требовала новая система планирования, привело к увольнению кадровых рабочих. Как оказалось, причин для неуспеха имелось много.

Ситуация, сложившаяся в Кыновском ЛПХ, была типичной для советской экономики: планировать от достигнутых результатов без глубокого экономического, технологического, кадрового анализа, привязанного к определенной отрасли и ее конкретным подразделениям. Вместе с тем, на девятую пятилетку КПСС потребовала от лесопромышленных предприятий увеличить производительность труда на 35%.

Для получения наивысшего результата в труде во все времена социалистического строительства партия выдвигала на передний край лучшие примеры для подражания. Объективно отошедших на второй план кыновских заготовителей вскоре заменили невидимковские и кормовищенские

коллеги. Тон задавали бригады И. И. Полозовского и И. Ф. Свиридчука.

Невидимковский вальщик И. Полозовский во время командировки в передовые Тюменские леспромхозы познакомился с опытом работы так называемых «укрупненных бригад». Некоторые из них заготавливали до 100 тыс. кубометров древесины. Хороший вальщик и бригадир, Полозовский внедрил элементы полученного опыта в работу своей бригады и в 1973 году заготовил 47 тыс. кубометров древесины, что на 13,2 тыс. кубометров превысило плановое задание. Расчеты выполнения планов очередного года показали, что объемы лесозаготовки можно увеличить, но при этом сучкорезная машина «СМ-2» не успевает перерабатывать хлысты, подвозимые трелевочными тракторами «ТДТ-75» и «ТТ-4». С другой стороны, если бригаде предоставить вторую «СМ-2», имеющиеся в ее распоряжении трактора не смогут обеспечить обе машины работой. Так появилось предложение выделить бригаде еще один трактор «ТДТ-75», что автоматически привело к организации еще одного звена. В результате бригада состояла из 3-х вальщиков, 4-х трактористов, 3-х чокоеровщиков, 3-х огребщиков снега, 2-х операторов «СМ-2», 2-х помощников операторов и 2-х операторов погрузчика, что, по сути, явилось трансляцией опыта, увиденного в Тюмени.

Начальник Невидимковского лесопункта Кормовищенского ЛПХ А. А. Андриянов проанализировал работу бригады И. Полозовского и сравнил ее с шаквинскими лесозаготовителями. В Шаквинском лесопункте трудились 8 малых комплексных бригад общей численностью 64 человека. Бригада Полозовского состояла из 19 человек. В распоряжении шаквинцев имелись 8 трелевочных тракторов и 2 резервных. Невидимковцы имели 2 трактора «ТТ-4», 2 трактора «ТДТ-75» (один в резерве), 2 машины «СМ-2», 2 челюстных погрузчика, имелся бульдозер. При существующей разнице в уровне технологии и механизации бригада И. Полозовского заготавливала столько же древесины, сколько весь Шаквинский лесопункт. На конец декабря 1974 года невидим-

ковские передовики лесозаготовок вывезли на нижний склад 75 тыс. кубометров леса.

Результаты работы бригады И. Полозовского с удовлетворением одобрило бюро Лысьвенского ГК КПСС и бюро Пермского ОК КПСС. Деятельностью бригады заинтересовался лично первый секретарь Пермского ОК КПСС Б. В. Коноплев.

По результатам областного социалистического соревнования бригадиру И. Полозовскому, трактористу А. Попову, вальщику А. Селезневу, чокеровщику В. Овчинникову присвоили звание лауреатов областной премии известного Прикамского лесоруба К. М. Зарипова¹. Как водилось, передовика производства И. И. Полозовского приняли кандидатом в члены КПСС.

Деятельность «укрупненной бригады», опыт которой приезжали изучать руководители и представители всех лесозаготовительных предприятий Пермской области, не получил широкой поддержки на месте – в Кормовищенском ЛПХ. Директор леспромхоза Т. Л. Пронюк распорядился активной создавать «укрупненки», но достаточного количества техники для их развертывания предоставить не мог по простой причине ее отсутствия.

Соперником И. И. Полозовского в Кормовищенском ЛПХ выступил только И. Ф. Свиридчук. Его бригада состояла из 20 человек и имела в своем распоряжении 4 трелевочных трактора «ТТ-4» (из них 1 в резерве), 2 сучкорезные машины, 2 челюстных погрузчика, бульдозер и передвижную реммастерскую. По инициативе И. Ф. Свиридчука лес трелевали по волокам небольшими пачками по 5-6 деревьев, не поднимая на щит, а волоча тросом по земле. Такой способ увеличил производительность труда на 30%. Бригада И. Ф. Свиридчука обязалась заготовить в 1974 году

¹ *Звание лауреата премии имени К. М. Зарипова И. И. Полозовскому присваивалось дважды.*

70 тыс. кубометров леса¹. В завершающем году девятой пятилетки бригада И. И. Полозовского заготовила свыше 81 тыс. кубометров, а И. Ф. Свидорчука – 75 тыс. кубометров древесины. Выработка на машино-смену в бригаде И. И. Полозовского составляла 94 кубометра при плане 71 кубометр, а на одного рабочего в день 19,6 вместо 13,4 кубометров. Хорошие результаты работы показала бригада П. Ф. Вахрушева из Матвеевского лесопункта Кормовищенского ЛПХ.

Проблемы десятой пятилетки

Во второй половине 1970-х годов в Кормовищенском ЛПХ сложилась иррациональная картина. Четыре-пять бригад значительно перевыполняли планы по лесозаготовкам. Их передовые руководители – невидимковские бригадиры И. И. Полозовский и И. Ф. Свиридчук получили ордена Ленина, ломовский бригадир П. Ф. Вахрушев – орден Трудовой Славы 3-й степени, становились лауреатами областных конкурсов имени К. М. Зарипова. Однако в целом леспромхоз не выполнял государственные задания по поставкам древесины и числился в должниках. Имелись проблемы при разделке древесины на высокомеханизированном нижнем складе. Но даже при этом

¹ Громкие успехи бригад И. И. Полозовского и И. Ф. Свиридчука не помогли Кормовищенскому ЛПХ выполнить планы 9-й пятилетки. В своем выступлении на 41-й конференции ГК КПСС (декабрь, 1975 г.) директор леспромхоза Т. Л. Пронюк отметил, что по реализации продукции допущено отставание на сумму более 2 млн. руб. Финансовые потери не смог компенсировать новый комплекс по утилизации лесосечных отходов. От переработки сучьев и вершинника леспромхоз получал хвойно-витаминную муку, пихтовое масло и щепу. Имелись проблемы с вывозкой и разделкой древесины, несмотря на то, что нижний склад являлся одним из самых высокомеханизированных пунктов переработки древесины в Пермской области. Серьезной причиной в невыполнении плана была нерегулярная поставка вагонов Чусовским отделением Свердловской железной дороги. По словам директора, только за 11 месяцев 1975 года недопоставка составила 2359 вагонов.

*Секретарь Пермского
ОК КПСС Б. В. Коноплев.
1985 г.*

бригадир Т. Н. Борисова получила звание лауреата Государственной премии СССР. Ее бригада переработала за 1976 год 85 тыс. кубометров древесины.

Авторитетные имена знатных лесозаготовителей Полозовского, Свиридчука, Борисовой и популяризация в средствах массовой информации пробудила невидимковских учащихся создать собственное школьное лесничество. Под руководством лесоведа А. Н. Новикова дети изготавливали скворечники, занимались лесопосадками,

вели учет муравейников, собирали еловые шишки, ухаживали за лесопосадками, информировали лесников о самовольных порубках. За юными лесоведами закрепили 5 лесных кварталов площадью 526 га. Большую роль в организации лесничества сыграл директор школы А. Д. Ладейщиков.

В Кумышанском лесничестве специалисты также плодотворно работали с молодежью старших классов. Помощник лесничего В. М. Черашев и учительница биологии В. А. Елохова помимо практических мероприятий по уходу за лесными культурами, лесопосадками, сбору лекарственных растений много времени уделяли профориентационной работе с молодежью. С этой целью проводились занятия по ознакомлению с основами лесного хозяйства, лесоводства, дендрологии, охраны и защиты леса, лесного пользования.

Неровно работал в летние месяцы 1976 года Кыновской ЛПХ. В годовой график предприятие вошло только в ноябре месяце. В серьезную проблему превратилось техническое состояние дорог с бетонным покрытием, которыми в течение нескольких лет леспромхоз обоснованно гордился. Старые дороги не ремонтировались, новые – не строились.

Пещера Бабкин луг – особо охраняемая природная территория – после проведения лесозаготовительных работ

В начале года в Рассоленковском лесопункте предприняли попытку организовать три «укрупненные бригады», но своего развития эта идея так и не получила по причинам организационного характера и отсутствия необходимой техники. В Кыновском лесопункте удалось создать четырехзвеньевую бригаду под руководством А. С. Корюкова, обязавшегося заготовить 80 тыс. кубометров древесины. Вскоре о бригадире А. С. Корюкове начали говорить как о серьезном сопернике И. Полозовского и И. Свиридчука. Сам Иван Иванович Полозовский, обласканный похвалами высоких начальников, награжденный орденами и премиями, похоже, заболел «звездной болезнью». Перед собой он видел одну цель: рубить лес и рубить как можно больше, а следовало ли это делать, его не интересовало.

Успешно предпоследний год пятилетки завершили Кумышанский, Лысьвенский и Краснодарский лесопункты.

Качественные изменения происходили в работе гослесхоза, стремившегося применять самые прогрессивные методы ведения лесного дела на вверенной ему территории. В 1960-е – 1970-е годы лесоводы области применяли передовую по тем временам технологию ухода за молодняками в виде химического опрыскивания с помощью авиации. Активным поборником нового метода выступал директор Лысьвенского гослесхоза А. А. Журавлев. С точки зрения инициаторов опрыскивания лесопосадок с воздуха экономились большие финансовые средства при организации ухода за молодняками и компенсировался дефицит рабочей силы. По расчетам специалистов лесного хозяйства РСФСР на 1 га лесной поверхности требовался аэрозольный раствор в составе 2 кг бутилового эфира и 25 кг солянки. В результате обработки, проводимой в конце лета, лиственные породы деревьев погибали, а хвойные за счет осветления и ликвидации кормовых конкурентов, начинали интенсивно расти. Химическая обработка молодняков обставлялась рядом условий в виде карантинных мероприятий, как то: запрет выпаса скота в течение 45 суток, на заготовку сена в 30 суток и т.д. Грибы и ягоды можно было собирать только с весны следующего года. Применение новой технологии ухода за лесом вызывало негативное отношение к ее применению со стороны охотников, рыбаков, пчеловодов, сборщиков грибов и ягод. Критически относились к химической обработке в объединении «Лысьвалес», где отмечали, что с молодняком гибнут участки спелых лиственных лесов.

Если воздушное опрыскивание лесопосадок вызывало споры, то бесхозное отношение к лесу со стороны организаций, временно пребывавших на территории района, вызывало всеобщее возмущение. По-варварски вели себя в лысьвенских лесах прокладчики газопровода Нижняя Тура – Пермь из Пермского отделения Горьковской дирекции строящихся газопроводов. Газовщики получили разрешение вырубить около 500 кубометров древесины, в том числе около 360 кубометров деловой. По договору заготовленная древесины должна быть разделена на сортименты: деловая длиной 6,5 м, дровяная – 1-2 м и сложена в штабеля. Прделанную работу предполага-

лось оценить силами специалистов межколхозного лесхоза. Однако по факту срубленный лес валялся по всей вырубке, часть древесины попросту сгружалась бульдозером по бокам трассы. Безалаберная деятельность газовиков нанесла государству ущерб в размере около 4 тыс. руб. К нему, подобная «работа» имела место и впоследствии, когда мощная техника попросту закапывала срубленный лес в землю.

В то время, когда велась интенсивная химобработка лесов, по предложению лесхоза городской комитет народного контроля рассмотрел деятельность Чечено-Ингушской лесозаготовительной конторы и Кумышанского лесопункта Свердловской железной дороги. Методологической основой проверки являлись «Правилам отпуска леса на корню». Партийная и исполнительная власть города относилась к этим хозяйствам как к участвующим предприятиям, временно пребывающим на территории района и не имевшим перед городом никаких обязательств. Тем более что их прямое руководство находилось далеко за пределами Лысьвы.

Специалисты, приглашенные комитетом народного контроля для проверки, определили, что в кумышанских лесосеках валялось много невывезенной древесины (до 30 кубометров на 1 га), оставались недорубы (до 55 кубометров на 1 га), рубка и трелевка производились как попало, уничтожалось до 50% подроста, освоенные площади не чистились от сучьев и порубочных остатков. За грубое нарушение правил использования лесных ресурсов комитет «поставил на вид» руководителям хозяйств и обязал принять необходимые меры для исправления недостатков в течение месяца.

Не исключено, что многих недостатков в работе могло не быть, если бы эти небольшие хозяйства располагали достаточным количеством работников. Серьезной проблемой во все годы существования кумышанских хозяйств оставалась текучесть кадров. Например, в Кумышанском лесопункте по штатному расписанию числилось 168 работников, из них в течение года уволились 68 человек, вновь поступило всего 38 человек.

*Директор
Лысьвенского ЛПХ
В. А. Андриянов.
1990-е гг.*

Примерно равный с кумышанцами по объемам лесозаготовок Шакинский лесоучасток регулярно справлялся с выполнением годовых заданий и рапортовал о выпуске сверхплановой древесины. Передовая бригада В. Н. Санникова завершала годовую программу с превышением более чем на 1 тыс. кубометров древесины.

К концу 1976 года бригада И. И. Полозовского достигла вожделенный рубеж в заготовке 100 тыс. куб. м древесины. Высокие результаты труда лысьвенских лесозаготовителей не давали покоя областным партийным чиновникам. Первый секретарь ОК КПСС Б. В. Коноплев считал,

что невидимковскому лесопункту в лице Полозовского или Свидорчука вполне по силам значительно преодолеть стотысячный рубеж. Против позиции секретаря обкома партии выступил начальник Невидимского лесопункта В. А. Андриянов. Он заступил в должность руководителя в июне 1977 года.

По контрольным цифрам первого полугодия 1977 года Невидимковский лесопункт имел перевыполнение плана по всем показателям: по реализации – 100,7%, по товарной продукции – 101,4%, по заготовке – 107%, по вывозке – 106,9%. Проблема заключалась в том, единственная полуавтоматическая линия на нижнем складе не успевала перерабатывать подвозимую древесину. Бригады, разделявая за трехсменную работу 400 куб. м древесины, физически не могли дополнительно переработать 100–200 куб. м ежедневно подвозимых из лесосек. «Лишний» лес складировали в беспорядке вокруг нижнего склада, вдоль дорог, на свободных площадях, так что к лету 1977 года только «свежей» древесины (без учета запасов предыдущего года) скопилось в общей сложно-

сти более 20 тыс. куб. м. По оценкам специалистов к концу года должно скопиться еще 30–35 «лишних» куб. м. Что делать с теряющим свои товарные качества лесом, отчетливо никто не понимал. Поступали предложения переправлять излишки в город металлургическому и турбогенераторному заводам взамен поставок из Шаквинского лесопункта: из Невидимки, мол, в два раза короче подвозной путь. Расчет делался на то, что получившийся избыток древесины шаквинцы переправят потребителям в Кунгурский завод им. Халтурина и Ляминский ДСК, с которыми работали в режиме долгосрочных договоров¹. Категорически запротестовал против заготовки сотысячных кубометров древесины начальник лесопункта В. А. Андриянов. Сверхплановые кубометры он воспринимал как бесхозяйственность, как бессмысленную порчу природных богатств. Это крайне не понравилось первому секретарю Пермского обкома КПСС В. В. Коноплеву. Краевед Л. И. Попова записала воспоминания Василия Андрияновича Андриянова об этой конфликтной ситуации: *«Я понимал, что возможности переработки нижним складом в лесопункте только 180 тысяч кубометров. Дополнительные 20 тысяч кубов – это впустую загубленный лес! ...Не дал губить лес! Полозовский рассчитался и уехал, а меня сняли с управленческой работы. Устроился лебедчиком. Три года был рабочим...»*.

Обеспокоенность начальника лесопункта В. А. Андриянова бездарной порчей леса разделял городской комитет народного контроля, но, как всегда, констатируя факт бесхозного использования природных богатств района, он ограничился словесной критикой ситуации и расплывчатым указанием генеральному директору объединения «Лысьвалес»² Ю. П. Си-

¹ В отличие от других лесопунктов Кормовищенского ЛПХ шаквинцы на протяжении длительного времени работали ровно, регулярно выполняя государственные планы по заготовке и вывозе древесины.

² Производственное объединение «Лысьвалес» закрыто в 1985 году.

монову принять меры для устранения сложившегося положения. На защиту начальника лесопункта комитет не встал...

Середина 1970-х годов вошла в историю лысьвенского лесопромышленного комплекса как период крайне неритмичной работы всех леспромхозов. В течение трех лет десятой пятилетки хозяйства то вырывались вперед, то отставали в выполнении государственных планов. Для выравнивания производственных показателей 11 января 1977 года на территории района было создано производственное объединение «Лысьвалес», сгруппировавшее вокруг себя все лесозаготовительные хозяйства. В компетенцию новой управленческой структуры вменялись задачи по упорядочению объемов лесозаготовок, вывозки, разделки и отправки древесины потребителям. Объединение «Лысьвалес» создавалось на фоне жесткой критики деятельности лесозаготовителей со стороны партийных органов города. Не успела новая управленческая структура приступить к работе, как на пленуме ГК КПСС (январь, 1977 г.) секретарь горкома В. И. Ухмылов в категорической форме потребовал от нее увеличить заготовку и поставку потребителям деловой древесины. Используя в своем докладе тезисы постановления ЦК КПСС «О работе Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности по повышению эффективности использования древесины в свете требований 25 съезда КПСС», он говорил: *«Вместо борьбы за выполнение плана и обязательств, многие хозяйственные руководители с молчаливого согласия партийных комитетов часто говорят о трудностях, ссылаются на «объективные» причины, не принимают мер по использованию внутренних резервов».*

Постановление ЦК КПСС, на которое ссылался секретарь горкома КПСС, заставило руководителей объединения «Лысьвалес» задуматься не только о выполнении текущих планов, но и о будущем всего лесного хозяйства района. Впервые предварительные расчеты, проделанные специалистами лесхоза и объединения, показали, что лесосырьевая база района вступила в критическую стадию истощения. Перед работниками леса вновь встала старая дилемма: удовле-

творять растущие потребности потребителей не столько за счет увеличения лесозаготовок, сколько за счет улучшения лесопереработки и увеличения использования вторичного сырья. Не последнюю роль в ближайшей перспективе играла проблема активного восстановления лесов.

Теоретические рассуждения лесных чиновников не всегда соотносились с реальными действиями низовых структур. В конце 1978 года леспромхозы заготовили около 110 тыс. кубометров древесины из расчета вывозки в январе 1979 года. Хлысты, уложенные на землю без соответствующих прокладок, дождливой осенью утонули, а зимой вмерзли в грязь и оказались заваленными глубоким снегом. При организации вывозки хлысты было трудно грузить на автомашины. Из строя выходил трелевочные трактора, челюстные погрузчики, автомашины. Начал сказываться износ техники, поскольку за последнюю пару лет сократилось поступление новых тракторов, погрузчиков, автомашин. Подведение итогов похода за эффективное использование горюче-смазочных материалов показало, что в одинаковых условиях работы в феврале месяце один водитель сэкономил 4 кг бензина, другой почти тонну, зато третий перерасходовал 822 кг. Ни поощрения никто не получил, ни наказания не понес. Все ограничилось указанием главного инженера механикам усилить контроль за сохранностью и расходом ГСМ.

Технологические цепочки разрывались то тут, то там. Не последнюю роль в этом играла нераспорядительность среднего управленческого звена. Сказывалась неподготовленность подъездных путей к дорогам круглогодичного пользования. В результате план первого квартала по заготовке был выполнен на 70%, по погрузке – на 60%, по вывозке – на 62%, по раз-

*Секретарь ГК КПСС
В. И. Ухмылов. 1977 г.*

делке – на 62%. Последовательно произошел срыв планов второго и третьего кварталов.

Остро стояла проблема нехватки квалифицированных кадров. В совокупности по всем лесозаготовительным хозяйствам объединения не хватало 300 человек. Принятые вместо них сезонные рабочие (по приблизительным подсчетам до 700 и более человек) не обладали необходимой квалификацией, поэтому результаты их труда были минимальными.

Основной поток сезонных рабочих проистекал из западных областей Украины, Молдавии, Ростовской области РФ. Регулярно 30–50 человек приезжали из Черновицкой и Херсонской областей. Часто это были жители одного села или района. В 1980–1983 годах в леспромхозах работали студенческие отряды Пермского политехнического института, состоявшие из 25–30 человек. В основном сезонники трудились на нижних складах. В 1988–1990 годы приток временных рабочих в лысьвенские леспромхозы увеличился.

В 1979 году из-за непродуманных действий руководителей объединения «Пермлеспром» Чусовское СМУ треста «Пермлестрой» свернуло свою деятельность в леспромхозах объединения «Лысьвалес» и переехало в Чусовой¹. По этой причине издержки в работе мастеров и руководителей лесозаготовительных бригад могли быть меньше, если бы им не пришлось отрывать технику и квалифицированных рабочих на прокладку дорог, завершение строительства цеха по производству стружки в Невидимке, лесозавода в Кормовище, лесотарного цеха в Рассоленко, жилья.

Таким образом, 1979 год продолжил череду не самых удачных лет лысьвенских лесозаготовителей. План по товарной продукции объединение выполнило на 88,6%, по реализации

¹ В январе 1980 года собрание работников объединения «Лысьвалес» выдвинуло кандидатом в депутаты Пермского областного Совета народных депутатов начальника управления капитального строительства Пермского облисполкома Ю. П. Полоухина, с ведома которого Чусовское СМУ прекратило работу в Лысьве.

продукции – на 95,3%; вместо запланированной прибыли 94 тыс. руб. получили убытки на 651 тыс. руб.

Вторая отчетно-выборная профсоюзная конференция объединения «Лысьвалес», состоявшаяся 31 октября 1979 года, отметила, что план по заготовкам не выполнен за 1978 и 1979 годы. По вывозке древесины сложилось отставание в объеме 290 тыс. кубометров. Одной из фундаментальных причин невыполнения плана была слабая производственная дисциплина. В 1978 году из за прогулов в Лысьвенском ЛПХ было потеряно 2295 , а в Кыновском – 1981 человеко-день. Пытаясь повлиять на ситуацию, президиум профсоюзного комитета объявил с 20 ноября 130-дневную ударную вахту в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина.

Угроза невыполнения пятилетнего плана нависла не только над промобъединением «Лысьвалес». Пытаясь выровнять положение дел, администрация и партийный комитет Всесоюзного объединения «Пермлеспром» провели областное совещание руководителей передовых бригад по заготовке, вывозке и раскряжевке древесины. Участники совещания обратились ко всем лесозаготовителям Пермской области безусловно ликвидировать долг по вывозке древесины. Обращаясь к *«командирам низовых трудовых коллективов»*, участники собрания призывали: *«...обсудите в своих бригадах дела в бригадах. Подумайте, какие неиспользованные резервы есть в бригаде и что надо сделать, чтобы сегодня, сейчас, немедленно поправить дело, войти в график»*. Такие же призывы были обращены к специалистам и руководителям объединений и леспромхозов: *«...пока есть время, выполните весь комплекс подготовительных работ к осенне-*

*Оператор полуавтоматических линий
Т. Н. Борисова.
1980-е гг.*

зимнему сезону...». Среди бригадиров, подписавших обращение, была Лауреат государственной премии СССР Т. Н. Борисова¹. Партийные и профсоюзные руководители, управленцы озвучивали текст обращения на собраниях во всех бригадах лесозаготовителей, водителей, на нижних складах. Определенный результат эти мероприятия имели в виде дополнительных кубометров заготовленной, вывезенной и разделанной древесины. Хорошие результаты показали бригады И. Ф. Свиридчука, А. Д. Старикова, В. М. Кислухина².

Символом борьбы за выполнение пятилетних планов в Кормовищенском ЛПХ была Тамара Никитична Борисова. Одной из первых в стране среди женщин-лесозаготовителей она освоила профессию оператора полуавтоматической линии (ПЛХ) по раскряжке древесных хлыстов на сортименты. Считалось, что эта ответственная работа по плечу только мужчинам. После окончания курсов операторов в лесотехнической школе Тамара Никитична в короткий срок освоила но-

¹ *Борисова Тамара Никитична (1945–2002 гг.) – оператор полуавтоматической линии по разделке древесины. Лауреат Государственной премии СССР (1976 г.), удостоена почетного звания «Лучшая женщина-механизатор Минлесбумпрома СССР» (1975, 1982 гг.).*

² *За десятилетия работы в леспромхозах сложились трудовые династии. Например, в Кормовищенском лесоучастке к таким относилось семейство крупной лесозаготовительной бригады Владимира Михайловича Кислухина (1930–2005), награжденного орденом «Знак Почета» и знаком «Ударник 9-й пятилетки». Бригаду так и называли «семейная». Жена Александра Васильевна Кислухина, сучкоруб, первая женщина ЛПХ в 1970 г. награждена орденом «Знак Почета». В бригаде работал отец Михаил Прокопьевич, старший брат Василий Михайлович. Из 4-х детей двое работали в ЛПХ. В Кыновском ЛПХ успешно трудилась династия тракториста Виталия Николаевича Чудинова и его жены Татьяны Федоровны. По следам родителей – лесозаготовителей пошли три сына Леонид, Николай, Сергей, дочь Нина и внук Виталий. Известными в леспромхозе были династии Тяпугиных и Сорокиных, В. Б. Юшкевича, П. Ф. Вахрушева и другие.*

вую для нее профессию¹. Результаты работы женщины-оператора и ее бригады превзошли все ожидания. О Борисовой заговорила местная и областная пресса, ее фамилию знали руководители лесной отрасли области и республики, приезжая в Кормовище, высокие чиновники не гнушались зайти в операторскую кабинку передового механизатора. Тамара Никитична стала примером, образцом для подражания. Взяв на себя высокие социалистические обязательства, ее бригада уже не могла не раскрежевать 300 плановых кубометров сортамента и не дать 100 сверхнормативных «кубиков». Из-за систематических недопоставок вагонов началось затоваривание нижнего склада готовой продукцией. При личном участии руководителей министерств лесной промышленности и путей сообщения СССР для бригады Борисовой поставлялись «персональные» вагоны. Нельзя было допустить, чтобы нарушился трудовой ритм образцовой бригады. Естественно, что предпочтения для передовой бригады вызвали недовольство других коллективов, работающих на той же ПЛХ.

К сожалению, опыт и призывы Т. Н. Борисовой к женщинам лесозаготовительной отрасли осваивать профессию оператора полуавтоматической линии не получил поддержки. Все же работа оператора была слишком тяжелой.

Совместные действия администрации, парткома и профсоюзного комитета возымели определенный результат, потому что 2 февраля 1980 года генеральный директор объединения Ю. П. Симонов докладывал участникам городского партийно-хозяйственного актива: *«...за 1979 год коллектив объединения выполнил план по вывозке древесины, реализации товарной продукции, производству особо важных сортиментов».*

Рабочие, внесшие наибольший вклад в выполнение планов по заготовке, вывозке и переработке древесины, были награждены денежными премиями. По 5 руб. получили грузчики за бесперебойную погрузку вагонов. В виде исключительного поощрения кормовищенским рабочим А. Н. Рожкову и А. Кор-

¹ Вместе с Т. Н. Борисовой профессию оператора ПЛХ освоила З. Ф. Елисеева.

жеву профком объединения предоставил возможность купить через ОРС мотоциклы «Урал», а двум рабочим Кыновского ЛПХ – ковры¹. В качестве поощрения молодых рабочих, добившихся значительных производственных успехов, направляли на учебу в Кунгурский и Кудымкарский лесотехникумы, Уральский ЛТИ, Львовский ЛТИ, Пермский университет².

Администрация объединения «Лысьвалес» считала, что темпы, набранные в четвертом квартале 1979 года, удастся сохранить в 1980 году. Во всех структурных подразделениях принимались повышенные трудовые обязательства, обсуждались условия социалистического соревнования, посвященные 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Планы по достойной встрече ленинского юбилея и 26-го съезда КПСС обсуждались в поселковских школах, клубах, библиотеках.

Однако итоговые показатели выполнения социалистического соревнования в честь юбилея В. И. Ленина, изложенные в отчете профкома объединения «Лысьвалес», оказались ниже предполагаемых прогнозов. Из 10 комплексных бригад Кыновского ЛПХ план выполнила только 1, из 12 бригад Кормовищенского ЛПХ с заданием справились 2 бригады. 191 человек в ходе соревнования не выполняли производственные нормы.

В связи с невыполнением планов 2-го и 3-го кварталов 1980 года 15 августа 1980 года администрация объединения обратилась в профсоюзный комитет с предложением перевести все структурные подразделения с пятидневки на шестидневную рабочую неделю. Несмотря на огромные усилия, десятиую пятилетку объединение «Лысьвалес» закончило с недо-

¹ Благодаря экспортным поставкам древесины ОРС получал из-за границы широкий ассортимент товаров широкого потребления, техники, консервированных продуктов. На полках магазинов лесных поселков можно было увидеть товары, недоступные жителям города.

² В 1980 году в леспромхозы прибыли на работу 11 специалистов с высшим и 24 со средним специальным образованием.

данными государству 326 тыс. куб. м леса и товарной продукции на 235 тыс. руб.

За полную механизацию производства

Итоги 10-й пятилетки получились далеко не такими успешными, как то ожидалось. Провальными оказались результаты работы сельскохозяйственного комплекса страны, не достигла поставленных рубежей промышленность, в том числе лесная. Чтобы с наилучшими результатами закончить десятую пятилетку и придать экономике страны поступательное движение в одиннадцатой пятилетке, в июне 1980 года ЦК КПСС провел пленум «О социалистическом соревновании за достойную встречу 25-го съезда КПСС».

Общественные организации объединения «Лысьвалес» призвали все цехи, участки, бригады встать на предсъездовскую 25-недельную ударную вахту. Для партийных и профсоюзных руководителей работа по организации социалистического соревнования была настолько привычной и рутинной, что они соблюли только внешние атрибуты в виде лозунгов и графиков на стенах контор. В трудовых коллективах не прошло ни одного собрания, никто не ознакомил рабочих с условиями участия в предсъездовской вахте. Такой формальный подход к соревнованию возмутил известного бригадира А. Д. Старикова, о чем он написал заметку в областную газету «Звезда». Подавляющее большинство лесозготовителей отнеслись к соревнованию и участию в нем весьма равнодушно.

Не удивительно, что в ходе соревнования в передовиках производства обозначились уже зарекомендовавшие себя отличными трудовыми показателями бригады В. М. Кислухина, Н. Л. Бобырина, В. И. Парамонова (Кормовище), П. Ф. Вахрушева А. С. Андреева (Матвеево), В. Б. Юшкевича, Ю. А. Лисина (Кын) А. И. Кострыревой (Рассоленко). Имена новых победителей трудовой вахты в отчетах не появились.

Вяло прошедшую вахту по достойной встрече партийного съезда вскоре сменила новая партийно-профсоюзная инициатива. На этот раз партийные пропагандисты призывали

встретить трудовыми подарками 60-летний юбилей образования СССР. Не мудрствуя лукаво, лозунгом избрали проверенный временем призыв: «60-летию СССР – 60 ударных недель». В квартальных и полугодовых сводках, фиксирующих хорошие результаты труда, отмечались бригады А. Д. Старикова и И. Е. Шегурова (Невидимка), С. Григорьева и Ш. Рахметова, П. Ярыгина и В. Юшкевича, А. Крохмалюка и Г. Симонова (Кын). Именно эти бригады возглавляли и обеспечивали заготовку около 800 тыс. кубометров древесины, заложенных в планы объединения «Лысьвалес» на 1982 год.

Под руководством начальника лесопункта В. А. Адриянова в Невидимке провели ряд усовершенствований на нижнем складе. Ускоренными темпами смонтировали мощный кран ЛТ-62 и удлинители железнодорожные пути, вместо неудобного в работе подающего механизма ПРХ-2С установили тросовый отсекаТЕЛЬ, усовершенствовали погрузку древесины в вагоны.

В механизированных мастерских участках Рассоленковского, Кыновского и Мишарихинского лесопунктов приобрели валочно-пакетирующие машины ЛП-19, самоходные сучкорезные машины ЛП-33, на нижнем складе в Кыну запустили дополнительную полуавтоматическую линию по разделке хлыстов.

Для кыновлян празднование 60-летнего юбилея СССР совпало с 50-летием со дня основания Кыновского леспромхоза. В праздничных торжествах рабочие и ИТР поименно вспоминали всех, кто создавал историю одного из самых известных леспромхозов Пермской области. Дань уважения отдали ветеранам, трудившимся в годы Великой Отечественной войны: А. Я. Онищенко, Г. И. Денисенко, И. А. Сало, Ф. Я. Рожкову, В. С. Татоурову, Е. Г. Неволиной, М. Огульчанской и другим. Отметим также прогремевших на всю страну Е. А. Чудинова и В. Н. Чудинова, первыми заготовивших по 20 тыс. кубометров древесины в год. В 1970-е годы образцы ударного труда показывали бригады лесозаготовителей П. А. Полякова, С. Г. Григорьева, водители лесовозов Ю. А. Лисин, В. М.

Попов¹, бригады раскряжевщиков В. Б. Юшкевича, С. В. Аристова, М. Ф. Трусова. С уважением и благодарностью отметили трудовые заслуги передовиков 1980-х годов: шоферов М. Е. Сначева и С. Ф. Боровкова, операторов валочных машин ЛР-19 В. И. Сивкова и В. В. Чернышева, трактористов А. М. Лапшина и И. М. Шавырина, оператора сучкорезной машины В. И. Максимова, бригады раскряжевщиков А. И. Костыревой и Ш. Рахметова, на погрузке леса операторов ПЛ-2 А. П. Перевозчикова и В. Н. Чудинова, крановщиков П. А. Стрелко и В. Д. Семенова.

Не только юбилейные торжества и борьба за выполнение планов заботили лесозаготовителей. 24 мая 1982 года в Москве состоялся пленум ЦК КПСС с повесткой «О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации». В июне месяце прошел пленум Лысьвенского ГК КПСС, поставивший перед промышленными предприятиями, в том числе и лесными, задачу по неотложному развитию подсобных мясо-молочных ферм и огородов. Одновременно руководителям предлагалось создавать максимально благоприятные условия для разведения личных подворий рабочих и служащих.

Одним из первых к созданию сельскохозяйственного подсобного участка приступил Кормовищенский лесоучасток. Избрав в качестве приоритетного мясо-молочное направление, уже в 1981 году кормовищенцы произвели для рабочих столовых 5 т говядины и 20 т молока. В 1982 году специально созданный отряд раскорчевал 200 га под зерновые посевы. Перед въездом в поселок строились фермы, хозяйственные постройки, жилье для рабочих.

Не отставали от кормовищенцев кыновляне. В короткие сроки они построили хозспособом два свиноводника на 100 голов и ферму купного рогатого скота. В течение одного года свиноводы продали работникам леспромхоза около 130 поросят для разведения в личных подсобных хозяйствах.

¹ В. М. Попов единственный работник Кыновского ЛПХ, награжденный двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Панорама застройки поселка Кормовище. 1980-е гг.

Организация сельскохозяйственного производства стала серьезной обузой для леспромхозов. В связи с ликвидацией Чусовского СМУ приходилось отвлекать значительные людские силы и финансовые средства на реставрацию и расширение нижних складов, на капитальное строительство объектов соцкультбыта, прокладку дорог, ремонт ветшающего жилья работников леспромхозов.

Руководителей промобъединения «Лысьвалес» заботили не только текущие, но и перспективные проблемы. Специалисты объединения, программируя перспективу развития отрасли, пришли к выводу, что в результате сохранения темпов рубки на уровне 1 миллиона кубометров древесины в год, сырьевая база истощится через 10-11 лет. По мнению генерального директора Ю. П. Симонова, расчетная лесосека уже много лет перерубалась в два раза и, более того, более 200 тыс. кубометров древесины не обеспечивались производственными мощностями. Задумываясь о перспективах отрасли и будущем лесных поселков, он считал, что успех заключается в глубокой переработке заготавливаемой древесины. В определенной степени начало было положено в виде заготовки щепы

для целлюлозно-бумажной промышленности, изготовления мебели, тарной дощечки, пихтового масла. К сожалению, эти созидательные замыслы так и не обрели завершения.

Свое понимание развития отрасли имели специалисты гослесхоза. По их данным в течение последних лет несколько раз пересматривалась расчетная лесосека, что привело к значительному сокращению площадей и запасов спелых насаждений. Главный лесничий лесхоза Г. Д. Князева по этому поводу писала: *«...в лесах 3-й группы утвержденная расчетная лесосека составляет 537 тысяч, а ежегодно вырубается 1 миллион кубометров. По состоянию на начало 1983 года остаток спелых и перестойных насаждений в лесосырьевых базах лесозаготовительных предприятий составляет 10525 тысяч кубометров. При таком отношении к использованию лесосечного фонда со стороны лесозаготовительных предприятий запас спелых и перестойных насаждений будет исчерпан в течение 5–7 лет».*

Серьезную озабоченность лесоводов вызвал переход предприятий на полную механизацию лесозаготовительных работ. В результате использования валочно-пакетирующих машин ЛП-18 и ЛП-19 на лесосеках почти полностью уничтожался молодняк и подрост, а освоенные площади захлампались порубочными остатками. Против машинной валки леса, при которой не предусматривалось сохранение подроста, выступал директор лесхоза А. А. Журавлев. На 9-й сессии горсовета (сентябрь, 1984 г.) он сделал доклад на тему «О состоянии и мерах улучшения работы по охране природы в свете требований Закона «Об охране природы РСФСР». Выступление Журавлева горячо поддержали депутаты. Соблюдать технологические правила при машинной валке леса, при которой сохранялось до 60% молодняка и подроста, требовала главный лесничий Г. Д. Князева на встречах с руководством объединения «Лысьвалес».

Вместе с тем, процесс машинной валки набирал обороты. Среди первых лесозаготовителей, кто удовлетворительно освоил машинную валку леса, были операторы ЛП-19 Кормо-

вищенского ЛПХ Г. Н. Лавыгин, С. М. Моисеевских и В. В. Бурылов.

Осенью 1985 года в Кыновском ЛПХ состоялся семинар, посвященный механизированной рубке леса по методике профессора А. В. Побединского. Участник семинара журналист Д. Ризов писал: *«Суть эксперимента в том, что здесь пытались вести рубку леса машиной ЛП-19, сохраняя на лесосеке часть подроста и еще не созревшие деревья. Тяжелая машина для этой цели явно не годилась. Хотя она и оставляла на корню часть деревьев, но в то же время, двигаясь туда-сюда по одним и тем же волокам, продавливала на них почву, нарушала её дренаж, рвала корни, обрекая часть оставшихся деревьев на гибель... Не идея оказалась плохой – плохой была сама чрезмерно тяжелая валочная машина»¹.*

Широкое применение новой техники : ЛП-18А, ЛП-19, ЛП-33, ЛТ-154 было неизбежным. На основании данных, полученных в ходе осеннего семинара с участием профессора Побединского, руководителям лесозаготовительных организаций пришлось по-новому озаботиться проблемой сохранения подроста. 3 февраля 1986 года генеральный директор производственного объединения «Лысьвалес» Ю. П. Симонов издал приказ, в котором говорилось: *«С момента перехода многооперационных лесосечных машин на новые деланки обеспечить их работу по технологии с сохранением подроста... За основу принять технологическую схему разработки лесосек с холостым ходом ЛП-19 по объездному волоку с соответствующими снижениями норм выработки; лесосеки разрабатывать по этой схеме параллельным, диагональным способом и способами широкого фронта».* Приказ больше походил на инструкцию, на основе которой начальнику ПРО ПТО объединения А. М. Вилисову поручалось организовать семинар по обмену опытом работы новой техники с сохранением подроста.

¹ Ризов, Д. Г. Крапивные острова : очерки. Пермь, 1987. С. 75.

Делегация лесоводов из ФРГ. 1994 г.

Проблемы машинной валки леса копились не только в объединении «Лысьвалес». Для популяризации нового метода работы и соблюдения технологических правил рубки и вывозки древесины руководство производственного объединения «Чусовлес» ежегодно проводило соревнования среди операторов ЛП-19. Дважды такие соревнования проходили в Кыновском ЛПХ. На одном из них, четвертом по счету, присутствовали представители из объединений «Горнозаводсклес», «Яйвалес», «Кудымкарлес», «Лысьвалес» и Бизярского ЛПХ. От лысьвенцев в соревновании выступали операторы Кормовищенского ЛПХ М. М. Моисеевских и Кыновского ЛПХ И. М. Борисов и С. М. Радостев, занявший первое место и признанный победителем.

В 12-й пятилетке по приказу министерства лесной промышленности перед объединением «Лысьвалес» была поставлена задача о переходе в ранг постоянно действующих с неистощимым лесопользованием предприятий. Это значило,

что при условии сокращения лесосырьевой базы нужно было максимально полно использовать все пригодное для производства сырье с целью резкого увеличения объемов готовой продукции, а также активизировать лесовосстановительные работы. По большому счету, в дело должно идти все дерево от пня до вершины. В Невидимковском лесопункте бригада И. Е. Шегурова приступила к трелевке не одних хлыстов, а деревьев с кроной. Эту непростую работу успешно выполняли трактористы А. Ковальчук, Н. Коротких, Н. Горбушин, С. Попиков. Сваленные деревья трелевались к сучкорубным машинам, после чего хлысты поступали на верхний склад.

Все более нетерпимыми становились мелкие организационные и технические неполадки. Классической в этом смысле выглядела история со сломанным болтом сцепления на погрузчике в Шаквинском лесопункте. На его ремонт ушло около 6 часов, а это значило, что в течение каждого потерянного часа оставались не погруженными и не вывезенными 25–30 кубометров древесины¹.

В январе 1986 года известная в Невидимке бригада А. Д. Старикова взяла подряд выполнить месячный план на 125%. Камнем преткновения были частые поломки и простои валочно-пакетирующих машины, но бригадный подряд научил людей маневрировать техникой, рачительно использовать рабочее время и материальные ресурсы. В предыдущие годы удавалось заготовить по 10–12 тыс. кубометров сверхплановой древесины. По нераспорядительности руководства лесопункта новый договор с бригадой о подряде не заключили, а просто выдали наряд-расчет с 20% доплатой, как при подряде, т.е. подряд как бы был и в то же время его как бы и не было. Против этого восстал бригадир А. Д. Стариков. Бригадный подряд

¹ Шаквинский лесопункт имел развалившийся неоттапливаемый гараж. Ремонтные работы проводились за счет самоотверженного труда механизаторов на открытом воздухе при любой погоде, в том числе при трескучих морозах. Строить гараж хозспособом не было сил, найти подрядчиков в городе руководители не могли.

приносил определенные преференции, а наряд-расчет, по словам А. Д. Старикова, *«разрешал администрации относиться к его бригаде не творчески, а формально»*. Иными словами, для выполнения повышенных обязательств, взятых в честь достойной встречи 27-го съезда КПСС, бригаде требовалось дополнительное механизированное звено для работы в две смены, лучшие условия для ремонта техники. Стариков снова написал заметку в областную газету «Звезда» о невнимательном отношении администрации лесопункта к бригадному подряду.

Следствием письма А. Д. Старикова и ответной реакцией областной газеты стало заседание бюро Лысьвенского ГК КПСС *«О работе партийного комитета объединения «Лысьвалес» по организации массово-политической работы в трудовых коллективах и по месту жительства»*. Бюро отметило недостаточную организаторскую и политическую работу парткома по воспитанию у трудящихся заинтересованного отношения к производству, повышения их общественной активности в укреплении дисциплины и порядка.

В ответ на критику бюро ГК КПСС руководство объединения «Лысьвалес» в срочном порядке организовало принятие повышенных обязательств по достойной встрече 27-го съезда партии и к 25 февраля заготовить и вывезти древесины не менее 28,8% годового плана, а к 1 мая – 61%. Для оказания помощи бригадам были организованы 9 творческих групп инженерной поддержки на погрузке вагонов, раскряжевке древесины, лесозаготовке. На практике инженерная поддержка оказалась недостаточно эффективной. 10 из 34 бригад план систематически не выполняли и с обязательствами не справлялись.

Чтобы активизировать деловой настрой работников, администрация пошла на выплату значительных денежных премий с формулировкой *«за успешное выполнение дополнительных заданий по вывозке круглого лесоматериала в декабре 1985 года»*. В день открытия работы 27-го съезда КПСС денежные премии на сумму 8645 руб. получили 16 бригад объединения «Лысьвалес».

Премиальный дождь, пролившийся на рабочих и служащих, не внес значительных изменений в увеличение объемов заготавливаемой лесопродукции и не отразился на росте доходности предприятий. Для повышения эффективности использования древесины и включения в производство вторичного сырья и отходов в объединении прошел общественный смотр рационального использования лесных ресурсов, вторичного древесного сырья, отходов лесозаготовок и переработки под руководством заместителя генерального директора А. М. Сидорова. Относительно удачно в ходе смотра удалось наладить производство пихтового масла, за что многие работники были поощрены денежными премиями.

Борьба за выполнение решений партийного съезда совпала с проведением внутрихозяйственной реорганизации, в результате которой два отдельных структурных подразделения Кормовищенский лесозаготовительный пункт и Кормовищенский нижний склад 1 мая 1986 года влились в один Кормовищенский ЛПХ. Директором леспромхоза назначили бывшего главного инженера объединения «Лысьвалес» Н. И. Барковского. Само объединение перестало существовать, а его функции перешли к производственному объединению «Чусовлес».

Под знаком гласности и перестройки

В конце 1980-х годов все более обсуждаемой становилась тема истощения лесосырьевой базы района. Это понимали те, кто занимался лесозаготовками, и те, кто отвечал за охрану и воспроизводство лесных богатств. Не случайно в коллективном договоре объединения «Лысьвалес» на 1986 год договаривающиеся стороны согласились о сокращении разницы между общим объемом вывозки 680 тыс. куб. м и заготовкой деловой древесины в размере 643 тыс. куб. м. За счет улучшения качества товарной продукции объединение рассчитывало получить 17562 тыс. рублей.

На одной из сессий горсовета заместитель председателя горисполкома А. А. Котельников говорил: *«Лесозаготовителям района не планируется увеличение заготовок древесины»*.

ны. Ставится задача наиболее полной ее переработки, создания новых производственных мощностей, позволяющих при снижении темпов рубки древесины увеличить товарную продукцию».

Размышляя над словами А. А. Котельникова, генеральный директор объединения «Лысьвалес» Ю. П. Симонов признавал, что лес должен заготавливаться в пределах расчетной лесосеки, тогда как фактически рубки осуществлялись с превышением примерно в два раза. Указом Совета министров РСФСР переруб был запрещен комплексным предприятиям, состоящим из лесхозов и леспромхозов, но объединение «Лысьвалес» таковым не являлся, а это значило, что в принципе его структурным подразделениям переруб не возбранялся. Изменить ситуацию предлагал начальник производственного отдела Кормовищенского ЛПХ А. М. Вилисов. Он видел возможность прекратить перерубы за счет создания комплексного предприятия. Против этого предложения резко выступил директор лесхоза А. А. Журавлев¹.

В определенном смысле директор гослесхоза находился в роли государственного «смотрящего» за положением дел в

*Директор Лысьвенского гослесхоза
А. А. Журавлев*

¹ Журавлев Александр Алексеевич (1931–2000 гг.) род. в г. Мамадыш Татарской АССР. В 1956 году окончил Лубянский лесхоз-техникум, после чего приехал на работу в Лысьвенский лесхоз в должности техника-лесоведа. Работал главным лесничим. Заочно окончил Поволжский лесотехнический институт в г. Йошкар-Ола. В 1965 году назначен на должность директора вновь восстановленного Лысьвенского государственного лесхоза. Высококласный специалист и хозяйственник. За 35 лет работы в лесхозе много преуспел в защите и восстановлении лесных богатств района, в создании хороших условий труда и быта работников.

лесном хозяйстве района. Умелый организатор и прекрасный специалист, он грамотно руководил гослесхозом, внедрял современные формы ухода за посадками, обеспечивал древесиной строительные нужды города за счет рубок ухода, создал эффективно действующее подсобное сельское хозяйство. Гослесхоз по праву считалось лучшим в области.

Несогласие с некоторыми аспектами деятельности А. А. Журавлева высказывала общественность города. Особенно это касалось вопросов, связанных с химической обработкой лиственных лесов. 24 июля 1986 года Ю. Халтурин в заметке «Над лесом – железные птицы...» призывал жителей Лысьвы заявить протест против широкой химизации и восклицал: «Найдутся ли смелые люди, вставшие против химизации». В июне 1987 года с открытым письмом к директору лесхоза выступили 25 подписантов из Шаквы, Кормовища, Невидимки, в числе которых были Лауреат Государственной премии СССР, депутат городского Совета, депутаты сельских Советов, передовики производства. В послании говорилось, что в результате химухода гибнут приспевающие березовые леса, разрешенные к рубке из-за истощения лесосырьевой базы, усыхает липа, в то же время лесхоз ведет рубки ухода в хвойных лесах и выбирает при этом лучшие деревья¹.

В свою очередь А. А. Журавлев доказывал, что химуход – это благо, которое позволяет экономить значительные средства, затрачиваемые при ручных рубках ухода, что древесины вполне хватит, если ее по-хозяйски использовать, что нельзя представителей государственной лесоохраны лишать права наказывать руководителей леспромхозов за грубые нарушения лесопользования. Не уточнял Александр Алексеевич одно: за нарушения правил лесопользования руководители платили не из личного кармана, а из доходов своих хозяйств. Кроме того, никто не отслеживал, как рубки ухода осуществлялись самим гослесхозом.

¹ *Открытое письмо директору лесхоза А. А. Журавлеву // Искра». – 1987. – 18 июня.*

В 1985 году на базе Лысьвенского гослесхоза состоялся Всероссийский семинар по теме «Длительно-постепенные лесозаготовки на примере лесных угодий Лысьвенского района». Считалось, что эта методика максимально щадит лес. По замыслу разработчиков поэтапно выбирался только спелый и перестойный лес, тогда как весь остальной оставался целым и невредимым в ожидании часа, когда за ним придут лесозаготовители. Однако исследовательская практика, проведенная в лесах Лысьвенского района, показала, что новый метод нарушал естественный баланс произрастания в первую очередь ели, которая не могла нормально развиваться без разновозрастных насаждений своего вида. На дальнейшем росте отрицательно сказывалась морфология местных почв. Исследования показали, что после первых же длительно-постепенных рубок выпадало более 90% ельников.

Длительно-постепенная рубка не нашла поддержки в лесных хозяйствах района. От безудержных рубок быстро скудели лысьвенские леса. В ближайшей перспективе прослеживалась угроза превращения района в безлесную территорию и закрытия лесных поселков. По данным отводов лесосечного фонда на 1970–1973 годы по трем лесхозам (Лысьвенский, Кыновской, Кормовищенский) вырублено: в 1970 г. – 790 тыс. куб. м, в 1971 г. – 806 тыс. куб. м, в 1972 году – 882 тыс. куб. м, в 1973 году – 829 тыс. куб. м. Всего – 3 307 тыс. куб. м. Приблизительно в таких же объемах вырубка велась в 1980-е годы. Только за 1 год леса вырубались на площади более 4 тыс. га.

В качестве поддержки деловой репутации А. А. Журавлева следует расценивать проведение на базе гослесхоза совещания руководителей 31 лесхоза области. Участники совещания ознакомились с технологией комплексной механизации и химизации лесопосадочных работ, с выращиванием посадочного материала в питомниках, с работой цеха по переработке древесины и подсобным сельским хозяйством. Ни на заседаниях, ни в кулуарных разговорах участники областного мероприятия даже не упоминали о еще недавно гремевшем «прогрессивном» методе длительно-постепенных рубок.

Незамедлительно требовалось восстанавливать огромные вырубленные площади, на которых еще недавно шумели леса. В лучшие годы лесовосстановительные работы проводились на площади 1200 га, что в разы отставало от потребности. Традиционная ручная посадка с помощью железного «меча Колесова» не оправдывала себя в силу огромного объема работы. На помощь пришла механизированная посадка. Первыми эту технологию освоили специалисты Шаквинского лесничества во главе с лесничим И. К. Кисельковым. Опыт шаквинских лесоводов показал, что даже на нераскорчеванных вырубках можно использовать технику. Работу начинал трактор ЛХТ-55 с установкой МРП-2 и плугом ПКЛ-70. Трактор прокладывал неглубокую предварительную борозду, по которой следовал второй трактор ЛХТ-55 с бочкой для гербицидов и плугом ПКЛ-70. Затем на полосу выходили два звена из десяти человек в составе двух трактористов, четырех сажальщиков и четырех оправщиков сеянцев на двух машинах МЛУ-1 и тракторах ЛХТ-55. Таким образом, бригаде лесника-механизатора Л. В. Волкова, состоявшей из двух звеньев С. И. Сергеева и В. И. Клементовича, удавалось успешно произвести плановые лесопосадки в благоприятное время и короткие сроки.

Для подготовки посадочного материала использовались семена 1 и 2-го класса качества. В отдельные годы заготовка семенного фонда выполнялась на 160 и более процентов. Выращивание посадочного материала шаквинские лесоводы организовали на закрытом грунте в теплицах.

В 1985 году механизированную посадку провели на площади 120 га. Обследование аналогичных посадок предыдущего 1984 года показали приживаемость саженцев на уровне 94,1%. Механизированный уход за посадками продолжался на 5–10 году жизни лесных культур. Механизированное звено Л. В. Волкова прицепляло каток-осветлитель КОК-1 к трактору и протаскивало его вдоль рядов лесных культур, приминая древесно-кустарниковую растительность на ширине 3 м. Таким образом, проводилось осветление молодых елочек и создавались благоприятные условия для их роста.

Опыт работы И. К. Киселькова был настолько привлекательным, что знакомиться с ним приезжали лесоводы из самых отдаленных уголков России¹.

Несмотря на широкую известность и авторитет текущая работа гослесхоза находилась в поле зрения надзорных органов. 3 ноября 1987 года в адрес лесхоза поступило письмо из городской прокуратуры «О выполнении государственного плана посадки и перевода лесных культур в покрытую лесом площадь». В письме указывалось на необоснованность внесения в акты данных о лесопокрытых площадях по Лысьвенскому лесничеству – 13,6 га, по Кормовищенскому – 138 га, по Матвеевскому – 294, 5 га.

При проверке качества разработки лесосек основные замечания прокуратуры сводились к нарушению технологии разработки лесосек, уширению волоков, оставлению сухостоя, плохой очистке мест рубок, уничтожению подроста.

С периодичностью один раз в 10 лет специальная лесо-строительная экспедиция проводила оценку состояния лесов, относящихся к зоне ответственности Лысьвенского гослесхоза. В 1988 году экспедиция разработала проект по использованию лесных запасов района до 2000 года. На основании

*Старший инженер Кормовищенского ЛПХ
А. М. Вилисов*

¹ По словам главного лесничего Н. Л. Волковой, И. К. Кисельков использовал так называемый «смоленский метод» механической лесопосадки. Метод не нашел широкого применения в лысьвенских лесах, так как экономически было невыгодно использовать большое количество техники и людей на пересеченной местности, изобилующей глубокими оврагами, логами и рассохами.

Коллектив лесхоза. 1982 г.

полученных данным годичный объем лесозаготовок мог составлять 505,4 тыс. кубометров древесины. С этими цифрами согласился гослесхоз, но не согласились представители общестственности и специалисты леспромхозов.

Оживилась дискуссия, начатая в конце 1970-х годов, о будущем лысьвенских лесов, точнее о методах и количестве лесозаготовок. Горячее обсуждение проблемы развернулось на страницах городской газеты «Искра», в которой приняли участие специалисты разных должностей и уровней. Дискуссию возглавил начальник ПРО ПТО объединения «Лысьвалес» А. М. Вилисов.

Анатолий Михайлович привел довольно простую схему лесозаготовительного цикла от рубки до отправки лесоматериалов потребителям. По плану 1988 года кормовищенцы приняли к производству 300 тыс. куб. м лесфонда. При этом никто не гарантировал, что количество древесных стволов точно соответствует заданной цифре. Их могло быть больше, но также могло быть меньше, однако лесостроители

планировали выход деловой древесины и ее валовый объем с запасом, который, якобы, компенсировал неизбежные отходы. По расчетам Вилисова за счет отходов от плановых 300 тыс. терялось до 24 тыс. куб. м древесины. При этом от леспромхоза требовалось поставить потребителям не меньше плановых 300 тыс. куб. м. До поры потери компенсировались за счет обильной лесосырьевой базы, когда полностью не вырубалась расчетная лесосека, и на корню можно было выбрать лучший лес. Однако времена изменились. Лесосырьевая база оскудела. Тогда всесоюзные чиновники пошли на откровенный подлог: снизили возраст спелого леса со 101 до 81 года, т.е. на 20 лет. Береза, например, в одночасье «состарилась» на 10 лет с 61 до 51 года. Таким образом, с помощью бумажных манипуляций удалось увеличить объемы спеловозрастных насаждений, а значит, не сокращать планы лесозаготовок.

Переход предприятий на хозрасчет потребовал вести лесопользование строго в пределах расчетных лесосек с реальным учетом выхода деловой древесины и таким же реальным учетом отходов.

Кормовищенские лесозаготовители обратились с просьбой к объединению «Чусовлес», а затем к «Пермлеспрому» не планировать *«выхода сортиментной деловой древесины более 73 процентов от общей кубомассы, как и пишется в лесорубных билетах. Иначе мы и впредь будем перерубать лесосеки... существующая система планирования лесозаготовок противоречива. Расчетную лесосеку по валу, в обезличенных кубометрах, она допускает перерубать. А вот ее же по запасам деловой древесины не рассматривает вовсе. Между тем, лесфонд в рубку по отчетам выделяется нам на два года вперед. Пока он идет до министерства через многочисленные инстанции, каждая считает себя вправе внести в него коррективы, т.е.*

подогнать под свои собственные задачи лесозаготовки, полагая, очевидно, что лесосеки резиновые»¹.

Позиция А. М. Вилисова заключалась в том, что самым приемлемым для Кормовищенского ЛПХ в сложившихся условиях является организация комплексного предприятия со всеми правами и обязанностями, присущими этой форме хозяйствования. Идею создания комплексного предприятия на базе леспромхоза активно поддерживала депутатская группа Кормовищенского сельсовета во главе с директором местной школы Л. Н. Сухаревой.

Сторонники организации лесопромышленного комплекса в Кормовище не учитывали уже имеющийся опыт соседних КЛПХ (Чусовой, Пашия, Комариха), когда новообразованные лесные хозяйства сами себе определяли расчетную лесосеку, сами занимались лесовосстановлением и уходом за молодняками (средства на эти огромные по масштабам работы требовались изыскивать в собственных доходах), наконец, сами себя контролировали, однако последнее делали плохо или совсем не делали.

Вопросы, поднятые на страницах газеты «Искра», оказались настолько животрепещущими, что к их обсуждению подключились заместитель генерального директора ТПО «Пермлеспром» Ю. П. Симонов, генеральный директор ПЛО Р. М. Панкратов², главный лесничий Пермского ЛХТПО А. Вирясов³, заместитель директора ТПО «Пермлеспром» Г. И. Тютин и главный инженер пермской экспедиции «Леспроект» М. Л. Чикун⁴.

¹ Вилисов А. С топором на перспективу? // Искра. 1989. 14 янв. С. 1 ; Вилисов А. Когда одолевает «зеленая» тоска // Искра. 1989. 17 янв. С. 1 ; Вилисов А. Будущее за комплексами // Искра. 1989. 19 янв.

² Газета выступила. Что изменилось? // Искра. 1989. 7 марта. С. 1.

³ Вирясов А. «Будет ли у леса хозяин»? // Искра. 1989. 16 мая. С. 3.

⁴ «Будет ли у леса хозяин»? // Искра. 1989. 22 июня. С. 3.

Рассуждения и предложения чиновников оказались на удивление одинаковыми. Г. И. Тютин писал: «ТПО «Пермлеспром» ...выражает надежду, что Лысьвенский горком КПСС и редакция газеты окажут необходимую помощь объединению и коллективу ЛПХ в создании комплексного предприятия»; Р. М. Панкратов советовал: «Путь эффективной работы Кормовищенского ЛПХ лежит также в переходе на арендные отношения уже в этом году вслед за кыновским леспромхозом, который имеет аналогичные проблемы, но решает их настойчивее и оперативнее».

Предлагая кормовищанцам переходить на арендный подряд и ссылаясь при этом на Кыновской ЛПХ, Р. М. Панкратов едва ли отдавал себе отчет в том, что представляет из себя новая форма хозяйствования. Пока никто не мог сказать, насколько аренда будет оптимальна в условиях того же Кына или Кормовища и как ее воспримут рабочие и руководители. В то же время, ученые мужи ничего не посоветовали, как уйти от перерубов, как действовать в режиме расчетной лесосеки, чтобы выполнять лесозаготовительные планы, спускаемые из высоких кабинетов.

В 1988 году в Кормовище организовался кооператив «Прогресс». Он занимался переработкой отходов леспромхоза и изготовлением товаров широкого потребления. За первое полугодие 1989 года кооператоры произвели и отгрузили потребителям товаров более чем на 300 тыс. руб. Возникновение нового хозяйствующего субъекта в поселке по-разному восприняли директор ЛПХ А. М. Сидоров и парторг Е. М. Ермолаев. Директор видел в кооперативе возможность трудоустройства работников, от излишка которых начал освобождаться леспромхоз, и таким образом проявлял заботу о будущем поселка. В свою очередь парторг ратовал против путаницы в документации кооператива, выступал против льгот, предоставляемых леспромхозом кооператорам, и, якобы, больших зарплат работников.

По большому счету обойтись без путаницы в тех же документах было просто невозможно по той простой причине, что, разрешив деятельность кооперативов, государство не

подготовило для них твердую правовую базу, как не обеспечило всю лесную отрасль нормативными документами по охране лесов, контролю за их использованием, переходу на хозрасчет и т.п.

Итоги продолжительной дискуссии подвела 10-я сессия горсовета (сентябрь, 1989 г.), которая обязала *«директора лесхоза А. А. Журавлева запретить отпуск древесины в объемах, превышающих расчетную лесосеку по всем группам лесов. Производственному лесозаготовительному объединению «Пермлеспром», объединению «Чусовлес» предусмотреть, начиная с 1990 года, снижение планов производства лесозаготовок до размеров расчетной лесосеки для Кормовищенского, Кыновского, Кордонского¹ леспромхозов».*

1 января 1990 года, с опозданием на 15–20 лет, леспромхозы перешли на работу в режиме расчетной лесосеки. Гослесхоз сократил Кормовищенскому ЛПХ лесозаготовки на 73 тыс. куб. м. Сокращения лесосечного фонда коснулись и Кыновского ЛПХ. Имея мощную лесозаготовительную технику и хороших работников, почти весь годовой план кыновляне выполнили за 1-й квартал 1990 года. По рекомендации экономистов весной началось сокращение штатных работников, на прикол встала часть техники. Уменьшились размеры заработной платы. Сократились объемы социальной помощи населению, учреждениям образования и здравоохранения. В органы советской власти посыпались жалобы от сельских ветеранов труда по поводу невозможности приобретения дров для отопления домов. По данным объединения «Лысьвалес» потребность в дровах для отопления жилищ населения лесных поселков и учреждений социально-культурной сферы составляла более 80 тыс. куб. м в год. «Шоковая терапия» обрушилась на лысьвенские лесопромышленные хозяйства.

Для многих жителей деревень и лесных поселков лес являлся единственным источником существования. В разы

¹ В свое время Кордонскому ЛПХ был передан Кордонский лесозаготовительный пункт с сырьевой базой в Матвеевском лесничестве.

увеличилось количество лесонарушений. За счет заготовки и продажи лесоматериалов пытались выжить разваливающиеся колхозы.

В складывающихся социально-экономических условиях как никогда возросла роль государственного гослесхоза. Как и раньше хозяйство отвечало за состояние лесов, их использование, охрану, воспроизводство и защиту, т.е. зона ответственности осталась по-прежнему огромной. Остались те же трудозатраты, традиционные методы отвода лесосек, сложившиеся сто лет назад, чрезмерные физические нагрузки, слабая оснащенность современными лесотаксационными приборами, маленькая заработная плата и, как ее следствие, отсутствие достаточного количества рабочей силы.

В чрезвычайной степени возросла нагрузка на лесную охрану, поскольку хищение леса увеличивалось с каждым годом и приобретало огромные размеры. К середине 1990-х годов в Соинском, Кормовищенском, Шаквинском, Матвеевском, Лысьвенском, Кыновском лесничествах служило всего около 80 человек, отвечающих за охрану лесов. В редкий день кто-то из них не вступал в конфликт с нарушителями лесного законодательства.

Осенью 1991 года работники гослесхоза провели обследование кварталов 123, 126, 129, разрабатываемых ЧИЛЗК. В результате проверки выяснилось, что на площади 2,5 га полностью уничтожен подрост, брошено 52 кубометра и не дорублено 8,7 кубометра древесины. Нанесенный ущерб оценили в 589 руб.

Со стороны отдела государственного контроля (ОГК) Пермского управления лесами усилился государственный контроль за лесопользователями, заготавливающими древесину на законных основаниях. 16 июля 1997 года инспекция ОГК и работники лесхоза провели контрольное освидетельствование мест выборочной санитарной рубки совхозом «Новорождественский» (7,5 га), агрофирмой «Лысьва» (37 га), колхозом «Мир» (18 га). В акте проверки были отмечены такие упущения, как непроведенное основное освидетельствование лесосек, за счет уширения волоков и заужения пасек уничтожен-

ный подрост, неудовлетворительная очистка лесосек, оставление неокоренной древесины и т.д.

Расширились совместные действия по охране лесов государственного лесхоза и городского комитета по охране окружающей среды. В августе-сентябре 1999 года проведена комплексная проверка Лысьвенского межхозлесхоза ПО «Перммежхозлеса», основанная на гражданских жалобах, поступавших в горисполком. В результате проверки работу межхозлесхоза признали неудовлетворительной. В актах было отмечено, что администрация хозяйства всячески уклонялась от проверки, лесосеки отводились с нарушениями, отсутствовала должная охрана лесов, широкое распространение имели самовольные и бесконтрольные рубки. За разбазаривание лесных богатств директору хозяйства было сделано предупреждение на предмет немедленного наведения порядка со всеми вытекающими из этого выводами.

Первыми вступив на путь арендных отношений, кормовищенские лесозаготовители в течение всего последнего десятилетия 20-го века продолжили двигаться в избранном направлении. Чтобы увеличить поступление финансовых средств, леспромхозовские руководители сдали в аренду цеха по переработке щепы, изготовлению пихтового масла и хвойно-витаминной муки, производство шпал. Свертывание лесозаготовок на четверть привело к дефициту пихтовой лапки, из которой вырабатывалось пихтовое масло. Пользуясь буквой Лесного кодекса, арендаторы обратились к городскому и сельскому населению с предложением заготавливать хвойное сырье со стоящих деревьев. Повсеместно, в том числе в зеленой зоне города, началась варварская рубка пихтовых деревьев.

Во второй половине 1991 года арендаторы создали в Кормовище малое предприятие, похожее на расширенную комплексную бригаду, занимавшуюся заготовкой, вывозкой и переработкой древесины. Из-за неразберихи в ценовой и законодательной политике государства и при внешней самостоятельности «арендная бригада» оставалась накрепко связанной к леспромхозу, ставшему посредником в решении

вопросов стратегического и тактического планирования, отчислений, арендной платы.

Директор ЛПХ В. А. Андриянов, по советским меркам крепкий хозяйственник, смотрел на арендаторское движение с осторожностью, а будущее лесного хозяйства связывал с постоянно действующими леспромхозами. Для оптимистического настроения руководителя в хозяйстве имелись 160 тыс. куб. м древесины в расчетной лесосеке, солидный парк лесозаготовительной техники, стабильный рост товарной продукции, профессиональные кадры. Имея, с его точки зрения, надежные тылы, директор не столько думал об экономическом развитии хозяйства, сколько о совершенствовании социальной сферы.

К концу 1990-х годов Кормовище представляло собой большой населенный пункт с населением более 2 тыс. человек и являлось центром сельского Совета. Многие годы поселение разрослось за счет переезда жителей закрывающихся и неперспективных лесоучастков Рассоха, Старое Кормовище, Кордон Терси, Парканы, Чунтоновка, Сергино, Ломовка, Киселевка. В состав сельсовета входили два крупных населенных пункта Верх-Лысьва и Невидимка. В совокупном выражении население сельсовета насчитывало около 4 тыс. человек.

На закате советской эпохи социальная сфера сельсовета имела разнообразный, но далеко несовершенный набор услуг, предоставляемых лесозаготовителям и членам их семей. Сельсовет, получив в свое подчинение школы, детские сады и ясли, библиотеки, клубы, медпункты, не имел возможности не только строить новые и ремонтировать старые здания, но и выплачивать зарплату социальным работникам. Если вынашивались планы по замене водопровода, прокладке

*Директор Кыновского
ЛПХ П. А. Штейников.
1990-е г.*

газа, строительству дорог, то расчет делался на добрую волю леспромхоза. Некоторое время эти надежды оправдывались. Леспромхоз вкладывал немалые средства в строительство жилья, школы, магазина, ремонт водопровода, но, как показала жизнь, такой подход не оправдал себя и продолжался не долго. Материально-техническая подпитка социальной сферы прекратилась, сам леспромхоз вступил в полосу кризиса.

Резкий переход на расчетную лесосеку и постепенное угасание деловой активности леспромхозов породили волну недовольства даже в высших властных кругах Лысьвы. Надо было как-то реагировать на естественное возмущение жителей лесных поселков, да и сокращение финансовых поступлений в городской бюджет тоже играло немаловажную роль. Тем более что никаких продуманных планов о будущей судьбе лесных поселков и их жителей не было ни у власти, ни у самих лесозаготовителей. Оценивая социально-экономическую обстановку в лесных поселках, вторая сессия горсовета (июль, 1990 г.) приняла решение выделить леспромхозам дополнительные площади для рубки леса сверх расчетной лесосеки¹. После продолжительных дебатов «в порядке исключения» сессия разрешила дополнительно заготовить 30 тыс. куб. м древесины Кормовищенскому и 50 тыс. куб. м – Кыновскому ЛПХ. Примерно 40 тыс. куб. м от этих объемов должно было поступить на нужды города и района. Ожидания депутатов о пополнении городского бюджета не оправдались. В пересчете на деньги в первом квартале 1991 года лысьвенская казна недополучила от Кормовищенского ЛПХ 403 тыс. руб., от Кыновского ЛПХ – 34 тыс. руб., от Кумышанского лесопункта – 29 тыс. руб.

¹ Депутаты обсуждали три предложения: 1. Согласиться с перерубом, но 50% заготовленной древесины оставлять в районе; 2. Разрешить вырубку 15% леса в счет 1991 года; 3. Оставить в силе решение сессии горсовета от 15 сентября 1989 года о переходе на расчетную лесосеку.

В последнее десятилетие 20-го века шла вяло текущая перекройка лесопромышленного хозяйства Лысьвенского района. Весной 1991 года началось сворачивание деятельности Чечено-Ингушской ЛЗК. На основании приказа № 54 от 18 апреля 1991 года объединения «Чеченингушагропромстрой» администрация конторы приступила к сокращению рабочих и списанию технических средств. Закрытие ЧИЛЗК продолжалось в течение двух лет. На базе бывшей ЛЗК создали недолго просуществовавший хозрасчетный лесозаготовительный участок.

Небольшие арендные образования создавались на базе структурных подразделений гослесхоза – лесничествах. Например, в Соинском лесничестве арендаторы занимались удовлетворением потребительских потребностей населения на основе лесопереработки в виде производства товаров широкого потребления.

В целом вторая половина 1990-х годов прошла для лысьвенских лесозаготовителей под знаком выживания: жить и работать по-старому было невозможно, по-новому мало кто понимал, как вписаться в рыночные отношения. Убыточность предприятий, пытавшихся остаться «наплаву», составила 50% и более. Основные фонды приходили в негодность. Низкая рентабельность не покрывала даже текущие издержки. Рабочие попадали под сокращение или из-за низкой заработной платы брали расчет.

*Главный инженер
Кыновского ЛПХ
Д. П. Перевозчиков.
1990-е гг.*

*Председатель лысь-
венского отдела
по охране окру-
жающей среды и приро-
допользованию С. В.
Михута*

Под контролем гослесхоза появились новые лесфондодержатели: агрофирма «Лысьва» (Липовая), ТОО «Заимка» (Заимка), ТОО «Новорождественский» (Новорождественское), ТОО «Канабеки» (Канабеки), АЗОТ «Аитково» (Аитково), ТОО «Матвеевский» (Матвеево), колхоз «Мир» (село Кын), колхоз «Новина» (Маховляне), администрация г. Лысьвы, колхоз им. Горького (Березовский район¹. Хозяйственно-правовую трансформацию претерпели Кормовищенский и Кыновской леспромхозы, ставшие ООО «Кормовищелес» – АОЗТ «Комплес и ОАО «Кыновской ЛПХ».

Новые договорные взаимоотношения складывались между гослесхозом и лесопользователями в вопросах передачи в аренду участков лесного фонда. За все договорные услуги, предоставляемые гослесхозом, лесозаготовители должны были платить. Из-за огромного круга проблем то одно, то другое предприятие вынуждено было приостанавливать свою деятельность. В результате жители лесных поселков оставались без работы. По привычке они видели в лесу естественный источник существования, поэтому увеличилось количество самовольных рубок, организуемых доморощенными «бизнесменами». Беспощадным вырубкам подвергались ценные породы деревьев, тогда как «листвянка» оставалась не тронутой. Нарушений в лесу было так много, что гослесхоз в марте 2000 года вынужден был обратиться в администрацию города с просьбой о выделении сотрудника ОВД, занимавшегося вопросами лесоохраны и борьбы с расхитителями лесных богатств.

¹ Леса Лысьвенского лесхоза не совпадали с границами Лысьвенского района.

Однако и сам лесхоз, работая в режиме хозрасчета, перерубал ликвидные запасы леса для своих лесопилок, осуществлял рубки без учета группы лесов, полноты насаждений, довольно свободно вел себя в пригородных лесах, что вызывало протесты со стороны городского комитета по охране природы.

Проблемы лесного хозяйства все более превращались в глобальные проблемы охраны природы. В результате разграничения полномочий по контролю за лесами между Госкомприродой и Минлесхозом РСФСР все более сужался круг ответственности за состоянием лесов со стороны местных органов власти, в том числе комитетов по охране природы. Свою лепту в лесные неурядицы внесла идея о разделе государственного лесного фонда.

По новому лесному законодательству лесозаготовители должны принимать очередной участок для разработки, взяв его в аренду, для чего следовало принять участие в торгах и аукционах. Если для крупных дельцов пройти через все процессуальные процедуры было не сложно, то для мелких предпринимателей, их в районе насчитывалось более десятка, подбор специалистов, лицензирование становилось сплошной головной болью.

Нарастал градус общественного недовольства положением дел в районном лесопользовании среди рядовых граждан и представителей общественности. Городская газета «Искра» систематически публиковала материалы под рубрикой «Родному краю – экологическую безопасность», в которой отношение к лесу часто называлось варварским. Людей возмущали безоглядные вырубки и неудовлетворительная работа по восстановлению лесов. Пользуясь тем, что часть лесов гослесхоза и межхозлесхоза находилась на городских землях и землях земельного запаса, лесхоз беспричинно вырубил в пригородной зоне по левобережью реки Малая Запорная несколько гектаров ельника, а межлесхоз осуществил «санитарную» рубку рукотворного сосняка на правом берегу этой же реки. В обоих случаях не были проведены лесопатологические обследования и не выданы рекомендации лесоустроителей.

Коллектив лесхоза. 1985 г.

По словам председателя комитета по охране окружающей среды С. В. Михуты, из-за неудовлетворительного ухода в связи с недостаточным финансированием и отсутствием кадров гибли десятки гектаров молодых лесопосадок.

Вопреки оптимистическим заявлениям чиновников об удовлетворительно-стабильном состоянии животного мира опытные рыбаки и охотники, помимо сокращения поголовья лосей, отмечали, что безудержные рубками привели к сокращению запасов боровой дичи, обсыханию некогда рыбных рек. К сожалению, никаких ретроспективных аналитических данных о состоянии животного мира района в связи с сокращением стадий обитания, уничтожения токовищ и т.п. ни общество охотников и рыболовов, ни охотовед горисполкома не публиковали в местных СМИ.

Многолетние проблемы леса органично вписывались в обострение экологической ситуации на территории всего Лысьвенского района. Жители и специалисты – экологи отмечали предельно высокую загазованность воздушного пространства города, загрязнение естественных водотоков, скоп-

ление залежей бытового и промышленного мусора в городской черте и пригороде. По этой причине городской комитет по охране природы разработал комплексную программу по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов на 1991–1995 годы и период до 2005 года, утвержденную решением городского Совета народных депутатов 19 марта 1991 года. Вероятно, из-за непредсказуемости социально-экономической ситуации в стране в 4-м разделе «Охрана и рациональное использование лесных ресурсов» разработчики программы в качестве целевых задач обозначили набор стандартных мероприятий, как то: обеспечение постоянного и неистощительного лесопользования через расчетную лесосеку по всем группам лесов, проведение реконструктивных рубок в лиственных насаждениях, сохранение особо ценных пород деревьев, установление нормативного сохранения подроста и т.д. И уж совсем утопично звучал пункт программы о передаче леса в ведение городского Совета и изменении структуры управления лесами.

Городская комплексная программа по охране окружающей среды не могла решить поставленные задачи по определению в силу кризисного состояния экономики, череды организационно-структурных изменений в управлении охраной природы в масштабах страны и региона. Подобные процессы имели место и в лесной отрасли. Вместе с тем, кризис лесозаготовительной отрасли в определенной степени благоприятно сказался на процессе лесовосстановления. На основании анализа природоохранной документации можно сделать вывод, что за 5 лет с 1996 по 2000 год почти уравнилась динамика вырубок и площадей лесовосстановления по Лысьвенскому гослесхозу. В 2000 году закончились очередные полевые работы по лесоустройству лесов гослесхоза.

В соответствии с решениями Всероссийского съезда по охране природы и областного экологического съезда (1995 г.), а также разработкой областной экологической программы на 1996–2000 годы городской комитет по охране природы разработал новую целевую комплексную программу «Охрана окружающей среды г. Лысьва на 1997–2000 годы». На этот раз это

был менее амбициозный и более конкретный документ. Исполнителями программы были определены гослесхоз и межлесхоз, отвечающие за охрану лесов от пожаров, а также лесовосстановительные работы, в том числе по посадкам и содействию естественного возобновления лесов. Лесозаготовители в программе не значились. Насколько результативно велась работа по исполнению программы в части возрождения лысьвенских лесов, свидетельствует текущая информация о том, что год от года площади рукотворного лесовосстановления продолжали сокращаться.

В начале двухтысячных годов небольшой всплеск деловой активности пережило ООО «Кормовищелес». Помимо создания подконтрольных арендных структур предприятие некоторое время занималось экспортными поставками пиловочника за границу, хвойного и березового баланса в Пермский и Камский целлюлозно-бумажные комбинаты, щепы в Пермский и Ляминский домостроительные комбинаты. Небольшие объемы пиловочника удавалось продавать на внутреннем рынке.

Наследники славных традиций Асовско – Лысьвенско – Кормовищенского леспромхоза не смогли выстоять в жестких условиях свободного предпринимательства. Бывшие леспромхозовские руководители, оказавшиеся во главе арендного предприятия, не смогли наладить эффективную работу, предпочитая постепенно избавляться от основных фондов некогда крепкого леспромхоза. Последовательно сворачивалась уставная лесозаготовительная деятельность в Шакве, Невидимке, Кормовище. Итоговую черту подвело решение о банкротстве.

По-иному сложилась судьба ОАО «Кыновской ЛПХ». В переломный период истории леспромхоза во главе хозяйства стояли директор П. А. Штейников и технический директор Д. П. Перевозчиков. Им удалось весьма результативно определить баланс между социальной и экономической политикой хозяйства в новых рыночных условиях. В отличие от В. А. Андриянова П. А. Штейников не только поддерживал социальную сферу и заботился о ее развитии, но и целенаправленно работал над расширением ассортимента и углублением произ-

водства. Имея огромные долги (были моменты, когда только одному гослесхозу кыновляне задалживали 111184 руб. по лесным податям, 10880 руб. за информацию по лесным фондам и т.д.) П. А. Штейников и Д. П. Перевозчиков упорно и целенаправленно работали над стабильной лесозаготовкой и глубокой переработкой древесины. Под контролем П. А. Штейникова вырубалась вся расчетная лесосека и осуществлялась поставка кругляка в Кын, а Д. П. Перевозчикову удалось перевести весь технологический процесс на уровень почти безотходного производства. В леспромхозе сохранились традиционные экспортные связи с рядом европейских стран и сырьевые поставки в виде щепы и баланса на перерабатывающие предприятия России. Но, пожалуй, самым главным в борьбе за сохранение предприятия явилось расширение глубокой переработки древесины и сохранение лесосырьевой базы.

Пережив «лихие девяностые» и выстояв в начале двухтысячных, ОАО Кыновской ЛПХ» снова стал одним из крупнейших лесозаготовительных предприятий Пермского края. Арендную базу бывшего Кормовищенского леспромхоза передали новым, в том числе, столичным предпринимателям, для которых лес – это просто товар, который надо удачно продать.

21 июня 2021 года

Послесловие

Вот такая быль сложилась о лысьвенских лесах. Как многое в советское время, в ней перемежались героические и драматические страницы ушедшего 20-го века. Человеческая память устроена так, что печальные воспоминания со временем стираются, а жизнь продолжается с надеждой на лучшее будущее. Точно также и лес: бескрайние вырубki постепенно покрываются самостоятельными посадками. Особенно буйствуют лиственные породы: береза, осина, липа, ива. Хвойные породы охотно осеменяют заброшенные сельхозугодья бывших колхозов и совхозов. Но не скоро молодую поросль можно

будет называть лесом в полном смысле этого слова. Не скоро сквозь густые кроны берез и осин к солнцу пробьются прямоствольные красавицы-ели, сосны и пихты.

Когда-то поэт назвал опыт «сыном ошибок трудных». Учет ли нынешнее поколение опыт предков, безоглядно вырубивших необъятные кондовые леса, когда обособленно жили законы плановой экономики и правила научного лесопользования. Сумеют ли современные лесозаготовители и ученые свести к единому знаменателю практические потребности в лесе и заботу о его сохранении и приумножении.

На стыке веков в лесу появились новые хозяева – арендаторы. Это люди, для которых лес – источник заработка. У многих из них нет соответствующей профессиональной подготовки. Под топорами вольных лесорубов рушатся леса вдоль водоохраных зон рек и дорог; безжалостно вырубаются пригородные леса, некогда защищаемые местными законами. Мощные тягачи превратили лесные и сельские дороги в заполненные грязью траншеи. Нередко дороги местного значения превращаются в погрузочные площадки для заготовленной древесины. Существует негласное правило: взять лес там, где легче и дешевле. Из-за несовершенства законодательной базы контроль за деятельностью таких лесорубов носит чисто символический характер. Кому поручено радеть за благополучие леса, могут только «надеются на понимание» лесорубами бережного отношения к природе.

Беда в том, что новые хозяева леса живут за сотни, а то и тысячи километров от лесных делянок. Их не интересует судьба лесных поселков и их жителей, состояние дорог и мостов, рек и речушек. В мутные девяностые годы под обольстительные обещания о возрождении лесопромышленного производства и благоустройстве поселков они набирали государственные кредиты, которые не собирались возвращать, и закладывали основы своих лесных империй.

Нарушен привычный далеко несовершенный советский порядок лесопользования. Сегодня никого не удивляют разбросанные тут и там разнокалиберные лесопилки, кучи отлета и опила, сваленные на бывшие колхозные поля, вдоль дорог и

лесных опушек, разбросанные по лесосекам комлевые обруб-ки хлыстов, неприбранные вырубki.

Лысьвенские леса занимают более 80% территории рай-она. Им нужна помощь. Прежде всего, необходима жесткая законодательная норма для лесопользователей, как, впрочем, для любого человека, вступившего под крону зеленого друга. Непременным должно быть правило: срубил дерево, посади два. Лес не мастерская, в которой человек хозяин, а дарован-ный Природой источник биологических и растительных ресур-сов. Как показала практика 20-го века, использовать этот ре-сурс надо крайне бережно и умело. Один мудрый чеченец ска-зал: «Посади сегодня дерево, даже если ты знаешь, что зав-тра конец света».

Очень хочется, чтобы свой первый шаг в лес человек сделал рядом с умным наставником-учителем, лесником, краеведом и увидел его глазами поэта Николая Рыленкова:

*«Все в тающей дымке: холмы, перелески.
Здесь краски не яркие
И звуки не резки.
Здесь медленны реки,
Туманны озера –
И все ускользает об беглого взора.
Здесь мало увидеть,
Здесь нужно всмотреться,
Чтоб ясной любовью наполнилось сердце.
Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья нахлынули дружно;
Чтоб вдруг отразили бездонные воды
Всю прелесть застенчивой Русской природы».*

Содержание

От автора (из воспоминаний).....	3
С чего начиналась быль.....	6
Лес и завод.....	12
Первая советская лесосека.....	25
Лесной отдел завода.....	30
В круговороте трудовых будней.....	41
Невольники леса.....	47
Новые лесные промышленные хозяйства.....	66
Работать по методу товарища Гузиенко!.....	78
Древесина для победы.....	88
Письма товарищу И. В. Сталину.....	100
Техническое переоснащение производства.....	113
Больше леса стране.....	122
По рекам и железнодорожным магистралям.....	135
В поход за технический прогресс.....	142
Трудиться как костромич Геннадий Денисов.....	150
За систему планирования и материального стимулирования.....	162
Новые рубежи.....	177
Проблемы десятой пятилетки.....	191
За полную механизацию производства.....	205
Под знаком гласности и перестройки.....	214
Послесловие.....	235

Николай Михайлович Парфенов

Быль лысьвенских лесов. Век 20-й

Фотографии:
фонды архивного отдела администрации
Лысьвенского городского округа,
архивы газеты «Искра», отдела окружающей среды и
природопользования администрации городского округа,
Лысьвенского гослесхоза.

Благодарю:
А. М. Вилисова – ветерана производственного объединения
«Лысьвалес»,
Н. Л. Волкову – главного лесничего Лысьвенского гослесхоза,
С. В. Михуту – начальника отдела окружающей среды и при-
родопользования администрации Лысьвенского городского
округа – за оказание помощи в работе над книгой

Компьютерная верстка: С. И. Ёлохова

ББК 63.3(2)
П 18

© Николай Михайлович Парфенов, 2022

Отпечатано в ООО «Издательский дом», г. Лысьва,
ул. Metallстов, 1, корпус «Г». Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ ИД424 от 15.06.2022 г.

